

Министерство
Министерство культуры Российской Федерации

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия
им. Д. С. Лихачева

**Российское культурное наследие
за рубежом:
анализ состояния и сохранения,
актуальные проблемы
использования и доступности**

*Материалы Всероссийской
научно-практической конференции
14 октября 2015 г.*

.

Институт Наследия
Москва · 2015

УДК 37 (09) P-76
ББК 70. 0 P-76

Редактор-составитель – **Т. А. Пархоменко**
Литературный редактор – **Н. В. Назарова**

Статьи представлены в авторской редакции

Российское культурное наследие за рубежом: анализ состояния и сохранения, актуальные проблемы использования и доступности: Материалы Всерос. науч. -практ. конф. 14 окт. 2015 г. / Мин-во культуры РФ; Рос. науч. -исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачева; ред.-сост. – Т. А. Пархоменко; лит. ред. – Н.В. Назарова – М.: 2015. – 240 с.

В книге собраны материалы Всероссийской научно-практической конференции «Российское культурное наследие за рубежом: анализ состояния и сохранения, актуальные проблемы использования и доступности», организованной Российским научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева в Москве 14 октября 2015 г.

ISBN 978-5-86443-196-2

© Авторы статей, 2015
© Институт Наследия

Предисловие

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева провел в Москве 14 октября 2015 г. Всероссийскую научно-практическую конференцию «Российское культурное наследие за рубежом: анализ состояния и сохранения, актуальные проблемы использования и доступности». В работе конференции приняли участие как научные сотрудники Института Наследия, так и работники других учреждений России, в том числе преподаватели вузов: Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Российского государственного гуманитарного университета, Российского университета театрального искусства и др. Конференцию открыли директор Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева А. С. Миронов и директор Дома русского зарубежья им. А. Солженицына В. А. Москвин.

Программа конференции отличалась тематической насыщенностью и включала обсуждение таких вопросов, как феномен российского культурного наследия за рубежом, объекты истории и культуры русского зарубежья, теоретические и практические основы русского зарубежного памятниковедения, музеи и музейные коллекции русского зарубежья, военно-историческое и морское наследие России за рубежом, художественное наследие зарубежной России, деятели культуры зарубежной России, русский заграничный некрополь, туристское использование объектов материального российского культурного наследия за рубежом.

Ввиду большого разнообразия представленных докладов было решено проводить работу по двум секциям: в

одной рассматривать общие вопросы изучения, сохранения и использования российского культурного наследия за рубежом, в другой — анализировать творческое наследие деятелей русского зарубежья и его значение для отечественной и мировой культуры. Тематика докладов охватывала большой промежуток времени от XIX до XXI вв. и затрагивала самые различные регионы мира: Россию, страны Центральной, Западной и Северной Европы, Америку, Австралию, Африку. Особое внимание привлекли доклады «Граница Российской империи и ее пограничье, ставшие территорией зарубежных стран: проблемы изучения и сохранения наследия старых российских границ» (кандидат военных наук С. А. Рябов), «Опыт изучения и популяризации военного и морского наследия России и воспитания патриотизма в ходе морской парусной культурно-исторической экспедиции московских школьников в Тунис в 2007 году; по следам “Русской эскадры 1920 г. ”» (кандидат исторических наук С. А. Мозговой), «Русское зарубежное религиозное наследие в Европе» (кандидат культурологии С. Ю. Житенёв), «Локализация русской исторической памяти в ландшафтах, исключаяющих ее мемориализацию» (кандидат философских наук А. А. Трошин, Н. П. Лакутина), «Туристское использование русского зарубежного культурного наследия для российских туристов» (доктор исторических наук Ю. С. Путрик) и «Петербург без Петербурга, Крым без Крыма: особенности локального текста в литературе русского зарубежья» (кандидат культурологии А. П. Люсьи).

Насыщенной в интеллектуальном плане стала работа второй секции конференции, посвященной деятелям русского зарубежья и их культурному наследию. В рамках этой секции прозвучали доклады профессора, доктора искусствоведения М. Г. Литавриной «Неизвестные наслед-

ники. Ученики школы Станиславского М. А. Успенская и В. А. Соколов – актеры-педагоги в Голливуде», старшего научного сотрудника Музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», кандидата культурологии Е. П. Гриценко «Образовательная деятельность потомков Л. Н. Толстого за рубежом», кандидата исторических наук, ведущего научного сотрудника Института Наследия А. А. Зайцевой «Россия в судьбах деятелей русской эмиграции (по материалам Русского культурно-исторического музея в Праге)» и др.

Характерной особенностью конференции стало активное участие в ней молодых ученых и аспирантов, исследовательские интересы которых простирались от «Русского интеллектуального наследия П. И. Новгородцева» (П. Е. Царьков) и «Коллекций русского искусства в музеях стран Балтии» (З. Д. Матвеева) до «Системы изучения русского зарубежного наследия в туристских вузах Российской Федерации» (кандидат педагогических наук А. П. Соловьев).

Работа конференции в целом обнаружила большой интерес исследователей к отечественной россике, находящейся в различных странах мира, и показала настоящую необходимость ее выявления, описания, изучения, активного включения в культурную, образовательную и туристическую деятельность. Восстановление в полном объеме некогда утраченного культурного богатства русского зарубежья может сыграть важную роль в формировании в различных странах мира русской культурной среды и русской среды памяти, включающей художественные коллекции, книжные и архивные собрания, научные и технические достижения, некрополи и т. д., и служащей духовной опорой безграничного русского мира.

Т. А. Пархоменко

**Граница Российской империи
и ее пограничье, ставшие
территорией зарубежных стран:
проблемы изучения
и сохранения наследия
старых российских границ**

Рябов Сергей Алексеевич

*Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева.*

Россия, Москва

E-mail: wpsr@yandex.ru

**The border of the Russian empire
and its borderlands have become
the territory of foreign countries: the
problem of the study and preservation of
the heritage of the old Russian border**

Ryabov Sergey A.

The Russian Institute of Cultural and Natural

Heritage by named D. S. Likhachev

Russia, Moscow

АННОТАЦИЯ

В статье выдвигается тезис о наличии за государственной границей современной России масштабного по размерам и богатого культурного наследия, которое составляют бывшие прежде российскими рубежи с другими странами, а также прилегающее к ним историческое пограничное пространство. Утраченные Россией в разное время и по разным причинам границы и пограничье, составляющие теперь территорию других государств, располагают большим количеством памятников российской военной и морской истории и культуры, нуждаются в выявлении и постановке на учет. Автор раскрывает структуру этого специфического вида наследия, формулирует проблемные вопросы изучения и сохранения объектов пограничного наследия, а также называет возможные пути их решения.

Ключевые слова: государственная граница; пограничье России; военное и морское наследие; крепости; рубежи; географические карты; делимитация и демаркация границы; пограничные знаки; линия границы.

ABSTRACT

The paper argues for the existence of the modern Russian state border scale in size and rich cultural heritage, which are former first Russian borders with other countries, as well as the adjacent historic border area. Lost Russia at different times and for different reasons, and the border frontier, is now at the territory of other states, a large number of monuments of Russian military and maritime history and culture, the need to identify and statement on the account. The author reveals the structure of this particular kind of heritage, formulate problematic issues of study and preservation of the heritage sites of the boundary, as well as calls possible solutions.

Key words: the state border; Russian borderlands; military and maritime heritage; forts; borders; maps; delimitation and demarcation of the border; the border marks the boundary line.

Велико по масштабам и многообразно наследие России, по разным причинам и в различные времена оказавшееся за рубежом. Материальные и нематериальные памятники истории и культуры, которые находятся за границей, выявляются, классифицируются, изучаются и берутся на учет. Предпринимаются меры к их сохранению и пропаганде российского зарубежного наследия. Тем важнее и все сложнее разыскивать, брать на учет и сохранять то, что выпало из поля зрения.

Обращение к зарубежному наследию России сквозь призму ландшафтно-территориального подхода, выработанного Институтом наследия им. Д. С. Лихачева подсказывает нам необходимость уделять внимание самой государственной территории России как ценнейшему наследию наших предков. При этом вне зависимости от того, находится ли она под суверенитетом России в настоящее время или была таковой в прошлом, зарубежная ныне, *но российская прежде* территория не только сама выступает объектом наследия, но одновременно является и вместилищем его памятников.

Россия за время своего многовекового существования была обладательницей обширных *территорий*, которыми она прирастала при самых разных обстоятельствах: войны, мены, уступки, подарки и пр., — как правило, оформлявшихся соответствующими договорами.

В пору наибольшего расширения своей территории — во время существования Российской империи с 1721 по 1905 (1917) гг. — Россия была третьим по площади из когда-либо существовавших государств (после Британской и Монгольской империй) и простиралась до Северного Ледовитого океана на севере и Черного моря на юге, Балтийского моря на западе и Тихого океана на востоке.

Граница Российской империи и ее пограничье, ставшие территорией зарубежных стран...

Таблица 1. Сведения о некоторых территориях,
бывших прежде в составе Российской империи

«Утрачен-ная» территория Российской империи	Год присоеди-нения к России	Государство-источник обретения территории Россией	Год утраты терри-тории Россией	Принад-лежность террито-рии в настоя-щее время
Кюменегород-ская губер-ния, остров-ная крепость Нейшлот	1743	Швеция, с 1809 г. в Великом княжестве Финляндском в со-ставе Российской империи	1917	Финляндия
Восточная Пруссия	1758-1762	Пруссия, с 1815 г. в составе Царства Польского в со-ставе России	1917	Варминско-Мазурское воеводство в составе Польши
Русская Аме-рика: Алеут-ские острова, о-в Святого Лаврентия, прибрежная часть Аляски	1791 (юри-диче-ски с 1744)	Америка, колони-зация, границы за-фиксированы в 1824 г.	1867	Штат Аляска, США
Форт-Росс	1812	Америка, колонизация	1841	Штат Кали-форния, США
Остров Готланд	1808-1809	Швеция, в резуль-тате оккупации русскими войсками был непродолжи-тельное время рус-ской провинцией	1809	Швеция
Финляндия, в т. ч., Лаплан-дия, Остербо-тия и Аланд-ские острова	1809	Швеция, с 1809 г. в Великом княжестве Финляндском в со-ставе Российской империи	1917	Финляндия

Но даже и могущественная Российская империя за более чем 180 лет своего существования не раз, опять же по разным причинам, *теряла значительные свои территории*. Желающие могут продолжить мою мысль применительно к государству СССР, каковым оно являлось по состоянию на 1991 г.

В настоящее время «исконно русскими землями», «не оставшейся российской территорией» принято считать Аланды и Готланд, Мекленбург и Ольденбург, Голштинию и Фрисландию, Холм и Перемышль, Белосток и Краков, Валахию и дельту Дуная и пр. земли. Немало утратила Россия в свое время территорий, составлявших в имперский период истории пограничье.

Сегодня Россия последовательно реализует идею достижения территориальной целостности нашего исторического государства. Речь не идет о возвращении в лоно России всех территорий, утраченных ею до настоящего времени. Реализация такой программы таит в себе риски не только потерять территорию, которой мы ныне располагаем, но и лишиться значительной части населения, которого просто не останется в живых, возьмись мы за присоединение «русского зарубежья». Однако события вокруг Абхазии и Южной Осетии, Крыма и Одессы подтверждают актуальность объединительных устремлений и одновременно предупреждают нас о том, что нужно быть крайне осторожными в борьбе за восстановление целостности нашей исторической территории.

Впрочем, такая осторожность вовсе не означает, что мы не должны предпринимать шагов по сохранению культурного наследия территорий «неоставшейся части России». *Следует вести последовательную, настойчивую и*

Граница Российской империи и ее пограничье, ставшие территорией зарубежных стран...

бесстрашную борьбу за сохранность зарубежного наследия нашего исторического государства!

Что касается российского пограничья как части территории, а это особый объект культурного и природного наследия, то мы не должны забывать ленинский постулат, который гласит: «Мы стоим за необходимость государства, а государство предполагает границы». С точки зрения наследия границы бывшей Российской империи никуда не делись. Они представляют собой пространственные исторические российские рубежи, оказавшиеся вдали от современных границ России, но на которых продолжает оставаться множество объектов нашего «пограничного наследия». И это касается не только территорий и границ бывшей Российской империи, но и бывшего СССР.

И кто знает, не придет ли время, когда России важно будет предъявить миру доказательства того, что когда-то та или иная территория с ее рубежами-границами была российской. Тогда-то и потребуются памятники наследия границы, которые мы должны и сами сберечь, и не позволить тем, на чьей территории они временно оказались, уничтожить или утратить каким-то иным способом.

В истории так было уже не раз. Вспомним, когда мы возвращали в лоно СССР утраченные на какое-то время Печенгский район в Мурманской области (с 1921 по 1944 гг. — в составе Финляндии), г. Выборга и части Карелии, бывших в составе Швеции и Финляндии.

Наконец, последний пример — возвращение к родным берегам полуострова Крым, бывшего в составе Украины с 1992 по 2014 гг.

Представляется, что сегодня настало самое время заявить о том, что нам не безразлична судьба памятников

от времени установления и обустройства границ Российской империи. Сказать о том, что важно собирать и осваивать обусловленные ими традиции. Все это будет способствовать, в том числе, и сохранению в неприкосновенности нынешних российских рубежей.

Для достижения этой высокой цели необходимо выявлять, собирать и обобщать историко-географические и картографические сведения об исторической территории России и ее границах, претерпевших изменения во времени в связи с различными геополитическими событиями, но составляющих территории соседних стран и их границ.

Применительно к отложившимся и утраченным территориям можно выделить несколько основных объектов пограничного наследия России.

1. Крепости. В частности, в Финляндии есть немало крепостей, возведенных во время, когда эта страна являлась частью Российской империи — Великим княжеством Финляндским (1809—1918 гг.). Это бастионы, валы и куртины:

- в Фридрихсгамне;
- форт в городе — морском порте Kotka, а также форты на островах возле него;
- форт Utti (Утти) недалеко от города Kouvola;
- Давыдовская крепость;
- древний замок Олавинлинна (Нейшлот).

2. Российские укрепленные линии — система охраны и обороны границ для защиты внутренних территорий страны от нападений извне.

Граница Российской империи и ее пограничье, ставшие территорией зарубежных стран...

Так, на территории современной Украины по поручению Военной коллегии к концу 1730 г. под руководством Миниха, главы Фортификационного управления Военной коллегии, было построено 10 крепостей, 24 редута с 408 реданами общей протяженностью по прямому направлению около 120 верст (крепости Донецкая, Бузовая, Кисель, Лузовая, Берецкая, Троецкая, Св. Праскевии, Св. Иоанна, Девятая, Десятая).



*Крепость Нейшлот, современная Финляндия.
Фото из архива автора.*

3. Старинные постройки, бывшие некогда местами размещения гарнизонов, постов и кордонов пограничников.

4. Рокадные и фронтальные дороги, проложенные в интересах защиты и обороны границы.

Уже упоминавшийся форт Utти на территории нынешней Финляндии расположен как раз на стратегической дороге, где произошло сражение между русскими и шведскими войсками в июне 1789 г.

5. Линия границы на местности со старинными пограничными просеками и **российскими пограничным знаками**, призванными служить разграничению территории государств и установленные во время демаркации границы. Особо стоит сказать о трехсторонних пограничных знаках, как, например, на стыке российской, норвежской и шведской границ.



Фрагмент сооружений на Украинской укрепленной линии, современный внешний вид. Фото: 05748. info

6. Картографические материалы по делимитации государственной границы.

Об этих документах следует сказать особо. В настоящее время в архивах Швеции, например, накоплено немало пограничных карт XVIII в. Об этом можно судить,

Граница Российской империи и ее пограничье, ставшие территорией зарубежных стран...

например, по коллекции таких карт, имеющих в ознакомительном доступе на сайтах ведущих шведских архивов. Представляется, что подобные пограничные карты — делимитационные и демаркационные документы старинной русско-шведской границы, хранящиеся в шведских архивах, должны быть шире введены в научный оборот наших пограничных историков, а какие-то, быть может, и возвращены в Россию.



*Личный состав пограничной охраны у трехстороннего пограничного знака на стыке российской, норвежской и шведской границы.
Фото XIX в. из архива автора.*

Кроме того, следует, быть может, подумать о возвращении в Россию карт, похищенных и тайно переправленных за границу французским астрономом Жозеф-Никола Делилем. Официально приглашенный Петром I работать в Россию с 1726 по 1747 гг. Делиль был академиком Петербургской академии наук, первым директором

Астрономической обсерватории. Он оказался очень полезным, поскольку очень много сделал для астрономии и картографии в России. Он рассказал миру о России, о Камчатке и об открытиях Беринга и Чирикова.

Но он же дал ход в Европе тем материалам, которые в России могли бы истлеть под спудом, сгореть в пожарах и «расточиться розно». Жозеф-Николя использовал свое положение научного руководителя по созданию академического Атласа Российской империи для систематического копирования и сбора картографических и географических материалов съемок петровских геодезистов. Все поступавшие от них карты он тщательно каталогизировал, о чем, в частности, свидетельствует подробный список, привезенный им в Париж.

Фактически Делиль являлся французским шпионом, который в 1747 г. вывез во Францию громадный фонд материалов, за что получил пожизненную пенсию от французского монарха. Эти географические и картографические материалы он использовал, в частности, для создания карт, составил несколько русско-французских и русско-латинско-французских географических и топонимических словарей.

Среди вывезенных карт было немало таких, которые с высочайшей подробностью отражали и границы Российской империи, и ее пограничье.

Примером таких карт служат, например, карты «проходов к Смоленску в Польше», как и многие из 192 подробнейших рукописных карт, вывезенных Делилем. Отсюда правомочно ставить вопрос о возвращении их в Россию.

7. **Люди границы**, имевшие отношение к ее установлению, обозначению и обустройству, а также несшие нелегкую службу по охране российских рубежей.

8. Всевозможные **произведения искусства**, повествующие об имевших место приграничных (пограничных) сражениях, а также о службе на российских границах.

Поскольку в настоящее время я изучаю российско-норвежскую и российско-финскую границу как объекты наследия народов трех стран, назову некоторые такие объекты.

Здесь мне хотелось бы обозначить круг проблемных вопросов в решении основной задачи — обеспечить сохранность объектов наследия исторического пограничья и границ России. Это касается не только границ рассмотренного здесь периода, но и всех последующих времен, в том числе после распада СССР, когда за границей оказались гигантские территории нашей страны, ставшие самостоятельными государствами, но не утратившими все то, что было и остается связанным бывшими границами СССР.

Проблемы изучения наследия границ и пограничья:

- сложность выявления и топопривязки отдельных объектов наследия при нахождении их в местах, удаленных от традиционных туристических маршрутов, как правило, на труднодоступной местности;
- искусственное сокрытие или уничтожение аутентичных российских пограничных знаков и замена или реконструкция их на национальные знаки с соответствующей символикой;
- непростой доступ к документальным источникам, прежде всего к пограничным картам делимита-

ции границы и демаркационным планам на пограничные знаки, ввиду особого порядка их хранения и ограниченности круга допускаемых к ним лиц;

- наличие описаний прохождения границы, а также описаний порядка обозначения ее на местности, выполненных на иностранных (чаще всего на французском) языках и с применением специальных уникальных национальных терминов и условных обозначений;
- – необходимость обращения в соответствующие инстанции иностранных государств с подробным обоснованием причин повышенного внимания к старым (старинным) символам российской границы с тем, чтобы не вызвать у сопредельной стороны повода для беспокойства, допущения обвинений нашей стороны в «реваншизме» с последующей аннексией территории, прежде являвшейся российской.

Проблемы сохранения наследия границы и пограничья:

- требование проводить все мероприятия на строгой договорной основе и с соответствующими соглашениями по вопросам сохранения памяти о российской границе, допущение ответных актов доброй воли по отношению к вниманию сопредельной стороны к своим границам, оказавшимся на территории России;
- совместный характер исследовательских работ по пограничной исторической тематике, исходя из геополитических условий в общей истории взаимоотношений стран-соседей;

- сложности мониторинга состояния объектов наследия границы и проблематичность удаленного контроля над осуществлением мер по их сохранению.

Пути решения проблемных вопросов:

- поиск, систематизация и накопление картографических материалов, отражающих разграничение территорий, установление и состояние государственных границ в различные исторические периоды и на разных этапах состояния взаимоотношений сторон;
- обнаружение в архивах, библиотеках, музеях и различных дипломатических учреждениях чертежей и описаний пограничных крепостей, путей сообщения и других сведений о прочей старинной инфраструктуре пограничья;
- воссоздание внешнего вида пограничных знаков и реконструкция ландшафта границы с макетированием его;
- создание и актуализация базы данных о дипломатических документах, имеющих отношение к границам в их историческом прошлом;
- выработка и всестороннее обоснование целей, задач и характера исследовательских работ по истории исторических границ;
- совершенствование взаимодействия в научной работе и улучшение обмена информацией о результатах пограничных исследований с заинтересованными сторонами;
- поощрение интереса в сопредельных сторонах к российской пограничной истории, символике границы и пограничным традициям.

Главное состоит в том, что такие процессы должны быть обоюдными, а на каких-то направлениях даже и многосторонними. Такая работа должна не разъединять, пугая, а способствовать укреплению доверия.

И здесь важно думать о том, как этого добиться. Важно идти на уступки, позволяя и даже всемерно поощряя меры, проводимые другими странами относительно бывшей их территории. Так, например, Печенгский район Мурманской области (финская область Петсамо).

Заключение

Таким образом, в соответствии с парадигмой исследований, принятых в Институте Наследия, правомочно утверждать следующее.

Существуют не только анклавов России. Отделенные от основной ее территории и окруженные со всех сторон территорией другого (других) государств участки земного шара — это классическое определение понятия анклав. Наряду с такими российскими анклавами в мировом пространстве есть еще пространственные исторические анклавы российской территории, которые были когда-то российскими, но сегодня не являются принадлежностью нашей страны, тем не менее, они продолжают существовать как бы во времени. Такие, ставшие источниками и местами немалого числа объектов культурного наследия России территории, оказавшиеся за рубежом, вовсе не утратили своей притягательности для их сохранения и пропаганды.

Морское наследие

*Мозговой Сергей Александрович
Окороков Александр Васильевич*

*Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева.
Россия, Москва
E-mail: info@heritage-institute.ru*

Marine Heritage

*Mozgovoy Sergey A.
Okorokov Alexander B.*

*The Russian Institute of Cultural and Natural Heritage
by named D. S. Likhachev
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

В статье сотрудников Института наследия исследуется понятие «морское наследие», даются определение, характеристика и структура, сообщается о месте, которое морское наследие занимает в международных правовых документах, дается классификация объектов морского наследия. Особое внимание уделено объектам морского наследия за рубежом, перечислены основные памятники и события подводного наследия.

Ключевые слова: морское наследие; подводное наследие; культурное наследие; военно-морское искусство; морская культура; морские традиции; топонимика; исторические корабли.

ABSTRACT

The paper of the Heritage Institute explores the concept of "marine heritage", its definition, characterization and structure, and place in the international legal instruments, as well as classification of marine heritage sites. Particular attention is given to marine heritage abroad, the main monuments and underwater heritage sites.

Key words: Marine heritage; underwater heritage; cultural heritage; naval art; maritime culture; naval tradition; toponymy; historic vessels.

Термин «морское наследие» был официально зафиксирован в 1998 г. в Резолюции Парламентской Ассамблеи Совета Европы 1168 «Вызовы будущего в развитии морской науки и технологий в Европе». В этом документе морское наследие определено как «состоящее из исторических судов (включая затонувшие суда), недвижимого наследия» (порты, прибрежные морские, речные и каналные сооружения) и «документального наследия» (книги, архивы, картины, музыка и другие объекты).

В России термин «морское наследие» законодательно не определен, но приобрел официальный статус в 2010 г. Он был зафиксирован в «Стратегии развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2010 г. № 2205-р. В «Общих положениях» документа говорится о необходимости сохранения российских морских традиций и морского наследия. Отмечен данный термин и в новой Морской Доктрине.

В узком смысле термин «морское наследие» является производным от принятого международным сообществом термина «культурное и природное наследие». Определения культурного и природного наследия были официально закреплены в Конвенции по охране культурного и природного наследия, которая была принята ЮНЕСКО в 1972 г. (вступила в силу в 1975 г. СССР ратифицировал Конвенцию 9 марта 1988 г.).

В Конвенции под «культурным наследием» (Статья 1) понимаются:

- памятники: произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи,

пещеры и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки;

- ансамбли: группы изолированных или объединенных строений, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки;
- достопримечательные места: произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии.

В последнее время применительно к морскому наследию все чаще стал использоваться более широкий подход. Кроме объектов (памятников истории и культуры) добавляется нематериальное (включая духовное) наследие. В 2003 г. ЮНЕСКО была принята Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия, согласно которой «нематериальное культурное наследие» означает обычаи, знания, навыки и т. п.

К нематериальному морскому наследию относятся история военно-морского искусства, военно-морской протокол и церемониал, морская культура и морские традиции, технологии и опыт судостроения, мореплавания и морепользования, историческая память, фольклор, морская топонимика и географические названия на морской карте мира, памятные даты морской истории и др.

К примеру, памятные и юбилейные даты морской истории и людей, с ней связанных, уже сами по себе являются свидетельством признания обществом значимости

того или иного события или человека, его наследия. Особое место в морском культурном наследии занимают морские экспедиции и морские коммуникации торговых путей.

Применительно к морскому наследию принята следующая классификация объектов:

а) материальные, нематериальные;

б) культурные (в том числе духовные), природные, синкретические (духовно-природные). В свою очередь, культурное морское наследие делится на движимое и недвижимое;

в) пространственные, точечные (объект);

г) морские, подводные, прибрежные, озерные, речные.

Таким образом, морское наследие России включает объекты культурного и природного наследия, нематериальное наследие, морские музеи, архивы, библиотеки, коллекции и предметы, связанные с историческим опытом освоения и использования человеком водных пространств.

К памятникам, связанным с историей морской деятельности, относятся:

- исторические плавсредства (корабли, экранопланы и др.);
- памятники кораблям и самолетам;
- архитектурные и инженерные сооружения (здание морского образовательного учреждения, здание морского порта, администрации, морская исследовательская станция, спасательная станция, рыболовецкая/зверобойная база, верфь, элинг, слип, плаз, заводское сооружение, испытательная станция и др.);

- гидротехнические сооружения (каналы, доки, причалы, молы, шлюзы, плотины, мосты, акведуки, мельницы и др.);
- навигационные знаки, исторические маяки;
- береговые объекты фортификации (морские крепости, форты и др.);
- мемориальные памятники (бюсты, стелы и др.);
- культовые сооружения (морские храмы, часовни и др.);
- отдельные захоронения;
- подводные объекты, включая затонувшие корабли;
- памятники археологии, связанные с историей морской деятельности.
- Ансамбли, связанные с историей морской деятельности:
- комплексы архитектурных и инженерных сооружений (порты, военно-морские базы и др.);
- комплексы гидротехнических сооружений (системы шлюзов, каналов и др.);
- комплексы навигационных сооружений (маяки, знаки, створы и др.);
- мемориальные комплексы (усадыбы и др.);
- комплексы захоронений (некрополи);
- комплексы культовых сооружений.

Достопримечательные места:

- места морских боев и сражений, участия флота в сухопутных операциях, места дислокации войск и сил флота, штабов и др. ;
- мемориальные места на море, связанные с гибелью судов, места отдания воинских почестей;

- места, связанные с историей освоения новых территорий и жизнью выдающихся мореплавателей и первопроходцев;
- элементы морского и прибрежного культурного ландшафта, связанного с традиционным природо- и морепользованием, традиционные районы промысла рыбы и морского зверя;
- исторические поселения, порты, верфи;
- системы исторических водных и волоковых путей, каналов, обеспечивающих связь между морями;
- культовые комплексы, связанные с морской историей в окружающей природной среде; места не сохранившихся морских храмов, часовен, культовых сооружений.

Особое место среди объектов культурного наследия принадлежит объектам морского наследия за рубежом. Среди них — Либавская военно-морская база в Латвии, морской порт Ревель (Таллинн), большое число памятников русским морякам в Греческом архипелаге (например, на о-вах Лемнос, Корфу и др.), Бизерта в Тунисе, памятник Н. Н. Миклухо-Маклаю в Папуа-Новой Гвинее, памятник военным морякам подводной лодки «С-34», погибшей у болгарских берегов в 1941 г. (Болгария, Сизополь), памятник «Освобождение» (Хебантхаб) в честь 40 советских моряков-десантников, погибших в боях в 1945 г. (Корея, Вонсан), памятник на могиле моряков русского крейсера «Жемчуг», торпедированного немецким крейсером в порту Пенанг в 1914 г. (Маврикий, Пенанг), памятник морякам крейсера «Варяг» и лодки «Кореец» (Южная Корея, Чемульпо, или Инчхон) и многие другие.

Значительно и количество достопримечательных мест, связанных с боевой славой русского флота. Среди них – место сражения русских кораблей со шведским флотом у о. Гренгам (Финляндия), произошедшее 26 июля 1720 г., сражения с турецким флотом у м. Калиакрия (Болгария) 17 августа 1791 г., сражения в Наваринской бухте (Греция) 20 октября 1827 г., Синопской бухте (Турция) 1 декабря 1853 г., место боя между бригам «Александр» и 5 французскими кораблями у о. Браццо (Хорватия) 17 декабря 1806 г. и другие.

Особое место среди национальных памятников морского культурного наследия занимают объекты, по тем или иным причинам оказавшиеся под водой (по терминологии ЮНЕСКО – «объекты подводного культурного наследия»). В первую очередь это погибшие корабли и затонувшие подводные лодки. Некоторые из них в настоящее время найдены и обследованы.

Так, в 2009 г. у берегов Швеции была обнаружена советская подводная лодка «С-2», погибшая 3 января 1940 г. во время советско-финляндской войны.

На дне Таллинского залива (Эстония) между островами Аэгна и Найссаар на глубине 65 м покоятся останки советской подводной лодки времен Второй мировой войны типа «Малютка» (обнаружена в мае 2012 г).

В 2007 г. неподалеку от Аландских островов (Финляндия) была найдена подводная лодка «Щ-305». В 2014 г. в Финском заливе совместной российско-финской поисковой экспедицией были обследованы броненосный крейсер «Паллада», затонувший 28 сентября 1914 г. около г. Ханко (Финляндия), легендарные русские тральщики «Проводник» и «Взрыв», погибшие 27 августа 1914 г.

Крейсер «Паллада» был обнаружен группой аквалангистов еще в 2000 г., однако его находка 12 лет держалась

лась в секрете. Потопленный корабль покоится на глубине 60 м и на сегодняшний день представляет собой один из наиболее крупных и интересных объектов отечественной военно-морской истории.

Значительное количество советских кораблей погибло в годы Великой Отечественной войны в водах Норвегии. Например, транспорт «Декабрист» (бывший «Vickerstown», «Franche-Comte», «Анадырь»), построенный в 1903 г., участвовавший в Цусимском сражении (27–28.05.1905 г.) в составе эскадры адмирала З. П. Рождественского, Первой мировой войне, Ледовом походе Балтийского Флота (апрель 1918 г.). В 1923 г. он первым под советским флагом прошел из Петрограда во Владивосток, первым побывал в Суэцком канале. В годы Великой Отечественной войны «Декабрист» выполнял экспортно-импортные перевозки в Северном бассейне, участвовал в союзных конвоях PQ-6 и QR-5 и был потоплен германской авиацией 4 ноября 1942 г. к югу от о. Надежды.

Упомянув о морском сражении в Цусимском проливе, близ берегов Японии, заметим, что в нем погибло 20 русских кораблей и судов, в том числе 8 эскадренных броненосцев, 1 броненосный крейсер, 1 броненосец береговой обороны, 4 крейсера, 1 вспомогательный крейсер, 5 миноносцев и несколько транспортов. Часть из них была найдена и обследована. Так в 1980 г. японские водолазы осмотрели крейсер «Адмирал Нахимов», а двадцать лет спустя транспорты «Иртыш» и крейсер «Дмитрий Донской».

Пять советских подводных лодок, затонувших в годы Великой Отечественной войны, покоятся у берегов Болгарии. Это – «Щ-204», «Щ-210», «Щ-211», «Л-24» и «С-34».

«Щ-204» была найдена в 1988 г., «Щ-211» – в 2003 г, обе обследованы российскими и болгарскими

военными водолазами. В 2009 г. удалось найти подводную лодку «Л-24» «Ленинец», подорвавшуюся на mine в декабре 1942 г. Она была обследована болгаро-российской подводной экспедицией (рук. К. Богданов), работавшей в рамках проекта «Поклон кораблям Великой Победы» На сегодняшний день локализовано и место гибели подводной лодки «Щ-210».

В результате многолетних поисков, на глубине 45 м. были обнаружены останки лидера эсминцев «Москва». Корабль был построен в 1934 г. и погиб 26 июня 1941 г. в ходе набега корабельной ударной группы из 4 кораблей Черноморского флота на Констанцу. В 2011 г. лидер был обследован международной подводной экспедицией, в которой участвовали и российские аквалангисты.

**Русское религиозное наследие в Европе:
исторические и культурологические
аспекты**

Житенёв Сергей Юрьевич

*Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева.
Россия, Москва
E-mail: zhitenev@bk.ru*

**Russian religious heritage in Europe:
historical and cultural aspects**

Zhitenev Sergey U.

*The Russian Institute of Cultural and Natural Heritage
by named D. S. Likhachev
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

В статье представлены определения понятий «религиозное наследие» и «святое место», а также рассматриваются критерии отнесения того или иного храма к русской православной традиции. В работе представлен обзор недвижимого материального русского религиозного наследия в Европе с учётом исторических обстоятельств возникновения этих объектов.

Ключевые слова: религиозное наследие, святое место, святыня, Европа, Российская империя, Русская Православная Церковь, храм, монастырь, русская архитектура, древнерусское зодчество.

ABSTRACT

The article presents the definitions of "religious heritage" and "Holy place", and also discusses the criteria for assigning a temple to the Russian Orthodox tradition. The paper presents an overview of Russian material immovable religious heritage in Europe, given the historical circumstances of the emergence of these objects.

Keywords: religious heritage, sacred place, relic, Europe, Russian Empire, Russian Orthodox Church, temple, monastery, russian architecture, ancient russian architecture.

Объекты недвижимого материального русского религиозного наследия в Европе, прежде всего, связаны с храмо-строительством, которое на протяжении XIX—XX вв. вели Российская империя и Русская Православная Церковь, а также наши благочестивые соотечественники, проживавшие в различных европейских странах. Также необходимо отметить что, в связи с распадом советского государства часть исконно русских православных храмов и монастырей оказались на территории других стран: Белорусии, Украины, Молдовы, Литвы, Латвии и Эстонии.

Прежде чем перейти к обзору недвижимого материального русского религиозного наследия в Европе, нужно обратиться к определению понятия «религиозное наследие». «Религиозное наследие является составной частью и одним из фундаментальных оснований культурного и природного наследия человечества, связанного с деятельностью существующих в настоящее время или ушедших в историческое прошлое религий, и состоящего из системы объектов и ценностей материального и нематериального наследия. Материальное религиозное наследие, в свою очередь, делится на движимое и недвижимое наследие» [1]. Основу религиозного наследия составляют объекты религиозного поклонения, т. е. святые места. «Кратко определение святого места можно сформулировать следующим образом. Святые места, согласно различным религиозным традициям, связаны с божественными деяниями, подвигами и жизнью святых, различными событиями священной истории, чудотворениями, а также являются объектами поклонения верующих людей, совершающих к ним паломничество, должны обязательно сохраняться и охраняться. В русской православной традиции святые места подразделяются на местночтимые, общероссийского значения и зарубежные, которые традиционно

называются святынями Вселенского Православия» [2]. К этому необходимо добавить ещё одно важное обстоятельство — недвижимые материальные объекты религиозного наследия должны охраняться государством на основании законодательства страны, в которой они располагаются.

«Не менее важным по своему значению в религиозном наследии является определение понятия «святыня». В христианской традиции, особенно в православной, к святыням относятся иконы, прежде всего, чудотворные и чтимые. Кроме икон к святыням в христианстве относят святые мощи и могилы праведников, кресты и литургические сосуды, богослужебные книги и одежды священства, престолы и сами храмы. В других религиях к понятию «святыня» также относят исторические места и символические предметы, связанные с божественными деяниями и жизнью святых людей, как правило, просиявших божественной святостью в древние времена» [3]. Все эти сакральные ценности и предметы представляют собой движимые материальные объекты русского религиозного наследия. Нематериальное религиозное наследие представляет собой также огромный историко-культурный пласт в духовной жизни человечества, существующий с древних времён. Однако эти интересные и важные темы не входят в тематику настоящей статьи, поэтому не будут рассматриваться.

На социокультурной карте Европы размещение недвижимых материальных объектов русского религиозного наследия за рубежом соответствует концентрации православного населения, которое относит себя, как правило, к юрисдикции Русской Православной Церкви. В целом зарубежные объекты русского религиозного наследия в Европе размещены неравномерно, наибольшее их количество сосредоточено в Восточной Европе, наименьшее —

в Западной и Северной части континента. Немалое количество объектов находятся в Центральной и Южной Европе, что объясняется, прежде всего, что в этих регионах массово оседали русские эмигранты в XIX—XX вв.

Строительство русских православных храмов и монастырей в странах Балтии началось в XVIII в. в связи с вытеснением с их территории русской армией шведских войск в результате Северной войны (1700-1721) и вхождения этих государств в состав Российской империи. В этих странах, после прибытия на их территорию для прохождения службы русских чиновников, офицеров и солдат, а также купцов и работных людей, начали образовываться крупные православные общины, которые занимали католические костёлы и обращали их в православные храмы. Здесь уместно заметить, что в XIX-XX вв. православные общины пополнялись местным населением (латышами, литовцами и эстонцами), которые массово принимали православную веру. Со временем строились новые храмы в классическом, древнерусском и псевдо-византийском стилях, в соответствии с существовавшими архитектурными тенденциями в тот или иной период в России и вкусами ктиторов [4].

На территории Латвийской Республики под охраной государства находятся многие русские православные храмы и монастыри, являющиеся объектами материального недвижимого религиозного наследия. Это, прежде всего, следующие выдающиеся объекты: кафедральный собор Рождества Христова в Риге (1884); храм Покрова Пресвятой Богородицы на Покровском кладбище в Риге (1879); храм Преображения Господня на Саркандаугаве в Риге (1890); храм святителя Николая Чудотворца в г. Тукумс (1871); храм во имя преподобного Сергия Радонежского в Рижском Троице-Сергиевом женском монастыре

в Риге (1893); храм святого благоверного князя Александра Невского в поселке Стамериене (1904); храм Покрова Пресвятой Богородицы в г. Вецлайцене (1895); храм святителя Николая Чудотворца в г. Вентспилс (1901); Никольский морской собор в Лиенае (1903); храм Воскресения Христова в Старой Слободе (Вецслобода) (1908); храм в честь Святого Духа в г. Екабпилс (1888); храм святителя Николая Чудотворца в с. Шкельтово (1836).

В Литовской Республике государством охраняются многие русские объекты материального недвижимого религиозного наследия, среди которых выделяются следующие: кафедральный собор в честь Успения Божией Матери в Вильнюсе (1346); храм во имя святой мученицы Параскевы Пятницы в Вильнюсе (1345); храм в честь Перенесения мощей святителя Николая Чудотворца в Вильнюсе (1350); храм во имя святого равноапостольного царя Константина и преподобного Михаила Малеина в Вильнюсе (1913); храм в честь иконы Божией Матери «Знамение» в Вильнюсе (1903); храм во имя преподобной Евфросинии Полоцкой в Вильнюсе (1838); храм в честь Архангела Михаила в Вильнюсе (1895); храм во имя святого благоверного князя Александра Невского в Вильнюсе (1895); храм во имя первоверховных апостолов Петра и Павла в Вильнюсе (1908); храм во имя святой великомученицы Екатерины в Вильнюсе (1872); храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы в Тракай (1863); храм в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» в г. Друскининкай (1865); храм в честь Успения Божией Матери в Вевис (1843); храм во имя святителя Николая Чудотворца в Рудомино (1874).

На территории Эстонской республики под охраной государства находятся многие русские православные

храмы и монастыри, являющиеся объектами материального недвижимого религиозного наследия. Среди них выделяются следующие: кафедральный собор святого благоверного князя Александра Невского в Таллине (1900); храм Богоявления Господня в Йыхви (1895); храм во имя святой великомученицы Екатерины в Пярну (1769); храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы в Раквере (1839); храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы (Казанская церковь) в Таллине (1721); храм святителя Николая Чудотворца в Таллине (1827); храм святого великомученика Георгия Победоносца в Тарту (1870); храм во имя святого благоверного князя Александра Невского в Хаапсалу (1897); собор в честь Воскресения Христова в Нарве (1896); храм святителя Николая Чудотворца в Муствее (1864); храм Рождества Пресвятой Богородицы в Алайые (1889); Пюхтицкий ставропигиальный в честь Успения Пресвятой Богородицы женский монастырь (1891).

На территории Республики Беларусь древнерусское храмовое каменное зодчество активно и плодотворно развивалось в XI–XIII вв. в домонгольский период, после чего в результате насильственного вхождения в состав Великого княжества Литовского, а затем Речи Посполитой, русские архитектурные традиции были утрачены, так как белорусам насильно навязывались католичество и униатство. В XVIII в. белорусские земли вошли в состав Российской империи, после чего начали возрождаться и строиться православные храмы и монастыри, возвращаться русские культурные традиции, в том числе и в храмоздательстве. В настоящее время в Беларуси под охраной государства находятся многие русские православные храмы и монастыри, являющиеся объектами материального недвижимого религиозного наследия. Среди них выделяются следующие: храм во имя святителя Николая Чудотворца в

Бобруйске (нач. XX в.); кафедральный собор в честь святого Архангела Михаила в Мозыре (ок. 1772); храм во имя святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова в г. Наровля (1810); храм во имя святителя Николая Чудотворца в г. Петрикове (1839); собор в честь Рождества Пресвятой Богородицы в д. Юровичи Гомельской обл. (ок. 1750); Спасо-Евфросиниевский женский монастырь в Полоцке (1125); кафедральный собор в честь Сошествия Святого Духа в Минске (1642); храм святого Архангела Михаила в деревне Сынковичи (нач. XVI в.); Свято-Духов женский монастырь в Витебске (нач. XX в.); Николаевский Братский храм в Бресте (1906); собор во имя святых апостолов Петра и Павла в Гомеле (XIX); храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы в Молодечно (1871); храм во имя святой Марии Магдалины в Минске (1847).

На территории современной Украины русские православные храмы и монастыри, являющиеся объектами материального недвижимого религиозного наследия, находятся под охраной государства и относятся, как правило, к юрисдикции Украинской Православной Церкви Московского Патриархата. При этом справедливо будет отметить, что в результате раскола Православия на Украине, часть русских храмов и монастырей, являющихся объектами религиозного наследия, также находятся в юрисдикции Украинской Православной Церкви Киевского Патриархата, Украинской Автокефальной Православной Церкви и ряда других христианских конфессий. К объектам религиозного наследия относятся: Успенская Киево-Печерской Лавра в Киеве (XII-XVIII вв.); Успенская Почаевская Лавра в Почаеве (1597-1912); храм во имя святого Димитрия Ростовского и равноапостольных Константина и Елены в Киеве (1750); храм во имя святых Кирилла и Афанасия в Киеве (1139-1885); Крестовоздви-

женская церковь на Подоле в Киеве (1748/1848); храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы в г. Луцк Волынской обл. (XVII-XIX в.); Спасо-Преображенский кафедральный собор в г. Белая Церковь (1839); Свято-Троицкий собор в г. Берестечко Волынской обл. (1910); Кафедральный собор в честь Рождества Пресвятой Богородицы в г. Николаеве (1828); Спасо-Преображенский кафедральный собор в г. Сумы (1778); храм Живоначальной Троицы в Китаевской пустыни в Киеве (1767); Владимирский собор в Киеве (1882); Михайловский собор Выдубицкого монастыря в Киеве (XI-XVIII вв.); Спасо-Преображенский кафедральный собор в г. Днепропетровске (1835); храм Воздвижения Креста Господня 133-го пехотного Симферопольского полка в Днепропетровске (1912); Николаевский храм в Днепропетровске (1810); храм во имя святого апостола Андрея Первозванного (Андреевская церковь) в Киеве (1754); Свято-Троицкий (греческий) собор в Одессе (1808); собор в честь Успения Пресвятой Богородицы в Одессе (1869); Ильинский храм в Чернигове (XII-XVIII вв.); Успенский собор Елецкого монастыря в Чернигове (XII в.); Спасо-Преображенский собор в Чернигове (1034/1756).

В Республике Молдова под охраной государства находятся многие русские православные храмы и монастыри, являющиеся объектами материального недвижимого религиозного наследия, созданные в разные периоды молдавской истории, но в основном в XVIII-XIX вв. Наиболее выдающиеся из них следующие: кафедральный собор в честь Рождества Христова в Кишинёве (1836); Гыржавский мужской монастырь Вознесения Господня в с. Гыржавка (1740); Гырбовецкий мужской монастырь Успения Пресвятой Богородицы в с. Гырбовец (нач. XVIII в.); монастырь Рождества Пресвятой Богородицы в селе

Курки (1773); Фрумошский женский монастырь Успения Пресвятой Богородицы; Вознесенский Ново-Нямецкий мужской монастырь расположен на берегу Днестра около села Кицканы (1864); Хынковские женский монастырь святой великомученицы Параскевы Пятницы в селе Бурсук, Ниспоренского района (1678); Георгиевский храм в Кишиневе (1818); храм во имя святого благоверного князя Александра Невского Александра Невского в Унгенах (1905); храм в честь Покрова Божьей Матери в Кишинёве (Старообрядческая Мазаракиевская церковь) (50-е годы XVIII в.); старообрядческий деревянный храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы в селе Покровка (1871); старообрядческий деревянный храм во имя святых мучеников Флора и Лавра в селе Кунича Флорештского района (рубеж XVIII-XIX вв.); кафедральный собор святой Фёдоры из Сихлы в Кишинёве (1922).

На территории Финляндской Республики находятся русские объекты материального недвижимого религиозного наследия, созданные в XVIII-XIX вв., когда эта страна находилась в составе Российской империи. К наиболее выдающимся объектам русского религиозного наследия относятся: кафедральный собор в честь Успения Пресвятой Богородицы в Хельсинки (1868); храм в честь Пресвятой Троицы в Хельсинки (1827); храм во имя святых апостолов Петра и Павла в Хамина (1837); храм во имя святой мученицы царицы Александры в Турку (1846); храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы в Лаппеенранте (1785); храм во имя святителя Николая Чудотворца в Ваасе (1866); храм во имя святых равноап. кн. Владимира и равноап. Марии Магдалины в Ханко (Гангут) (1895).

Наибольшее количество объектов русского религиозного наследия в Западной и Южной Европе находится в Германии, Франции и Италии. Русские храмы и монастыри в этих странах были построены в XIX-XX вв. и относятся в настоящее время, как правило, к Русской Православной Церкви Московского Патриархата. Ряд храмов и монастырей относятся к Константинопольскому Патриархату, в частности Пантелеимоновский монастырь и Андреевский скит на Афоне, который является частью Греческой Республики.

Общее количество объектов русского религиозного наследия в Европе составляет более 200 храмов, монастырей и часовен. Более точное число объектов русского религиозного наследия назвать трудно в связи с тем, что в ряде стран поставлены под сомнение или отвергаются критерии отнесения того или иного храма к русской традиции, в частности на Украине. Хотя эти критерии очевидны, к ним относятся:

- строительство храма в русской архитектурной традиции;
- создание и оформление храма на материальные средства русских людей или Российской империи;
- традиционное пользование храмом православной общиной;
- нахождение храма в юрисдикции Русской Православной Церкви.

При этом следует заметить, что в большинстве стран Европы присутствуют объекты отечественного религиозного наследия, что отражает русское культурное присутствие по большей части европейского континента.

Литература и примечания

Житенёв С. Ю. Религиозное наследие в Российской Федерации: определение, правовой статус, типология и использование. // Вопросы культурологии. № 11. 2014. С. 92.

Житенёв С. Ю. Религиозное паломничество в христианстве, буддизме и мусульманстве: социокультурные, коммуникационные и цивилизационные аспекты. М. : Издательство «Индрик», 2012. С. 33.

Житенёв С. Ю. Религиозное наследие. Там же. С. 93.

Ктитор (греч., создатель, строитель), в православной традиции создатель, основатель храма или крупный вкладчик, человек, построивший и украсивший храм или монастырь на собственные средства.

**Петербург без Петербурга,
Крым без Крыма:
особенности локального текста
в литературе русского зарубежья**

Люсий Александр Павлович

*Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева.*

Россия, Москва

E-mail: allyus1@gmail.com

**Saint-Petersburg
without Saint-Petersburg,
Crimea without Crimea:
features of the local text
in the Russian literature of Emigration**

Liusyi Alexander P.

The Russian Institute of Cultural and Natural Heritage

by named D. S. Likhachev

Russia, Moscow

АННОТАЦИЯ

Эмиграция показана как наложение двух культур: страны исхода и страны проживания, что, в свою очередь, имело результатом сосуществование в сознании эмигранта двух типов значимых локусов: связанных с бытием предыдущим и собственно эмигрантским. Синтезирующую роль при этом берет на себя локальный текст культуры. Представлено инобытие русской культуры за рубежом в форме взаимодействия данных текстов культуры, которые становятся важной составляющей современных технологий наследования.

Ключевые слова: мифопоэтический локус; текст; дом; феномен; язык; эмиграция; наследие.

ABSTRACT

Emigration is shown as a superposition of two cultures: the country of origin and country of residence, which, in turn, was the result of the coexistence of the emigrant's two types of significant loci: associated with the Genesis of the previous and the actual emigrant. Synthesizing the role he takes the local text of culture. Presents the otherness of Russian culture abroad in the form of interaction data of the texts of culture, which become an important component of modern technologies of inheritance.

Key words: mythopoetic locus; text; home; phenomenon; language; emigration; heritage.

Подводя культурные итоги русской эмиграции за первые три десятилетия (а в определенной мере и итоги собственной жизни), поэт Николай Оцуп (1894–1958) писал: «Конкорд и Елисейские поля, / А в памяти Садовая и Невский, / Над Блоком петербургская земля. / Над всеми странами Толстой и Достоевский».

По мнению О. Р. Демидовой, эмиграция для творческой личности – взаимоналожение двух культур: страны исхода и страны проживания, что, в свою очередь, «имеет результатом сосуществование в сознании эмигранта двух типов значимых локусов: связанных с бытием до- и собственно эмигрантским» [2]. Локальный текст культуры с точки зрения современных технологий наследования имеет тут медиализирующее и синтезирующее значение.

Образ Петербурга, живший в эмигрантском сознании, эксплицировался на разных уровнях. Во-первых, на уровне самоидентификации и самоназвания: подчеркнутая ориентация на дореволюционное культурное наследие – петербургскую традицию русской литературы – обуславливала эмигрантское восприятие прежних явлений общекультурного и литературного быта как архетипических, что постулировалось в программных заявлениях эмигрантских объединений и изданий, а порой – и в их названиях. Парижские «Зеленая лампа» и «Арзамас», варшавский «Домик в Коломне», харбинский литературный кружок «Акмэ», константинопольский «Царегородский цех поэтов», берлинский, парижский, таллиннский и юрьевский «Цех поэтов» ассоциировались с пушкинским Петербургом, с русским Серебряным веком и с гумилевским Цехом.

В рамках данной модели, к примеру, родился русский Монпарнас межвоенных десятилетий – как синтез

двух мифопоэтических пространств: Петербурга и Парижа—Монпарнаса с присущим каждому из них смысловым комплексом. Монпарнасские поэты «с жадностью внимали каждому слову “петербургских” поэтов: они застали еще то время, когда возвращались на землю последние из “отважных аргонавтов”, слышали их рассказы. <..> Когда Георгий Иванов в котелке и в английском пальто входил в “Селект”, с ним входила, казалось, вся слава блоковского Петербурга: он вынес ее за границу, как когда-то Эней вынес из горящей Трои своего отца» [1, с. 13]. Нередко монпарнасцы выстраивали собственный образ «под петербургских поэтов». К примеру, Алла Головина выстраивала себя «немного под Ахматову», копируя один из наиболее известных и запомнившихся внешних признаков; Николай Озуп избрал роль наставника молодежи — продолжателя дела Гумилева и т. п.

В свою очередь, Монпарнас и сам превращался в мифопоэтический локус в непосредственном восприятии эмигрантской «провинции», в созданных по прошествии длительного времени воспоминаниях парижан. «Монпарнас нам мнился мифологическим священным “пупом земли”, где сходились ад, небо и земля», — писал Варшавский [1, с. 57]. Монпарнас как феномен стал духовным домом молодых эмигрантских писателей, собиравших пространство «через смыслы», а себя — через насыщенное смыслами пространство. Культура русского Монпарнаса представляла собой результат взаимоналожения двух культур: русской, преимущественно петербургского периода, и французской, а формировалась в процессе свободного творческого взаимодействия, не ограниченного возрастом, национальной и конфессиональной принадлежностью или эстетическими установками. Роль мэтра на

Монпарнасе трансформировалась в роль своеобразного «гения места». Если до революции окно в мир нового французского искусства прорубал М. Волошин, то после революции эту роль «стихийно» взял на себя Г. Адамович, бывший «гумилевский мальчик». В роли старшего собеседника Адамовичу удалось сделать то, что не удалось Ходасевичу, Бему и другим претендентам на роль «мэтров». К последним из указанных литераторов Монпарнас прислушивался — за Адамовичем он шел. Не случайно «парижская нота», отцом которой считается Адамович, впоследствии определялась современниками как та «лирическая атмосфера», «литературная атмосфера», которую Адамович сумел создать для зарубежной поэзии [5, с. 300–303].

В Берлине способом присутствия «петербургского текста» в творчестве русских эмигрантов стал жанр «берлинского очерка». В «берлинском очерке» Берлин поразительно похож на Петербург, — отмечает Е. Пономарев в статье «"Берлинский очерк" 1920-х гг. как вариант петербургского текста». «При том, что Берлин совсем отсутствует в списке привычных проекций петербургского мифа. Петербург называли русским Амстердамом и северной Венецией, сравнивали с Римом, Лондоном, Парижем — и очень редко с Берлином. Тиме из всей традиции XIX в. находит прямое сравнение двух столиц только у Ф. Достоевского, в «Зимних заметках о летних впечатлениях».

Перенеся в Берлин фундамент петербургского текста, «берлинский очерк» по-своему пытается позаимствовать и его энергетику. Авторы находят в немецкой столице две противоположности, противопоставляют положительный Берлин Берлину отрицательному. В скором времени (начиная со стихотворения Маяковского «Два Берлина», 1924) советская традиция осмыслит это проти-

вопоставление в строго социальном, классовом плане: Норден — Берлин хороший, в нем зарождается Германия будущего; Вестен — Берлин плохой. Отсюда, в конечном счете, прорастет и советская формула «город контрастов». Но поначалу контрастность побежденного Берлина напрямую восходит к дипольности петербургского мифа.

«Берлинский очерк» пытается создать сильные антитезы, используя актуальный материал: сформулированное О. Шпенглером противопоставление культуры и цивилизации, нищета немцев и роскошества иностранцев, достаток прежней и распад нынешней жизни, довоенная уверенность в завтрашнем дне и неопределенность положения послевоенной Германии и т. д.

Все ужасы Петербурга петербургский текст обычно снимает так же, как и нагнетал — при помощи фантазмагоричности изображаемого. Фантазмагория делает ужасы нереальными, умозрительными, литературно-театральными. Точно так же поступает «берлинский очерк» и с житейскими ужасами послевоенного Берлина: в текст проникают мотивы маски, маскарада, переодевания, что, по наблюдению, Е. Пономарева, шло от Гоголя-петербуржца и реактуализовалось символизмом. На улицах Берлина, как раньше на улицах Петербурга, появляются воплощения «голых идей» [9, с. 49].

Лишенный лица город порождает причудливые маски-мифы. Андрей Белый, давно убежденный в том, что Европу захватывает символический «негр», воочию видит на улицах египетские божества — «песьеголового человека». Традиционный гоголевский мотив «Все обман, все мечта, все не то, чем кажется!» реализуется в Берлине при помощи «эрзац-темы»: «В Берлине все — “эрзац”. Табак из

капусты, кофе из фасоли, пирожные из картошки. Вместо рубашек – одни манишки. Когда берешь в руки простейшую вещь, никогда не знаешь, из чего она сделана. К этому быстро привыкаешь <... > Если бы мне дали здесь хлеб с маслом, я, наверное, принял бы масло за подделку почтенного маргарина» [12, с. 18]. Эрзацем оказывается и берлинская архитектура с одинаковыми, как чемоданы, домами и памятниками как сервизами. То есть, Берлин подается как испорченный Петербург – похожий, но не такой, ухудшенный. Можно сказать, что «берлинский текст» выстраивает отталкивание от Петербурга – точно так же, как петербургский текст был в определенном смысле антимоделью Москвы [11, с. 272]. Немецкая столица предстает в качестве двойника Петербурга, осмысленного в традиции петербургского двойничества Достоевского – Блока. Несмотря на нагнетаемые сходства, Берлин вызывает скорее негативные чувства именно тем, что он, напоминая, все же не похож на родной и привычный Петербург. Это чужое пространство, не поддающееся переписыванию на русский лад.

Суммировав традиционные мотивы петербургского текста, «берлинский очерк» ищет стержневой образ – нового Медного всадника, застывшего над бездной, и опознает его в разных скульптурных изображениях. Берлин – город сотен Медных всадников. Уникальная петербургская скульптура привычным приемом «берлинского очерка» многократно тиражируется. Медный всадник калейдоскопически распадается на тысячи валькирий и сотни неизвестных всадников, еще раз доказывая, что Берлин – не Петербург, что неисчерпаемый петербургский миф рассыпался на множество осколков, как зеркало Снежной королевы.

Тиражирование тем и образов – внутренняя разрушительная сила «берлинского очерка». Многократно увеличивая количество Раскольниковых и Сонь, Чартковых и Поприциных, очерк разрастается количественно, стремится поразить читателя грандиозностью предсказанной в петербургском тексте мировой катастрофы. Но переходя на символы, вся сила которых – в единственности, «берлинский очерк» разрушает сам себя. Сотни Медных всадников означают распадение Петербурга на разные похожие городишки (у Эренбурга за спиной прежней русской столицы выстраивается шеренга мертвых городов, в которой первыми идут Равенна и Брюгге, а затем появляются Берлин и Париж). Потеряв уникальность, идея Петербурга растворяется в европейском воздухе, а автор «берлинского очерка» судорожно ищет какую-нибудь новую структурирующую идею. И. Реброва на основании изучения эмигрантской прессы делает закономерный вывод: «Петербург может быть рассмотрен как эмигрантский когнитивно-оценочный концепт, включающий в себя ценностные, мировоззренческие, аксиологические ориентиры представителей эмиграции первой волны, которые вне России продолжали поддерживать дореволюционный “очаг великой русской культуры”» [11, с. 239].

Как следует из статьи Романа Тименчика и Владимира Хазана «На земле была одна столица», предвещающей сборник «Петербург в поэзии русской эмиграции», сам по себе перечислительный ряд петербургской топографии, произнесение памятных названий городских локусов создает эффект пристального взглядывания в незабываемый образ, любование им и легко превращается в своего рода прием. Не всякое описание Петербурга означает автоматическое подключение к петербургскому тексту, в

то же время оказалось возможным (трагически возможным) родиться где-то за океаном, ни разу не увидеть Петербурга и в то же время, живя в определенном кругу воспоминаний и идей, быть представителем именно этого текста. То же с Крымом и крымским текстом, создававшимся как южный полюс петербургского текста (авторы совпадают). Пушкин в Гурзуфе дописывал «Кавказского пленника» (а «Бахчисарайский фонтан» был написан уже в Молдавии и Одессе). Через несколько десятилетий неподалеку от Гурзуфа, в имении графини Паниной в Гаспре, Лев Толстой написал повесть «Хаджи-Мурат» (хотя ранее очерковые «Севастопольские рассказы» писались им в ходе обороны Севастополя «с натуры»).

Крым белогвардейский — место дозревания поэтической музыки Владимира Набокова накануне эмиграции. Погруженный в ощущения традиционной юношеской любви, он воспринимал Крым уже как совершенно чуждый край с «потемкинской флорой», «привозными кипарисами» и заимствованной у Пушкина «Тамарой». Как вспоминал он в «Других берегах», здесь впервые пришлось ощутить «горечь и вдохновение изгнания». В 1921 г. в Лондоне он написал небольшую поэму «Крым», необычайно компактный путеводитель-воспоминание.

И посетил я по дороге чертог увядший. Лунный луч белел на каменном пороге. В сенях воздушных капал ключ очарованья, ключ печали, и сказки вечные журчали в ночной прозрачной тишине, и звезды сыпались над садом. Вдруг Пушкин встал со мною рядом и ясно улыбнулся мне...

Современные крымские филологи усматривают в этой поэме постоянные пересечения не только пути лирического героя Набокова и некогда реально бывавшего здесь Пушкина, но и то, что оба лирических героя —

пушкинский и набоковский – как бы встречаются в пределах «Бахчисарайского дворца». Если у Пушкина прикосновение к каждой вещи сразу же влечет краткую их историю: «Я видел ветхие решетки...», – то Набоков избегает прикосновений, за предметами его мира не стоит история, позволяющая понять, что и почему заметил и запомнил и что и почему пропустил мимо [6, с. 177].

По мнению О. К. Беспаловой, у Набокова петербургский и крымский мифы как генераторы соответствующих текстов перевернулись. «Именно крымский миф, а не наоборот... вызвал появление петербургского мифа в дальнейшем творчестве Набокова. В стихах “докрымского” периода (юношеский сборник “Стихи”, 1916), написанных непосредственно в Петербурге и его окрестностях, речь не идет о мифопоэтическом пространстве Северной Пальмиры, поэтическое внимание Набокова занято совсем иными “материями”: первой любовью, первыми разлуками. Петербург служит лишь немым свидетелем бурного романа лирического героя, нейтральным фоном, на котором еще ярче выступает образ героини – адресата стихов Набокова (“Столица”, “У дворцов Невы я брожу, не рад...”). Оказавшись в “чужом” пространстве Крыма, Набоков кардинально меняет свой взгляд на “малую родину”. Он погружается в “пушкинские ориенталии”, и, начиная создавать первые слои “кримского макромифа”, оглядывается назад с тоской об утраченном. Окончательно утратив родину, Набоков начинает уже сознательно выстраивать свой петербургский миф, недаром первые его признаки выявляются лишь в стихах, написанных за границей (“Петербург” – 1921 р., “Петербург” – 1922 р., “Петербург” – 1923 р., “Санкт-Петербург” – 1924 р.)» [1, 8]. Рожденная в Крыму ностальгия Набокова по России симметрична

крымской ностальгии Пушкина — сначала из Новороссии, а потом из России как таковой, с сожалениями насчет «неподготовленности» своего восприятия Крыма наяву.

Другим ресурсом для перехода от конкретной действительности к духовным ценностям Владимира Набокова стал берлинский текст набоковского метаромана. Берлин как текст у В. В. Набокова динамичен и изменяется от романа к роману, находясь в постоянной оппозиции с образом усадьбы. Вектор неприятия направлен от романа «Машенька» к «Дару». Берлин как текст В. В. Набокова — временная реальность, которую пытается игнорировать герой-эмигрант. Но постепенно оценки Берлина становятся более корректными, так как с течением времени происходит освоение пространства столицы Германии. В берлинский период происходит характерный для дальнейшего творчества Набокова процесс взаимообогащения стиха и прозы. Поэзия анализируется в сопоставлении с прозой как источник более откровенно выраженных мотивов потусторонности и ностальгии.

Разделяя творчество В. В. Набокова на периоды, Д. А. Морев с «Машенькой» связывает генезис метаромана, характеризуемый наличием тех основных образов, на которых будет выстроен весь метароман — образы героя, усадьбы, Берлина. С «Защитой Лужина» связывается центр метароманного развития, а с романом «Дар» ассоциируется финал метаромана. Интересны сопоставления берлинских произведений Э. М. Ремарка и В. В. Набокова. Если взгляд Набокова — это взгляд на улицу из окна, то Ремарк смотрит на улицу, находясь непосредственно на ней, что обусловлено немецкими корнями последнего, который видит город глазами истинного берлинца, тогда как В. В. Набоков — только постоялец. Разница в таком взоре замечается сильнее, когда глаз эмигранта

ловит мельчайшие детали, тогда как немцу достаточно общих картин. Впрочем, у Ремарка есть истории, где герой оказывается вполне в положении набоковского персонажа — «Триумфальная арка» и «Тени в раю». Когда герои становятся эмигрантами в Париже или в Нью-Йорке, они оказываются на месте Ганина и Годунова-Чердынцева, живших в чужом городе вместе с другими, такими же, как они, изгнанниками [8].

У Набокова же после пересечения океана реанимируются медиализированные крымские воспоминания. Набоковская «Лолита» оказывается в значительной степени переработкой крымского опыта сквозь призму снимавшегося в Крыму тогда же, в 1919 г., фильма Е. Ф. Бауэра «За счастьем».

Первая любовь Гумберта, а зовут ее именно «Ли» (Annabel Leigh), что повторится потом в имени Лолиты («Lo-lee-ta»), разворачивается на Ривьере, явном псевдониме Крыма: «Мы валялись все утро в оцепенелом исступлении любовной муки и пользовались благословенным изъясном в ткани времени и пространства, чтобы притронуться друг к дружке» (одним из таких «изъяснов» оказалось «не-что вроде пещеры» в «лиловой тени розовых скал») [7, с. 26]. Любопытно вспомнить, что цивилизатор Новороссии герцог Ришелье, построивший первый европейский дом на южном берегу Крыма, в котором Пушкину и суждено было прожить «счастливейшие минуты жизни», оценил этот берег «краше французской Ривьеры» [6, с. 147].

Другой концептуальный с точки зрения формирования колоды воспоминаний на все оставшиеся времена эпизод: «В темноте, сквозь нежные деревья виднелись арабски освещенных окон виллы — которые теперь, слегка подправленные цветными чернилами чувствительной памяти, я сравнил бы с игральными картами» [7, с. 27]. Кадры — карты памяти, и в географическом, и в игровом смысле.

Сам рассказ о любви—«предшественнице» оказывается изложением предыстории самого романа, возникшего из кинопретекста, с увековечиванием и его создателя, ставшего чем-то вроде киногоения места. Перед расставанием герои были запечатлены на фотографии вместе с неким хромым доктором Купером, возникновение которого связывается с тем обстоятельством, что Бауэр, снимая «За счастьем», сломал в Крыму ногу (и вскоре умер от легочного заболевания, не успев завершить работу над своей следующей лентой «Король Парижа»). Позднее Гумберт потерял драгоценную фотографию. Исчезновение реликвии «служит интермедийным сигналом», намекающим на недоступность для читателей романа его источника, и при том источника именно изобразительного свойства.

Другие следы крымского кинотекста в «Лолите»: машине, на которой Шарлотта и Лолита отправляются в лагерь «Ку», соответствует та, что увозит Зою и Ли из крымского дома; Гумберт при этом, наблюдающий за автомобилем, тождествен безутешно провожающему женщин в фильме Энрико. В кинорассказе Ли карается слепотой — не только за эдипальные порывы, но и за то, что не принимает ухаживаний Энрико, призвание которого — служить реальности, передавая ее в ее же формах. Лолита тоже оказывается «наказана» близорукостью. В последних кадрах Ли смотрит, ничего уже не различая, прямо в объектив съемочного аппарата. Она конфронтирует тем самым с видящей ее кинокамерой, которая становится эквивалентной художнику. То есть происходит перевоплощение Ли в Гумберта. «Г. Г. сопричастен Ли, как литература сопричастна фильму, из которого она растет» [7].

И его видение событий ущербно (он не замечает, что Куильти преследует его и Лолиту). Кинопретекст огра-

ничивает свободу романного воображения именно по той причине, что словесность уступает искусству фильма в зрелищности и миметичности. Убийство Куильти, драматурга и голливудского автора, — месть романа театру и кино, которых литературное повествование не в силах превзойти зрелищностью.

В романе «Солнце мертвых» (1923) Иван Шмелев развернет масштабную панораму исторического ада среди природного рая, что сопровождается своей драмой зрелища и логоса. Отразившийся в «Солнце мертвых» процесс *переживания в себе Крыма аналогичен* моменту «допущения города до себя и себя до города», что В. Топоров определил по отношению к Петербургу. Перефразируя тезис В. Топорова о высокой трагедийной сущности Петербурга, они приходят к выводу, что бесчеловечность апокалипсического Крыма в «Солнце мертвых» оказывается органически связанной с отраженным в творчестве Шмелева тем высшим для России и почти религиозным типом человечности, который только и может осознать бесчеловечность, навсегда запомнить ее и на этом знании и памяти строить новый духовный идеал. Отталкиваясь от Крыма как географического пространства, И. Шмелев создал его художественный образ, в котором можно рассмотреть несколько пластов — образ как таковой («как эстетически воздействующий объект»), его мифопоэтическое воплощение (как место Апокалипсиса, с одной стороны, и «сотериологическое» пространство — с другой) и его переход в идеологему при сохранении основных различных качеств. Так в этой эпосе и последующей переписке через образы Крыма показана трагедия всей России. Таким образом трансформированный Крым стано-

вится идеологемой всего творчества писателя, как и у Семена Боброва, у которого поэма «Таврида», ставшая во втором издании «Херсонидой», задает его художественную идеологему, выраженную в названии общего собрания сочинений – «Рассвет Полночи».

И схема художественного ответа на исторический вызов в процессе творения своего Крымского текста Шмелевым реализована вполне наглядно. Он проходит свой путь от *демифологизации* Крыма в «Солнце мертвых», где развенчивает традиционные представления о Крыме как пространстве свободы и гармонии, до *самодемифологизации* Крыма в письмах, где писатель преодолевает свое восприятие Крыма как места Апокалипсиса, где образ Крыма вырастает в идеологему, на основе которой Шмелев выстраивает собственную культурную идеологию в смысле «не-официального и не-специализированного языка сознания и культуры». Так что в эмиграцию Шмелев уезжает крымским (алуштинским) человеком, и хотя в его сознании крымское и русское предстают как органичный природный синтез, именно крымскость для Шмелева оказалась мерилom русскости.

Крымские воспоминания играют важную роль в переписке И. Шмелева с И. Ильиным в их размышлениях о природе романа нового типа. Вот характерный пример геопоэтики Шмелева: «Занесло меня на этот обезьяний “подбородок” – “ментон”, Ментона! – и все мне здесь

отвратно, и дивлюсь, с чего это Тютчев когда-то жалобно восклицал, как о потерянном рае – “О, это море!.. эта Ницца!... Как это все меня тревожит... Жизнь, как подстреленная птица, Подняться хочет и не может... ”. Да, вся эта Ривьера – обезьяна, в сравн<ении> с Крымом.

Проездом в ночных огнях видел капища: Ниццу, Монте-Карло... Не ведаю, как сюда попал. И — за-чем?! Приехали с Ивиком — 12-го, и вот третий день льет дождь, марево, — го-рево. Гнусный предбанник какой-то, липкое тело, дышать нечем, и даже плюнуть некуда. Если бы не последний грош, — пошел бы в рулетку, рядом, и ссссорвал бы ее, чтобы меня потом на руках, бережно, перенесли в трэн-блэ и доставили бы на недельку в Рим, Флоренцию... там бы я взглянул на «вековое» и... — домой» (17. 09. 1937) [12: 2, с. 204–205]. Эти пространственные сопоставления соотносимы с историко-литературной оценкой различных этапов отношения к Крыму у Волошина (ранее, кстати, мнение, что южный берег Крыма «краше французской Ривьеры», высказал генерал-губернатор Новороссии и знаменитый одесский градоначальник А. Э. де Ришелье). Однако чаще крымские воспоминания приходят в моменты особенно тяжелых мытарств эмигрантской жизни. 27. 11. 1933: «Отозван был охотой за квартирой. Устали собачьи — ни-чего. Не по карману. Куда денемся?! На улице до того расстроился, — хотел зареветь, — таким я себе жалким показался. Поглядел на мою, вечную... до чего же истомлена! Оба больные — бродим, нанося визиты консьержкам. 6000, 7 т., 5 1/2 т., ну а мы (0<льга> А<лександровна>) не можем свыше 4–4 1/2. Вернулись, разбитые. Собачий холод, в спальне +6° Ц. ! Весь вечер ставил печурку, а угля кот заплакал. И все мысль — тебе бы в тепле, старик, — да доканчивай вот свое, а ты вон шляешься... — печник негодный. Ах, стал бы я Пушкина читать, в креслах бы... — будь я счастливей. Прости мне, Боже! Ведь я, свинья, — блаженствую! А там-то... ! Вспомнил, как в 1921 году, зимой, в 20° мор<оза> R<еашиг> ехали с 0<льгой> А<лексан-

дровной» на одном бревне (!) – 50 верст, в пальтишках!! (Мытарства наши по Крыму. Только – не квартиру тогда искали...) Все проходит: пройдет и это» [12: 1, с. 419].

Вот уже из послевоенной жизни: ««Щасливые швицары»! А мы, в «центре мира», – как бы на берегах Лача, у плача, – о сем читай Даниила Заточника. Каково же словцо – «заточник»! Что словцо; важно что в... словце-э! Но и за сие надо Бога благодарить. Есть «центры» куда адовой. ...Здесь, в туземьи, нервное ожидание... ин-фляции... – «уже угу!» – и... заокеанской «гон-фля-ции»: 1 мая предвидится начало «мирной конференции» и еще более – ожидается-то! – «всемирного наездия и налета». «Несут-несут – несут-ут!» – хлестаковское это так и поет в сердцах, если они еще могут петь, или в «прикидках». И потому: префект уже отменил «срочное» закрытие всех «таинственно-теплых местечек», где подают «ню» и проч. Ибо сие-то и тянет... отдохнуть всемирное сверх-перенапряжение и гипертрофию. Прилетят птички-невелички, снесут золотые яички. Когда-то сносили головы... И что же зачнут разделывать!.. Черный рынок «батра сон плэн». Если сие возможно. Ибо он уже давно – в «сон плэн». Вряд ли Вы представляете картину нашу. Батально-инфернальную. На рынке блистательное отсутствие всего удо-боядомого. Когда-то была «рютабага» и «каракатицы» – чернильная слизь, а ныне... петрушечья зелень и... и – ? Все-таки продают цветы: пучок ранункулей – 20 фр.! Пучок петр<уше-чьей> зел<ени> – 5. Но... «по знакомству» все можно. Масло – 700 кл. Ветчина... 800. Сахар 300. Яйцо – 22–25 шт. Ли-мон... – 45. С освобождением в продовольствии стало еще пустынной и скудо-умней. Я располагаю «режим<ом> № 1» и получаю полтора литра молока в день. Но зато у меня взяты все жиры, весь хлеб, картофель, – его

в природе не сущ<ествует>! – сыр (50 гр. в мес<яц>!), макароны, сух<ие> овощи, вино... – все взято. Но дают на полтора кл. б<ольше> сахара в мес<яц> (к 1 ф<унту> общему). Слава Богу, вина-то не пью да-вно! Пью молоко с сахаром. Хлеба ихнего – из неудобосказуемой муки –?! – не могу есть, все равно... И добываю «бискоты», за пакет – 70 фр. – в тридцать сухарей. Но не ропщу: в Крыму привык питаться и виноградным листом, и ягодами шиповника, – для настоя» (7. IV. 1946) [12: 2, с. 405–406].

В этом контексте интересен крымский рассказ И. Шмелева «Два Ивана» (1924), своего рода реалистический «В ожидании Годо». Два переехавших в Крым из российской глубинки Ивана – учитель и водовоз – оказываются время от времени вместе в ходе исторических испытаний сквозь призму этой местности (войны, революции, бандитизма и государственного регулирования собственности). Первый оказывается подвержен идейным искушениям свободы и равенства и начинает было активно проводить их в жизнь, второй понимает равенство чисто практически, как возможность личного обогащения. Вскоре их имущественное положение переворачивается с взаимопереходами друг на друга социальной зависти. Но в итоге оба лишаются всего, включая детей. Учитель, впрочем, умирает от болезней и голода первым. К сожалению, эти художественные обобщения оказались пророческими и для постсоветской истории Крыма.

Итак, тематической (локальный) текст культуры – важная составляющая современных технологий наследования культуры. Сам процесс концептуализации локальных текстов культуры в их пересечениях и отталкиваниях способствует прояснению традиционного метаопределения «русская идея» в виде современной «русской теории».

Список литературы

Варшавский В. «Монпарнасские разговоры» // Русская мысль. – 1977. – 21 апр. – С. 13.

Демидова О. Р. Петербургский текст в русской эмиграции первой волны. – URL: <http://shikardos.ru/text/peterburgskij-tekst-v-russkoj-emigracii-pervoj-volni/> [дата обращения: 23. 11. 2015].

Жаднова Е. Н. Современные подходы к изучению проблемы Петербургского текста русской литературы // Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика. – 2013. – Т. 13. – Вып. 4.

Ильин И., Шмелев И. Переписка двух Иванов: в 2 т. – М. : Русская книга, 2000.

Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. – М. : РОС-СПЭН, 2000.

Люсый А. П. Наследие Крыма: геософия, текстуальность, идентичность. – М. : Русский импульс, 2007.

Люсый А. П. Киноландия и киногеноид. Крымский кино-текст как гламур и жесть // Международный журнал исследований культуры [Электронный ресурс]. – 2012. – № 2(7). – URL: http://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/02_2012/IJCR_02%287%29_2012_Lyusy.pdf [дата обращения: 10. 11. 2015].

Морев Д. А. Берлин как текст в метаромане В. В. Набокова и Э. М. Ремарка. – М. : МГУ, 2008.

Пономарев Е. «Берлинский очерк» 1920-х годов как вариант петербургского текста // Вопросы литературы. – 2013. – № 3. – С. 42-67.

Реброва И. Петербург в образном слове русской эмиграции первой волны (по страницам периодической печати) // Петербургский дискурс: Юбилейный сборник в честь профессора Дины Михайловны Поцепни. – СПб.: Мир русского слова, 2013.

Топоров В. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Труды по знаковым системам XVIII. Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 664.

Ильин И., Шмелев И. Переписка двух Иванов: В 2 т. — М. : Русская книга, 2000.

Эренбург И. Виза времени. Изд. 2, доп. — Л. : Изд-во писателей в Ленинграде, 1933.

Туристское использование российского зарубежного культурного наследия

Путрик Юрий Степанович

*Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева.*

Россия, Москва

E-mail: putrik@list.ru

Tourist use of the Russian foreign cultural heritage

Putrik Uryii S.

*The Russian Institute of Cultural and Natural Heritage
by named D. S. Likhachev*

Russia, Moscow

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются вопросы использования в туризме зарубежных объектов материального русского, советского и российского наследия разных типов, находящихся в самых разных частях света – Европе, Америке, Азии, Африке и Австралии. Отмечается необходимость системного и последовательного подхода в выявлении и более активного включения этих объектов в туристский оборот как важного средства продвижения российской культуры и воспитания патриотического сознания у граждан Российской Федерации.

Ключевые слова: памятник; скульптура; туризм; продвижение; культура.

ABSTRACT

The questions used in the tourism sites of foreign Russian, Soviet and Russian heritage of different types located in many different parts of the world – Europe, America, Asia, Africa and Australia. The necessity of systematic and consistent approach in identifying and more active involvement of these objects in the tourist circuit, as an important means of promoting Russian culture and education of patriotic awareness among citizens of the Russian Federation.

Key words: monument; sculpture; tourism promotion; culture.

Туристское использование российского зарубежного культурного наследия

Туризм, как известно, опирается и мотивируется в большинстве ситуаций объектами наследия, всемирно известными культурными и природными достопримечательностями. Российские объекты культурного наследия занимают заметное место на мировом туристском рынке. В России – это Кижы, Эрмитаж, Московский Кремль, маршрут «Золотое кольцо России», исторические города, сотни музеев и музеев-заповедников и многие другие объекты, которые мотивируют туристские поездки иностранных граждан в Российскую Федерацию. Не менее привлекательны эти объекты и для наших сограждан, путешествующих по родной стране.

Однако важно отметить, что российское зарубежное культурное наследие является также весьма значимым компонентом международного туризма как для наших соотечественников, так и для туристов других стран. Заметим при этом, что вопреки всем природным и социально-политическим катаклизмам и усиливающуюся общую нестабильность в мире феномен международного туризма продолжает последовательно развиваться. Число международных туристских прибытий в 2012 г. перевалило за 1 млрд, а в 2014 г. достигло 1 млрд 138 млн [7]. Значительно и количество отечественных туристов, выезжающих за рубеж с туристскими и иными целями, которое составило в 2014 г. 45,9 млн человек [3], хотя и сократилось по сравнению с 2013 г. на 15,5%.

Объекты русского, советского и российского культурного наследия разных типов (архитектурный, исторический, инженерный, художественный, изобразительное искусство и др.) расположены на зарубежных туристских маршрутах многих стран и континентов. Так, на популяр-

ных направлениях познавательного туризма в Европе, которая является одной из колыбелей цивилизации и самой посещаемой частью света, сохранились памятники и памятные места, свидетельствующие о пребывании там Петра I, участии России в Северной войне. Памятники Петру I в разные периоды установлены в Лондоне, Заандаме (Нидерланды), Антверпене (Бельгия). Все они, как правило, включены в программы и каталоги туристских маршрутов по странам Бенилюкса. Причем в любимой русским царем Голландии скульптура Петра I называется «Царь — корабельный плотник». Она очень привлекательна для экскурсионного осмотра, как и расположенный там же домик Петра. Величественный памятник Александру II в центре Хельсинки является одним из важнейших экскурсионных объектов финской столицы. В Париже практически все туристы и экскурсанты прогуливаются и любуются шедевром городской архитектуры — Мостом Александра III, соединяющим берега Сены в самом сердце Парижа. Первый камень этого великолепного моста заложил российский император Николай II. Известнейшей достопримечательностью швейцарского Цюриха, привлекающей ежедневно сотни туристов, являются витражи, выполненные Марком Шагалом. В пять длинных 10-метровых стеклянных полос шириною всего один метр Шагал сумел вписать всю библейскую историю. Отдельной темой туристского познавательного потенциала в европейских странах можно считать многочисленные и ставшие уже объектами российского наследия памятники и мемориалы советским воинам периода Второй мировой войны в Берлине, Болгарии, Польше, Чехии, Венгрии и других странах.

Туристское использование российского зарубежного культурного наследия

Если говорить о восточно-европейских странах эпохи Петра I, то хотелось бы обратить внимание и на такой объект российского зарубежного культурного наследия на Украине, как Колонна славы в честь победы русской армии под Полтавой высотой более 10 м, которая сегодня является одной из главных достопримечательностей центра города, музей «Поле Полтавской битвы» на улице Шведской и установленный перед ним бронзовый памятник Петру I. Экскурсии и туры к месту знаменитого сражения Северной войны проводятся круглый год. В целом же, памятники русской воинской славы в европейских странах занимают место ведущих объектов экскурсионного показа на многочисленных туристских маршрутах Польши, Германии, Болгарии, Франции и ряда других стран.

Кстати, Киевскую Софию — главную туристскую достопримечательность Киева и Украины, где покоятся останки Ильи Муромца, также следует, видимо, относить, хотя и с известной долей условности, к объекту русского наследия за рубежом. Всегда большой интерес и самые теплые чувства у наших соотечественников неизменно вызывают встречающиеся в ходе их европейских путешествий, туров и экскурсий, оздоровительных поездок на зарубежные курорты такие значимые для нас экскурсионные объекты, как памятник Гоголю в Риме, памятник Тургеневу в Баден-Бадене, памятник Петру I в Карловых Варах, бюст Достоевского в курортном парке Ниццы, памятники А. С. Пушкину во многих странах, в том числе — в семи европейских.

Обращаясь к другим частям света, заметим, что в поле внимания российских туристов довольно часто и нередко к их удивлению (не все же туристы — историки и

культурологи!) попадают весьма значимые объекты русского культурного и религиозного наследия, архитектурные гражданские объекты, инженерно-технические сооружения.

История преподносит нам самые удивительные и восхитительные факты о русском наследии в далекой Австралии, где в местечке Холлс-Крик в Западной Австралии установлен оригинальный памятник русскому старателю по прозвищу «Русский Джек» (уроженец Архангельска, матрос, осевший в Австралии в 80-х гг. XIX в.), который в одном из своих путешествий за золотом нашел в пустыне больного умирающего старателя, не бросил его на произвол судьбы, а повез его на своей ручной тачке за 40 миль в город в больницу [5]. Русский Джек, изображенный с тачкой и больным старателем, уже много лет является центральной фигурой и объектом разнообразных экскурсий и туристских маршрутов, в т. ч. приключенческих «старательских туров» в данном регионе страны, фольклорным персонажем, олицетворяющим силу доброты и человечности.

Русское и советское инженерно- и архитектурно-техническое наследие сохранилось в странах Азии и Африки. Среди них, конечно же, построенная русскими в конце XIX — начале XX вв. Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) протяженностью более 7,5 тыс. километров, соединившая Читу с Владивостоком и Порт-Артуром и проходящая ныне по территории провинций Внутренняя Монголия и Хейлунцзян. Дорога эта строилась далеко не в тепличных условиях, т. к. помимо традиционных сложностей первопроходческого строительства строители сталкивались с резко негативным отношением со стороны местного населения и властей, в результате чего по окончании строительства вынуждены были в срочном порядке

возвращаться в Россию. По этому поводу В. А. Чернов в своей книге «История становления гостиничного дела на Востоке Российской империи» отмечает: «...Русское население, кинув то, что невозможно было увезти, спешно уезжало из опасных местностей по железной дороге, в сторону Владивостока и Сибири и водным путем из Харбина до Хабаровска и Благовещенска» [6, с. 159].

Сегодня маршруты китайского турбюро «Харбинская железная дорога» очень популярны у российских граждан, т. к. старые районы города — это классическая русская архитектура со стилем, характерным для Сибири, а железнодорожные разъезды в китайской глубинке также легко узнаваемы по стилю железнодорожной архитектуры того времени. А в городе Суйфэньхэ, куда подходит одна из «веток» КВЖД — ныне приграничном туристском центре, активно посещаемом российскими туристами, также сохранилось здание железной дороги на одной из улиц. Там же установлен памятник воинам Красной армии, участвовавшим в сентябре 1945 г. в освобождении северо-восточных районов Китая от японских захватчиков. Надпись на памятнике на русском и китайском языках гласит: «Слава Красной Армии, освободившей Манчжурию от японского ига!».

Если говорить об американском континенте, то очевидно можно убедиться, что торговые экспедиции XVII—XVIII вв., несколько волн русской и российской эмиграции оставили, безусловно, свой след в виде объектов материального наследия как в Северной, так и в Южной Америке. В тихоокеанском штате Калифорния находится Форт-Росс — один из многочисленных и наиболее известных национальных парков, активно посещаемый как американскими, так и зарубежными и, конечно же, российскими туристами. В

далеком 1812 г. в этой местности, непосредственными хозяевами которой выступали тогда индейцы племени кашайа-помо, было основано русское поселение, ставшее самой южной русской колонией в Северной Америке, укрепленным сельскохозяйственным поселением, выполнявшим функцию снабжения Аляски продуктами питания. Сохранились строения, да и вся территория поселения, на которой впоследствии и был создан национальный парк.

А в Южной Америке, в далеком Парагвае в столичном Пантеоне Славы национальных героев почетное место занимает русский генерал Иван Тимофеевич Беляев, участник Брусиловского прорыва, участник Гражданской войны в рядах Добровольческой армии Врангеля и Кутепова, эмигрировал в Парагвай. Там он работал в Военной школе преподавателем фортификации и французского языка. В 1933 г., будучи уже начальником Генерального штаба Вооруженных сил Парагвая, участвовал в войне с Бolivией, фактически сформировал и структурировал парагвайскую армию, оставил обширное научное наследие, посвященное лингвистике, географии, этнографии, климатологии, биологии и даже стоял во главе борьбы за права парагвайских индейцев. Когда в 1957 г. он ушел из жизни, Парагвай на 3 дня погрузился в траур. На отпевании генерала в православном храме было все политическое руководство страны, включая президента [4]. Индейцы каждого туриста, посещающего их поселения, встречают словами: «Мир никогда бы не узнал о нас, гуарани, если бы не "Генерало Русо Беляев"» [2].

К другим примерам масштабного инженерно-технического российского, а точнее — советского наследия за рубежом можно отнести Асуанскую плотину, возведенную в Республике Египет в 60-х годах прошлого столетия: сего-

Туристское использование российского зарубежного культурного наследия

дня она, действуя согласно своему основному предназначению, является и важным объектом экскурсионного показа.

Хотелось бы также обратить внимание на удивительные вещи, которые порой делает советское и российское искусство за рубежом. Так, в Китае очень полюбился населению советский фильм «А зори здесь тихие». Настолько полюбился, что китайский режиссер в 2005 г. снял 30-серийный сериал по мотивам этого фильма и с одноименным названием. Для съемок фильма в 10 км от приграничного с Россией китайского г. Хейхе, где, кстати в 2015 г., объявленным в России как год литературы, установлен памятник А. С. Пушкину, была специально построена «Русская деревня» – прототип описанного в первых строках повести Бориса Васильева 171-го разъезда – «..двенадцать дворов, пожарный сарай да приземистый длинный пакгауз...» [1]. После съемок фильма этот объект используется как экскурсионный объект для российских и китайских туристов, которые могут воочию увидеть место съемок и прогуляться по улочкам «русской деревни», воспользоваться услугами русскоговорящего гида. Там же музей под открытым небом народности орочей, которых осталось 686 человек в соседнем Хабаровском крае. Но музея там никакого нет пока...

Приведенный в данной статье краткий обзор туристского использования объектов зарубежного русского, советского и российского наследия показывает необходимость системного подхода в продвижении и пропаганды российских культурных ценностей и объектов культурного материального наследия не только средствами туризма, но и используя широкие возможности Интернета. Подготавливаемая в настоящее время Российским НИИ культурного и природного наследия энциклопедия

«Российское культурное наследие за рубежом» и планируемый им специализированный портал послужат важнейшими информационно-справочными ресурсами для российских туроператоров и других организаторов поездок за рубеж и будут, несомненно, способствовать более активному включению этих объектов в каталоги программы туров. Это в конечном итоге положительно скажется не только на имидже России как мировой культурной державы, но и на укреплении патриотического сознания наших сограждан.

Список литературы

Васильев Б. А зори здесь тихие: Повесть // Юность. — 1969. — № 8.

Нетесов А. Кавказский вождь краснокожих // Офицеры России. Информационный портал [Электронный ресурс]. — URL: <http://oficery.ru/security/3073> [дата обращения: 14. 11. 2015].

Официальный сайт Федерального агентства по туризму [Электронный ресурс]. — URL: www.russiatourism.ru.

Новая газета. — 2014, 10 окт.

Россия и соотечественники. — URL: <http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=11456> [дата обращения: 14. 11. 2015].

Чернов В. А. История становления гостиничного дела на Востоке Российской империи: моногр. — Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2012. — С. 159.

UNWTO. World Tourism Barometer. Vol. 13. Jan. 2015 / Барометр международного туризма ЮНВТО. Т. 13. Янв. 2015. — URL: http://tourlib.net/wto/UNWTO_Barometer_2015_01.pdf [дата обращения: 14. 11. 2015].

**Международный мемориальный
трест Рерихов в Индии:
история создания, цели и задачи**

Монгуш Марина Васильевна

*Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева
Россия, Москва
E-mail: monmarvas@mail.ru*

**The International Memorial
Trust of Reoerich in India:
History of Creation, Purpose and Task**

Mongush Marina V.

*The Russian Institute of Cultural and Natural Heritage
by named D. S. Likhachev
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена культурному наследию Рерихов в Индии. Автор знакомит читателя с историей создания Международного мемориального треста Рерихов в Наггаре. Освещается также его роль в развитии российско-индийских культурных отношений.

Ключевые слова: наследие Рерихов; российское культурное наследие за рубежом; российско-индийские отношения; межкультурный диалог; мультикультурное пространство.

ABSTRACT

Article is about Reoerich`s cultural heritage in India. The author acquaints the reader with history of creation of the International Memorial Trust of Reoerich in Naggar. It`s role in development of the Russian-Indian cultural relations is also lit.

Key words: Reoerich`s heritage; Russian cultural heritage abroad; Russian-Indian relations; cross-cultural dialogue; multicultural space.

Международный мемориальный трест Рерихов в Индии: история создания, цели и задачи

Рериховское наследие — особая тема, она интересна, неисчерпаема, многогранна и всегда востребована. Будучи гражданами мира, Рерихи жили повсюду и, кажется, везде чувствовали себя комфортно. Индия — одна из стран, где им довелось прожить довольно долго. Здесь в небольшой деревне Наггар, расположенной в живописной долине Кулу в штате Химачал Прадеш, осталась их усадьба, которая сейчас стала, с одной стороны, музеем, с другой — Международным мемориальным трестом Рерихов (ММТР).

История создания ММТР заслуживает особого внимания. В 1928 г. Николай Рерих завершил свою четырехлетнюю экспедицию в Центральную Азию. Собранный в ходе экспедиции научный материал требовал тщательной обработки и систематизации. Для выполнения этой задачи Н. Рерих и его супруга Елена Ивановна основывают в городе Дарджилинге (Индия) Институт гималайских исследований «Урусвати». Однако для размещения и организации его работы они выбирают долину Кулу в Гималаях. Супруги покупают у местного князя (*раджа*. — М. М.) имение, представлявшее собой двухэтажный усадебный дом и большой земельный участок. В имении Рерихи жили с 1929 по 1947 г. Здесь они занимаются интенсивной культурной и научной деятельностью. Именно тут у Н. Рериха окончательно оформляется идея о необходимости консолидации международных усилий по защите культурных ценностей, которая увенчалась в 1935 г. подписанием в Вашингтоне первого международного договора «Об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников», известного как Пакт Рериха. Он был подписан представителями двадцати одной страны, среди которых были США и большинство латиноамериканских стран. В 1948 г. Пакт был одобрен пра-

вительством Индии [3, с. 192]. Уникальность этого документа заключается в том, что его действие по охране культурных ценностей распространяется не только на случай военных конфликтов, но и на мирное время. Пакт Рериха имеет свой символ — Знамя Мира, белое полотнище с красной (амарантовой) окружностью и тремя кругами того же цвета, олицетворяющими прошлое, настоящее и будущее, внутри нее.

Исследователи деятельности Рерихов считают, что Институт гималайских исследований «Урусвати» задумывался его основателями как прообраз научного учреждения будущего, в основании которого лежит синтез знаний. Основной идеей, которая пронизывала научные концепции института, была идея взаимосвязи человека и космоса, так как, по мнению Рерихов, причина многих земных явлений находится в космосе и мирах более высокого уровня. Институт должен был в будущем перерасти в город Знания, но его работа была остановлена Второй мировой войной.

В середине 1930-х гг. Н. Рерих обратился к министру иностранных дел СССР с просьбой разрешить ему вместе с семьей вернуться в Россию, но она, к сожалению, не была удовлетворена. После завершения Отечественной войны он вновь повторил свою просьбу и снова безуспешно. «Каждый из нас четверых (Николай Рерих, его супруга Елена Ивановна, их сыновья Юрий и Святослав. — М. М.) в своей области накопил немало знаний и опыта, — писал Н. Рерих. — Но для кого же мы трудились? Неужели для чужих? Конечно, для своего, для русского народа мы переживали и радости, и трудности, и опасности... Для народа русского мы трудились. Ему несем знания и достижения» [1].

Международный мемориальный трест Рерихов в Индии: история создания, цели и задачи

В 1947 г. уходит из жизни Николай Рерих, а через восемь лет – его супруга Елена Ивановна. Их старшему сыну Юрию Николаевичу, известному ученому-востоковеду, удалось в 1957 г. вернуться в Россию. Он привез с собой первую часть наследия, которую, к сожалению, постигла трагическая участь. Часть картин была передана им министерству культуры с целью создания музея. Министерство картины приняло, но обещанный музей так и не был создан. Другая часть привезенного наследия после скоропостижной смерти Юрия Рериха в 1960 г. постепенно исчезала из его московской квартиры. Как отмечают специалисты, в настоящий момент там практически ничего не осталось.

Младший сын Рерихов, Святослав Николаевич, помня о воле родителей и учитывая горький опыт брата, добивается, чтобы в Москве был создан общественный Центр-Музей имени Н. К. Рериха. Ему это удается. И в 1990 г. он передает в этот музей картины, архив и библиотеку родителей, мемориальные вещи и многие коллекции, которые Рерихи собирали всю свою жизнь. Однако в индийском имении Рерихов в Наггаре осталась значительная часть наследия (картины, архив, книги, личные вещи) и главное – законсервированный Институт гималайских исследований «Урусвати» с научными коллекциями, архивом, библиотекой, экспедиционными документами и экспонатами. И Святослав Рерих решает сохранить имение в Куду и превратить его в полноценный российско-индийский музейно-научный центр. В 1970-е гг. он обращается в Российскую академию наук с просьбой организовать возобновление работы Института гималайских исследований «Урусвати» совместно с индийскими учеными. Но руководство РАН проигнорировало его просьбу.

После создания в Москве Центра-Музея Святослав Рерих создает российско-индийскую организацию – Международный мемориальный трест Рерихов (ММТР). Она должна была возобновить культурную и научную деятельность, начатую его родителями. В России и Индии создание ММТР восприняли с энтузиазмом. Тогдашний президент России Б. Н. Ельцин ответил Святославу Рериху на предложение стать почетным попечителем ММТР так: «Задуманное Вами создание Международного мемориального треста Рерихов, несомненно, упрочит незаменимый вклад Вашего знаменитого семейства в духовное сближение России с Индией и мировую культуру. Этот многообещающий замысел, безусловно, будет всецело поддержан в России» [1].

Однако после смерти Святослава Рериха в 1993 г. дело затормозилось. Для обсуждения дальнейшего развития ММТР в Москву приехала специальная индийская делегация. Российская и индийская стороны договорились совместными усилиями создать на базе дома Рерихов в Нагаре Мемориальный музейный комплекс и возобновить деятельность Института гималайских исследований «Урусвати». Это сотрудничество, в свою очередь, должно было содействовать дальнейшему укреплению культурных связей между Россией и Индией.

Задачами ММТР являются: сохранение и руководство научными, образовательными, культурными и художественными проектами и учреждениями, основанными в Индии членами семьи Рерихов; сохранение, распространение и популяризация художественных, научных, исследовательских трудов и идей семьи Рерихов; организация новых и поддержка существующих Центров, имеющих благотворительные, научно-исследовательские, литера-

турные и образовательные цели и основывающихся на наследии семьи Рерихов, а также трудах Гималайского исследовательского института «Урусвати»; проведение конференций и семинаров в имени Рерихов в Наггаре с участием признанных авторитетов из разных стран по научной, литературной, культурной и образовательной тематике в рамках наследия Рерихов; подготовка, переиздание и распространение книг и публикаций об искусстве, научных исследованиях, в особенности тех, которые принадлежат или имеют прямое отношение к членам семьи Рерихов; оказание помощи и поддержки социально и экономически незащищенным и бедным слоям общества, без учета кастовых и религиозных различий; создание новых и разносторонняя поддержка существующих школ, колледжей, лекционных залов, аудиторий, научных и художественных музеев и других учреждений, направленных на развитие образования в сфере искусств, науки, литературы и других полезных обществу областей деятельности во всех возможных формах (пансион, библиотека, читальный зал, музей, гимназия, начальная и средняя школа различного профиля) и т. д.

Основными объектами ММТР являются: картинная галерея Николая Рериха (постоянная экспозиция в трех залах 37 картин кисти Николая Рериха и 11 картин кисти Святослава Рериха); мемориальный дом семьи Рерихов; мемориал Святослава Рериха и его супруги Девики Рани; Институт гималайских исследований «Урусвати»; место кремации Николая Рериха; Музей гималайского фольклорного творчества «Урусвати»; открытый театр, исполненный в местном стиле с 18 деревянными резными колоннами и резной статуей богини-покровительницы

искусств Сарасвати; Детский колледж искусств имени Елены Рерих.

Сегодня куратором и исполнительным директором ММТР является Алена Адамкова, гражданка Словакии. Мы встретились с ней в ее рабочем офисе; она с удовольствием рассказала нам о деятельности ММТР: это своего рода российский Культурный центр в Наггаре, который призван воплощать в жизнь идеи семьи Рерихов. А идеи у них были вполне конкретные: сохранять то, что уже создано (в основном это музейная работа), обучать детей разным видам искусства, организовывать регулярные выставки с целью установления диалога между разными культурами.

Открытие Центра (ММТР. – М. М.) способствовал посол России в Индии Александр Кадакин. Он был близок к семье Рерихов, хорошо и глубоко понимал их творчество, поэтому считал своим долгом помочь становлению Центра и приданию ему международного статуса. В штате состоят 38 человек. В финансовом отношении это небогатая организация, но руководству удалось открыть и задействовать четыре студии: индийского классического танца, музыки, живописи и театрального искусства. В них бесплатно занимаются 150 местных детей. Их возраст от 6 до 17 лет. Занятия с ними ведут пять преподавателей, они тоже все местные. В Центре есть небольшой выставочный зал. В нем выставляются как местные, так и зарубежные художники, как известные, так и начинающие. За аренду зала руководство денег не берет – это принципиальная позиция Центра. С апреля по июль его в день посещают около 500–700 человек. Это самый разгар туристического сезона в Наггаре. Художники, которые выставляются, бесплатно дают мастер-классы детям. Такое общение идет на

Международный мемориальный трест Рерихов в Индии: история создания, цели и задачи

пользу обеим сторонам. Дети, обучающиеся в Центре, отличаются от остальных, их кругозор значительно шире, они много знают о России, имеют возможность встречаться с интересными людьми, посещающими Центр по официальной и частной линии.

Рассказывая о проблемах, А. Адамкова заметила, что ей часто приходится преодолевать косность и некоторую ограниченность местных жителей. Есть среди них такие, которым не нравится работа Центра, они считают, что их детей не стоит обучать традиционным искусствам, дескать, им это не пригодится в жизни. В этом случае ей приходится терпеливо объяснять, что знания и навыки, приобретенные детьми в Центре, могут стать решающими в выборе их дальнейшего жизненного пути. В январе 2011 г. А. Адамкова была награждена орденом Дружбы народов за большой вклад в развитие и укрепление российско-индийских научных и культурных связей.

Для создания мемориального музейного комплекса в имени Рерихов требуется целый комплекс мер. В настоящее время российские сотрудники проводят в ММТР работу по организации правильного учета музейных предметов и коллекций в соответствии с международными музейными стандартами. Начато заполнение Главной книги поступлений, изготовленной в Москве по специальному заказу МЦР. Ведется работа по оформлению основной и вспомогательной учетной документации и систематизации фондов. Проводится сверка наличия предметов наследия в соответствии с инвентаризацией, проводившейся в ММТР в 1993 г. Продолжается работа по выявлению и регистрации неучтенных мемориальных предметов. В целях сохранности в экспозиции выставочных залов Института «Урусвати» и летней мастерской С.

Н. Рериха заменены на копии подлинные архивные фотографии и документы, изъяты из открытого хранения отдельные мемориальные предметы.

Книжные фонды ММТР — кладезь для будущих ученых и исследователей. На сегодняшний день систематизировано и зарегистрировано 7425 ранее не учтенных изданий библиотеки «Урусвати». Всего на данный момент библиотека «Урусвати» насчитывает более 10000 книг, брошюр, журналов и т. п. Выявлены и отсняты более трехсот статей рериховской тематики из периодических изданий из фонда ММТР. В обновленных помещениях библиотеки в начале апреля 2013 г. работала группа ученых-ботаников, уже в третий раз приехавших в Наггар по направлению МЦР.

Российские научные сотрудники провели осмотр состояния сохранности ранее (в 2010 и 2011 гг.) исследованной ботанической коллекции Института «Урусвати», а также описали и зарегистрировали гербарные листы, обнаруженные группой сотрудников МЦР во время проведения сверки. Они продолжили научно-исследовательскую работу по сбору растений региона Кулу и сопоставлению их с коллекцией Института «Урусвати», а также работу по изучению флоры на территории ММТР.

Работу с зоологическими коллекциями Института «Урусвати» продолжил научный сотрудник Зоологического музея Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова А. А. Лисовский, который приезжает в Наггар по направлению МЦР с 2010 г.

Сегодня имение Рерихов считается одним из уникальных сокровищ мировой культуры. Их усадьба стала одной из главных достопримечательностей Северной Ин-

Международный мемориальный трест Рерихов в Индии: история создания, цели и задачи

дии. ММТР действует под почетным патронатом сопредседателей российско-индийской Межправительственной комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству. По словам русского посла в Индии Александра Кадакина, «художественное наследие выдающейся русской семьи Рерихов является духовным и культурным мостом, на века связавшим великие народы России и Индии».

Список литературы

1. Гималайский свет Рерихов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru/2012/10/09/rerih.html> [дата обращения: 25.05.15].

2. Договор о сотрудничестве между Международным Центром Рерихов (Москва, Россия) и Международным Мемориальным Трестом Рерихов (Наггар, Индия) – еще один шаг к реализации мечты Рерихов о сближении России и Индии [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.icr.su/rus/news/icr/detail> [дата обращения: 27.05.15].

3. Пакт Рериха как основа новой Конвенции ООН о защите культурных ценностей / А. Капустин, П. Баренбойм, А. Захаров, Д. Кравченко. – М.: ЛУМ, 2014.

**Русское искусство
в музеях Великобритании**

Юренёва Тамара Юрьевна

*Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева.
Россия, Москва
E-mail: iureneva@mail.ru*

**Russian art
in the museums of Great Britain**

Yureneva Tamara Y.

*The Russian Institute of Cultural and Natural Heritage
by named D. S. Likhachev
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме формирования коллекций русского искусства в музеях Великобритании. Автор рассматривает состав коллекций, исторические и социокультурные аспекты их образования, вклад частных коллекционеров в сохранение и популяризацию русского искусства за рубежом.

Ключевые слова: коллекции русского искусства; Британский музей; Музей Эшмола; Музей Виктории и Альберта; Галерея Тейт.

ABSTRACT

The article is devoted to formation of Russian art collections in British museums and galleries. The author considers the collection's contents, historical and socio-cultural aspects of their formation, the contribution of private collectors in the preservation and promotion of Russian art abroad.

Key words: Russian art collections; British Museum; Ashmolean Museum; Victoria and Albert Museum; Tate Gallery.

За последние десятилетия о российском культурном присутствии за рубежом написано немало, особенно в контексте изучения послеоктябрьской эмиграции. Внимание исследователей привлекли культурная среда эмигрантских сообществ и исторические судьбы людей, формировавших эту среду, русское влияние на развитие литературы и искусства западных стран, организации и институции русского зарубежья, а также многие другие стороны его жизни и деятельности. Вместе с тем проблема российского культурного наследия в зарубежных странах пока еще не раскрыта во всей своей полноте. Среди слабо изученных ее аспектов — музеи и музейные коллекции русского искусства и культуры, исторические и социокультурные факторы, обусловившие их формирование и состав.

Восполнить в некоторой степени этот пробел мы попытаемся применительно к собраниям изобразительного искусства ведущих музеев Великобритании, страны с давними традициями художественного коллекционирования и высокими стандартами музейной деятельности. В решении этой задачи существуют определенные сложности технического характера, связанные с тем, что далеко не всегда коллекции систематизируются по национальному признаку, не все предметы музейного собрания изучены и представлены в музеографических изданиях или электронных каталогах. Поэтому выбор музеев и анализ «русской составляющей» их собраний определен, прежде всего, доступностью тех или иных материалов. Поскольку в рамках данной работы не представляется возможным дать исчерпывающий обзор всего русского искусства в британских музеях, мы ограничимся рассмотрением, главным образом, коллекций живописи и графики.

На рубеже XIX–XX вв. искусство России не было широко известно за пределами страны. Некоторое представление о нем зарубежный зритель мог получить на всемирных промышленных выставках, где в художественных отделах русских павильонов экспонировались произведения современного искусства, а также иконы. Изредка в западноевропейских городах, в частности, в Берлине и Париже, проходили персональные выставки русских живописцев и скульпторов, отдельные русские мастера время от времени выставлялись в салонах и на групповых выставках. Однако художественного интереса со стороны критики и публики русское искусство не вызывало. По мнению А. В. Толстого, «в русском искусстве привлекали как характерность отдельных национальных типов, так и правдиво переданные приметы русского быта с внешними этнографическими признаками. Даже интерес к пейзажным полотнам русских художников носил своеобразный научно-познавательный оттенок: французские критики видели в них один из источников для изучения далекой загадочной страны с ее, по их словам, “унылой”, “однообразной” и “жестокой природой» [8, с. 21].

Важным этапом в продвижении русского искусства на Западе стала первая в Европе большая ретроспективная выставка «Два века русской живописи и скульптуры». Организованная Сергеем Дягилевым при поддержке русских художников, меценатов и коллекционеров, она с успехом прошла в 1906 г. в Париже, а затем в Берлине и Венеции. Ее хронологические рамки были значительно шире обозначенных в названии, поскольку экспонировались также древнерусское искусство XV–XVII вв. (в частности, 35 икон из собрания Н. П. Лихачева и одна – из коллекции А. З. Хитрово) и живопись начала 1900-х гг. [8, с. 29–30]. Более двух десятков аналитических рецензий во

французской, английской, немецкой и бельгийской периферии свидетельствовали о позитивных изменениях в восприятии русского искусства европейскими художественными кругами.

Выставка пробудила интерес не только к живописи, графике и скульптуре России, но и к ее музыке: в рамках культурной программы проводились концерты с участием ведущих российских исполнителей. Этот интерес закрепили и усилили ежегодные зарубежные выступления артистов из России, получившие название «Русские сезоны», а затем и спектакли труппы «Русский балет Дягилева» (1911–1929), в оформлении которых принимали участие художники Л. С. Бакст, А. С. Головин, А. Н. Бенуа, Н. К. Рерих, К. А. Коровин, Н. С. Гончарова, М. Ф. Ларионов. Созданные ими эскизы костюмов и декораций не только принесли всемирную славу русской сценографии, но и превратили произведения русского театрально-декорационного искусства в объект музейного и частного коллекционирования.

Особенности постижения русского искусства европейскими критиками и зрителями не могли не отразиться на составе и принципах формирования «русских коллекций» в музейном мире Великобритании. Произведения древнерусской живописи появились в лондонских музеях во второй половине XIX в. В частности, Музей Виктории и Альберта приобрел предположительно в 1864 г. икону палехской школы Воскресение со святой Анастасией и 16 праздниками, а Британский музей в 1895 г. купил у частного коллекционера икону Казанской Божьей Матери в серебряном окладе, украшенном эмалью [4, с. 111]. Однако в то время русские иконы, отмечает Г. И. Вздорнов, «рассматривались скорее как экзотика, а не искусство в подлинном значении этого слова» [2, с. 205].

В самой России вторая половина XIX в. стала временем накопления знаний о русской иконе, ее активного научного изучения и реставрационных работ, возвращавших потемневшим от олифы и свечной копоти, записанным и полузаписанным произведениям древней живописи их первоизданную красоту. На рубеже веков появляется немало частных иконописных коллекций, наиболее крупными из которых были собрания И. С. Остроухова, С. П. Рябушинского, А. В. Морозова, П. М. Третьякова, П. Д. Корина в Москве и Н. П. Лихачева в Петербурге. Русская икона начинает экспонироваться уже не только на выставках церковной археологии, но и на художественных выставках универсального типа. Зимой 1913 г. в Москве прошла выставка древнерусского искусства, приуроченная к трехсотлетию юбилею дома Романовых. Оказавшаяся в центре внимания публики, критиков и ученых, она стала важным рубежом в художественном открытии иконы. В корне изменив бытовавшее прежде представление о характере древней живописи, она «оказала решающее влияние на переоценку русской иконы, превратившейся из принадлежности религиозного быта и церковного обихода в самодеятельное произведение искусства» [3, с. 48].

Интерес к русской иконописи постепенно пробуждался и за рубежом, где время от времени проходили выставки русского искусства. Однако художественного открытия иконы как явления мирового искусства на Западе в полной мере все же не состоялось, чему в немалой степени помешали Первая мировая война и революционные потрясения в России. В первой половине XX в. русские иконы поступали в музейные собрания Великобритании преимущественно в виде отдельных даров, которые носили эпизодический характер. Об этом свидетельствует, в частности, история собрания икон Британского музея,

которое считается самым представительным в стране. Формировавшееся в рамках Отдела доисторического периода и Европы, оно к 1980 г. включало всего лишь 6 икон, из которых только одна, византийская икона начала XIV в. «Четыре евангельских праздника», далеко не лучшей сохранности, считалась высокохудожественным произведением [4, с. 110].

Появление русских икон в Британском музее было тесно связано с политическими событиями в России и трагическими страницами ее истории. Первым даром музею в 1920 г. стала написанная под оклад небольшая домашняя икона Новозаветная Троица, или Отечество с простым и безыскусным изображением Бога-отца, Бога-сына и Святого духа в виде голубя. Такие иконы в больших количествах производились в Мстере и Холуе: их заказывали семьи по случаю рождения детей и других знаменательных событий, ими благословляли на вступление в брак и, спасаясь от ужасов гражданской войны, забирали с собой на чужбину как семейную реликвию. Полагают, что икону привезли в Великобританию российские эмигранты или солдаты подразделений Британской армии, служившие на севере России [9, № 68].

Память о драматических событиях российской истории хранит икона Богоматерь Владимирская XVII в., которую в 1924 г. передал музею капитан Г. В. Муррей. На ее оборотной стороне есть надпись, сообщающая о том, что 28 июля 1919 г. монахи монастыря на берегу Онежского озера подарили эту икону шкиперу речного буксира Т. А. Килби в благодарность за спасение их самих, а также их имущества от большевиков, которые сожгли монастырь. Исследователи полагают, что речь идет о Корнильевом монастыре, основанном в XV в. на маленьком островке Палей у северного побережья озера и впоследствии принад-

лежавшем Русской православной старообрядческой церкви [9, № 12]. Память о событиях Второй мировой войны, в частности, о британских морских конвоях, доставлявших в СССР оружие, обмундирование и снаряжение, хранит и подаренная музею М. Х. Тернер в 1944 г. икона «Огненное восхождение пророка Илии», исполненная в начале XIX в. Полагают, икона привезена в Великобританию с одним из таких конвоев [9, № 47].

Интерес к русской иконе как объекту целенаправленного собирательства британские музеи стали активнее проявлять в последние десятилетия минувшего столетия. Анализируя выставку иконописных шедевров из собрания Русского музея Санкт-Петербурга, проходившую в лондонском Музее Виктории и Альберта в 1994 г., известный специалист по древнерусскому искусству, эксперт фирмы «Сотбис» Дж. Стюарт писал: «Запад почувствовал необходимость лучше узнать Россию. <...> В выставочном зале музея были толпы посетителей. Многие старательно изучали экспонаты. Студенты делали наброски интересующих их деталей икон. Западный зритель был ранее лишен возможности лицезреть иконы так близко — и вот теперь они дождались всеобщего признания» [7, с. 4].

В 1980-е гг. по решению Совета попечителей началось систематическое комплектование иконописного собрания Британского музея. Среди приобретений этого десятилетия — икона св. Георгия, поражающего копьём змея, которая выделяется вороной мастью коня и известна как «Черный Георгий» [9, № 1]. Этот шедевр русской иконописи начала XV в. был найден в 1959 г. в маленькой деревеньке Ильинский погост на берегу реки Пинегы: потемневшую и записанную икону использовали в качестве ставни на окне амбара. В ходе реставрации под поздними слоями живописи было открыто совершенное

по мастерству исполнения первозданное изображение. В 1960-е гг. икона неоднократно экспонировалась на выставках в Москве. Она принадлежала Марии Розановой, жене известного писателя-диссидента Андрея Синявского. В 1973 г. супруги эмигрировали во Францию и на законном основании увезли с собой икону, а в 1986 г. продали ее Британскому музею.

Вместе с тем основной массив новых поступлений в музейное собрание был связан не с закупочной деятельностью, а с получением произведений в дар и по завещанию. Самым крупным стал посмертный дар дипломата Фрэнка Робертса, бывшего посла Великобритании в СССР: 45 живописных икон и 19 икон на металле XVII–XIX вв. преимущественно русской школы. В настоящее время коллекция русских икон включает 74 произведения и считается самой крупной и представительной среди общественных собраний Великобритании. Ее ценность обусловлена не только отдельными произведениями, но и тем, что в ней отражены все периоды русской иконописи, за исключением так называемого домонгольского периода. Все самые значимые иконы выставлены в постоянной экспозиции, а произведения, хранящиеся в запасниках, доступны широкой аудитории в подробном электронном каталоге, составленном на основе тщательного изучения отдельных икон и позволяющем представить коллекцию во всей ее полноте.

В послевоенный период в музейном мире Великобритании появились коллекции русской живописи и графики XIX–XX вв.; самая представительная из них находится в Эшмолловском музее искусства и археологии в Оксфорде. В ее основу легло собрание русского эмигранта Михаила Васильевича Брайкевича (1874–1940), страстного коллекционера и мецената, хорошо известного на

родине задолго до революционных потрясений 1917 г. Брайкевич родился в дворянской семье в Одессе, где впоследствии, получив в Санкт-Петербурге профессию инженера, он станет председателем Одесского отделения Императорского русского технического общества, вице-президентом Одесского общества изящных искусств, а в марте 1917 г. — городским головой.

Его коллекционерские пристрастия сформировало объединение «Мир искусства», выступавшее против академизма и претворявшее в жизнь лозунг «искусство для искусства». Константин Сомов, один из его основателей, стал самым любимым художником Брайкевича, который интересовался также творчеством Александра Бенуа и Леона Бакста, но при этом восхищался и работами таких живописцев-реалистов, как Исаак Левитан и Валентин Серов. В то же время творчество представителей авангардных течений не затрагивало его душу. Именно эти предпочтения лежали в основе его коллекции, которая к 1920 г., когда он эмигрировал в Великобританию, включала более 100 произведений. Коллекцию Брайкевич оставил своему родному городу, и теперь она составляет гордость Одесского художественного музея.

В Лондоне Брайкевич стал собирать новую коллекцию произведений своих любимых мирискусников, многие из которых тоже оказались в эмиграции. Им он оказывал материальную поддержку, по его заказу написаны некоторые их работы и реплики созданных в России произведений. Тесные дружеские узы связывали Брайкевича и Сомова, который с 1925 г. осел во Франции, продолжая писать сцены из жизни XVIII в., пейзажи, натюрморты и акварели, посвященные русскому балету. Именно его работы составили значительную часть второй коллекции Брайкевича. Среди них — портреты М. В. Брай-

кевича и его дочери Татьяны, автопортрет художника в зеркале, реплики известных произведений «Прогулка зимой», «Фейерверк», «Аллея в Версале».

Хотя некоторые образы сомовских картин сложились под воздействием театральных вкусов начала XX в., сам он редко работал для театра, но эта грань его творчества тоже нашла отражение в коллекции Брайкевича. В 1924 г. Сомов, находившийся тогда в Нью-Йорке, создал для балерины Т. П. Карсавиной эскизы двух костюмов, в которых она выступала в Карнеги-Холл в серии сольных танцев под названием «Симфония» на музыку из Рождественской оратории Баха. Сомов остался доволен своей работой: «Они вышли очень удачны и прелестны по цвету и материям <...>. Вначале Тамара была холодна, но потом все больше приходила в себя и танцевала все лучше». [1, с. 242]. Один из эскизов – костюм маркизы для Т. Н. Карсавиной – автор передал в коллекцию Брайкевича.

Многими театральными работами представлено и творчество А. Н. Бенуа; среди них – 9 эскизов декораций и костюмов к дягилевской антрепризе оперы «Соловей» И. Ф. Стравинского (1914), сценографией которой критики восхищались. По заказу Брайкевича художник написал реплику известного полотна «Павел I, принимающий парад у Михайловского замка». Наследие Л. С. Бакста, в равной степени наделенного талантами живописца и декоратора, включает портреты Айседоры Дункан и Андрея Белого, а также эскизы к ряду театральных постановок. Несколько особняком стоят в коллекции рисунки В. А. Серова, два из которых являются портретами известных женщин – «Портрет графини Музиной-Пушкиной в саду» (1898) и «Портрет Елены Ивановны Рерих» (1909).

Исследователи не без оснований полагают, что Брайкевич считал произведения театрально-декорацион-

ного искусства из своей коллекции менее значимыми, чем другие работы. Однако, по мнению известной исследовательницы Л. Н. Салминой-Хаскелл, «качество эскизов для оперы и балета столь высоко, что нужно признать: именно они принесли славу коллекции в целом». [11, с. 10]

Согласно последней воле М. В. Брайкевича, его собрание следовало передать в одну из известных английских галерей, предпочтительно в Галерею Тейт, «в качестве коллекции для ее постоянной экспозиции» [11, с. 11]. Иными словами, Брайкевич хотел, чтобы собранные им произведения находились не в музейных запасниках, а в постоянной экспозиции, причем как единое целое. Только так они могли служить продвижению и прославлению русского искусства, чем он занимался всю свою жизнь. Оговоренные им условия были довольно жесткими, но не экстраординарными, поскольку в музейном мире существовала и существует практика экспонирования частных коллекций в целостном виде по желанию дарителей, вложивших в них средства и душу. Галерея Тейт не сочла возможным принять условия Брайкевича, и только в 1949 г., спустя 9 лет после его смерти, 68 произведений его коллекции были приняты на постоянное хранение в Музей Эшмола. Путем небольшой, но постоянной ротации экспонатов, необходимой для светочувствительных материалов, наследие Брайкевича всегда представлено в экспозиции.

Вторая крупная коллекция русского искусства поступила в музей в 1960 г. по завещанию лондонского врача русского происхождения Татьяны Гурлянд. Живописные и графические работы предназначались «английской или французской галерее в качестве ядра для создания русской секции или же для пополнения уже существующей» [11, с. 11]. Коллекция Гурлянд великолепно дополнила коллек-

цию Брайкевича произведениями уже представленных мастеров или же новыми именами. Среди них – пейзажи К. А. Коровина «Вид Парижа ночью» и «Осенние листья», эскиз В. А. Серова «Голод», эскиз костюма Коломбины для Анны Павловой, исполненный К. А. Сомовым, рисунок Ф. А. Малявина «Девушка в цветастой шали», а также работы С. И. Чехонина, В. И. Шухаева, А. Е. Яковлева.

Третьим важным пополнением коллекции русского искусства стали замечательные рисунки Леонида Пастернака, признанного портретиста и мастера книжной иллюстрации. В 1921 г. он вместе с супругой и двумя дочерьми, Жозефиной и Лидией, уехал на лечение в Германию, а оба сына – Борис (поэт) и Александр (архитектор) – остались в Москве. Этой талантливой семье так и не суждено было воссоединиться, хотя Пастернаки никогда не отказывались от советского гражданства и собирались вернуться на родину. В 1939 г. они переехали в Оксфорд, где и провел свои последние годы Л. О. Пастернак (1862–1945). После его смерти усилия Лидии и Жозефины «были обращены на то, чтобы семья их отца стала в Англии столь же известной, как в свое время в России и Германии. Добиться заслуженного признания его творчества – это было работой десятилетий. Первая большая выставка его картин в Англии открылась в 1956 г. в Музее Эшмола в Оксфорде и имела такой успех, что ее продлили не две недели», – пишет внучка художника Н. Пастернак-Слейтер [6, С. 366]. Затем последовали выставки в ряде европейских городов, в том числе в Москве.

Эта огромная работа завершилась в 1999 г. открытием в оксфордском доме, где жил художник и продолжают жить его потомки, частного Музея Леонида Пастернака. Здесь экспонируется живописное и графическое наследие художника – около 80 работ, привезенных в

1921 г. из России в Германию, а в 1938 г. — из Германии в Великобританию. В их числе — акварели «Зимний вид Кремля» и «Арбуз», пастели «Пейзаж с мавзолеем Рахили» и «Новолуние над Химзее», рисунки «Борис и Александр в матросских костюмах» и «Альберт Эйнштейн, играющий на скрипке». В музее хранятся семейный архив художника, его переписка с близкими и родными [5, с. 270].

Часть рисунков Л. О. Пастернака его дочери передали Эшмолловскому музею в 1958 г. ; вместе с последующими дарами и покупками творческое наследие художника включает теперь 18 работ. Среди них — портреты Альберта Эйнштейна, Эдварда Грига, Райнера Рильке, сыновей художника Бориса и Александра, акварель «Желтое дерево: осенний пейзаж» и др.

Выдающаяся коллекция русского искусства, в частности русской сценографии, представлена в Музее Виктории и Альберта. Она начала формироваться с 1920 г., когда музей получил в дар от Галереи Гупиль две замечательные работы Николая Рериха. Спустя два года музей приобрел четыре эскиза костюмов Леона Бакста к балету П. И. Чайковского «Спящая красавица», который в 1921 г. С. П. Дягилев представил английской публике. В 1927 г. в жизни музея произошло важное событие: он получил щедрый дар от коллекционера и знатока русского балета В. А. Проперта — работы Н. С. Гончаровой, М. В. Ларионова и др. С этого времени началось систематическое комплектование коллекции русского рисунка [10, с. 1], которую впоследствии пополнили работы А. Н. Бенуа, И. Я. Билибина, А. А. Экстер, М. В. Добужинского и др.

Свое самое ценное приобретение музей сделал в 1961 г., когда купил большое количество рисунков Натальи Гончаровой и Михаила Ларионова непосредственно у самих художников, живших тогда в Париже. Эта покупка

не только удвоила музейную коллекцию, но и придала ей особый статус, сделав музей одним из важнейших центров изучения творчества прославленных мастеров, поскольку теперь в нем представлены все периоды и все многообразие их творческой деятельности. Основной массив их наследия связан с театральными постановками. Среди них — широкомасштабные эскизы задников для дягилевских спектаклей «Золотой петушок» и «Жар-птица» Гончаровой и «Русские сказки» Ларионова, которые интересны не только в контексте сценографии, но и как самостоятельные произведения искусства. Коллекция содержит много рабочих альбомов Гончаровой, эскизы декораций и костюмов к дягилевским постановкам «Естественные истории», «Полуночное Солнце», «Лиса», «Шут», выполненные Ларионовым. Последние годы творчества художников представлены интересными эскизами и набросками на тему повседневности, сделанными в барах, ресторанах и танцевальных залах.

В коллекции Музея Виктории и Альберта есть и произведения, созданные Гончаровой и Ларионовым в 1911–1913 гг., когда они работали в стиле лучизма, или районизма. Однако их творческие искания полнее и шире представлены в Галерее Тейт, где с той или иной степенью полноты нашли отражение основные течения русского авангарда первой трети XX в. Среди картин Н. С. Гончаровой — «Лучистская композиция» и «Три молодые женщины», написанные в почти абстрактном стиле лучизма. Ранние опыты абстрактного искусства представлены работами В. В. Кандинского «Казачки» и «Колебания», а также полотном К. С. Малевича «Динамический супрематизм». Творчество Марка Шагала, не принадлежавшего в полной мере ни к одному из художественных направлений, характеризуют в галерее семь полотен. В их числе

«Отдых поэта», где изображен сам художник на лоне природы в родном Витебске, а также «Букет с летящими возлюбленными» — причудливый сплав реальных образов и фантастических ассоциаций.

Таким образом, к концу минувшего столетия в Великобритании сложились достаточно представительные коллекции русской иконописи, живописи, графики, театрально-декорационного искусства. История их формирования — это история постепенного открытия русского искусства зарубежными зрителями, критиками и коллекционерами. Огромную роль в этом процессе сыграла русская эмиграция, которая внесла неоценимый вклад не только в сохранение и продвижение русского искусства за рубежом, но и в европейскую художественную культуру.

Список литературы

1. Боулт Д. Э. Художники русского театра, 1880–1930. Собрание Никиты и Нины Лобановых-Ростовских: Каталог-резоне. — М.: Искусство, 1994. — 421 с.
2. Вздорнов Г. И. История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век: Монография. — М.: Искусство, 1986. — 384 с.
3. Вздорнов Г. И. Частное коллекционирование икон в России // Наше наследие. — 2003. — № 65. — С. 44–53.
4. Кормак, Р. Иконы: Монография. — М.: ФАИР, 2008. — 144 с.
5. Леонидов В. В. История создания музея Леонида Пастернака в Оксфорде // Россия и современный мир. — 2014. — № 2В (83). — С. 267–270.
6. Пастернак-Слейтер Н. Пастернаки в Оксфорде // Культурное и научное наследие русской эмиграции в Великобритании (1917–1940-е гг.): Сб. ст. Международ. науч. конф. — М.: Русский путь, 2002. — С. 363–370.

7. Стюарт Дж. И. Врата тайны: Русские иконы в Лондоне // Наше наследие. – 1994. – № 31. – С. 3-13.

8. Толстой А. В. Художники русской эмиграции: Монография. – М.: Искусство XXI век, 2005. – 382 с.

9. Bobrov, Yu. A catalog of the Russian icons in the British Museum / Ed. by Entwistle, Chris. – URL: http://www.britishmuseum.org/research/publications/online_research_catalogues/russian_icons/catalogue_of_russian_icons.aspx [дата обращения: 15. 11. 2015].

10. Salmina-Haskell, L. Catalogue of Russian drawings: Victoria and Albert museum. – London: Б. и., 1972. (Oxford: University Press). – 54 p.

11. Salmina-Haskell, L. Russian paintings and drawings in the Ashmolean Museum. Oxford: Ashmolean Museum, 1989. – 112 p.

**Коллекции русского искусства
в музеях стран Балтии**

Матвеева Зоя Дмитриевна

*Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева.*

Россия, Москва

E-mail: zoya.zv@mail.ru

**Russian Art from the Museum Collections
of the Baltic Countries**

Matveeva Zoya D.

*The Russian Institute of Cultural and Natural Heritage
by named D. S. Likhachev*

Russia, Moscow

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена истории формирования коллекций русского искусства Эстонии, Латвии и Литвы в музейных собраниях этих стран. Рассматриваются работы известных мастеров и забытых художников. Большое внимание уделяется крупномасштабному выставочному проекту трех стран. Выводы такие: многие из этих произведений нуждаются в дополнительном исследовании, атрибуции или переприписании.

Ключевые слова: Страны Балтии; Эстонский художественный музей; Латвийский Национальный художественный музей; Литовский художественный музей; выставка, масштабный выставочный проект; Серебряный век; русские художественные коллекции.

ABSTRACT

The article is devoted to history of the formation of the Russian art of Estonia, Latvia and Lithuania in the museum collections of those countries. The author considers works by famous masters and nearly forgotten (unknow) painters. Much attention is given to large-scale exhibition project three countries. The following conclusions are drawn: items in collections of the Baltic Countries need complementary research, attribution or reattribution.

Key words: Baltic Countries; Art Museum of Estonia; Latvian National Museum of Art; the Lithuanian Art Museum; exhibition; large-scale exhibition project; The Silver Age; Russian Art collections.

Собрания русского искусства Эстонии, Латвии и Литвы позволяют составить некоторый обзор истории путей развития русской живописи в экспозициях музеев этих стран. Состав коллекций отражает тот факт, что формирование их проходило в основном в периоды, когда эти земли были сначала провинциями Российской империи, затем республиками СССР. Особенно интересна в этом отношении коллекция Художественного музея Эстонии, в формировании которой 1920-е гг. играют значительную роль, чего не было ни в Литве, ни в Латвии. По художественной ценности наиболее примечательна рижская коллекция. Это было связано с тем, что именно Рига на протяжении всего XIX в. и в начале XX в. была центром экономической и культурной жизни балтийских (остзейских) провинций. Сюда приезжали с выставками художники и художественные организации, и здесь уже в середине XIX в. имелись городская галерея и музей. В Вильнюсе, несмотря на многочисленные художественные выставки русского искусства, приобретений для коллекции музея совсем нет. Интерес с точки зрения изучения собственно русского искусства представляют страницы последних лет творчества русских художников, эмигрировавших в страны Балтии после 1917 г., поскольку эта часть их наследия не столь широко известна.

Эстония

Русское искусство составляет одну из наиболее значительных частей в собрании зарубежного искусства Художественного музея Эстонии, как по количеству экспонатов, так и по их художественной и исторической ценности. Сюда относятся порядка 350 живописных произведений, 120 скульптур, 870 гравюр и рисунков, а также около

200 предметов прикладного искусства, созданных в период от XVII в. до 1950-х гг. Но стоит отметить, что они не составляют единого целого, которое могло бы отражать пути развития русского искусства, а скорее демонстрируют простую историю формирования.

Традиция коллекционирования русского искусства в Эстонии не столь продолжительна. В коллекциях прибалтийских немцев произведений русских художников практически не было. Художественно ценные полотна русских художников поступали в музей как в первый период независимости Эстонии, так и в советский период по большей части из России. В 20-е гг. XX в. всего было приобретено 84 картины, значительную часть которых составляли произведения русских художников, в том числе «Портрет неизвестной» Дмитрия Левицкого, «Портрет княгини Екатерины Дашковой» неизвестного художника, «Рассказ солдата» Ильи Репина, «Мужичок с клюкой» Ивана Крамского, «Сосновый бор» Ивана Шишкина, «Портрет неизвестного» Александра Варнека, «Кавказский пейзаж» Льва Лагорио, «Поэма» Константина Коровина, «Деревенский дворик» Валентина Серова и другие.

В последующие годы коллекция пополнялась за счет передаваемых из официальных учреждений произведений, а также закупок и пожертвований. Во время Второй мировой войны архив музея был утрачен. К 1925 г., когда музей был преобразован из краеведческого в художественный, в коллекции насчитывалось более 300 картин, из них 61 – работы русских художников. В первой постоянной экспозиции музея (1927–1929) было представлено 37 картин 23 мастеров русской школы: Дмитрия Левицкого, Владимира Боровиковского, Сильвестра Щедрина, Александра Орловского, Ореста Кипренского, Алексея Боголюбова, Алексея Саврасова, Михаила Клодта, Петра

Верецагина, Ивана Крамского, Константина Маковского, Владимира Орловского, Алексея Харламова, Ильи Репина, Петра Суходольского, Иосифа Крачковского, Степана Бакаловича, Константина Крыжицкого. Большое количество произведений искусства поступило в коллекцию во время войны от частных коллекционеров в качестве даров.

После войны музей вновь открылся в зданиях Кадриоргского дворца. В 1940–1950-х гг. в художественный музей были переданы картины из собрания Эстонского Национального музея в Тарту, который был реорганизован в Этнографический музей. Среди них было несколько произведений русской школы.

В Художественном музее Эстонии в формировании коллекции русского искусства важную роль сыграли поступления первого послевоенного десятилетия из центральных учреждений Советского Союза.

В последовавшие десятилетия собрание русского искусства музея пополнялось за счет немногочисленных закупок и даров. Отдельную группу составляет коллекция русских икон, поступивших в музей в 1960–1980-х гг. либо из частных собраний (по большей части от Николая Кормашова), либо от Таможенного управления или Финансового отдела городской управы Таллинна (конфискованные иконы), либо от Министерства культуры (иконы, изъятые из пустовавших и разрушавшихся храмов).

Сейчас часть коллекции русского искусства можно увидеть на постоянной экспозиции в Кадриоргском художественном музее.

Также русское искусство показано в открытой в 1991 г. художественной галерее Нарвского музея. На экспозиции представлены художественные коллекции действовавшего в XIX в. нарвского археологического общества, а также собрание нарвского купца Сергея Лавре-

цова и его жены Глафиры. В первом собрании наибольший интерес представляет галерея портретов горожан XVII—XVIII вв., а во втором преобладает русское академическое искусство конца XIX и XX вв. (в том числе Иван Айвазовский, Александр Маковский, Николай Дубовский, Иван Шишкин и Карл Вени).

Латвия

Самое большое в Балтии собрание произведений русской живописи, графики, скульптуры и прикладного искусства находится в Латвийском Национальном художественном музее (ЛНХМ). В его состав с 2011 г. входит Художественный музей «Ригас Биржа», собрание которого составляет зарубежное искусство.

История формирования коллекции начинается со второй половины XIX в. В это время в Риге существовали два собрания произведений искусства, которые были открыты для публики: Рижская городская картинная галерея и коллекция Общества поощрения художеств, где наряду с произведениями художников других стран находились и картины русских мастеров. Но пути комплектования коллекций рижских собраний были разные.

В XIX в. территория Латвии входила в состав Российской империи, поэтому историко-политическая ситуация нередко определяла и факторы художественной жизни. В 1884 г. петербургская Императорская Академия художеств отправила в Рижскую городскую картинную галерею, как и в другие провинциальные собрания Российской империи, произведения из своей коллекции, в их числе пейзажи знаменитого мариниста Ивана Айвазовского («Закат солнца на море» и «Вид на Золотой Рог. Константинополь») и другие работы русских авторов.

Еще до официального открытия музея несколько известнейших русских живописцев (И. Айвазовский, А. Боголюбов) передали в дар городу Риге свои работы. С этого времени собрание русской живописи непрерывно пополнялось.

В сентябре 1905 г. в культурной жизни Риги и всего Балтийского региона произошло важнейшее событие: для публики открылся Рижский городской художественный музей.

С 1919 г., после того как Латвия стала независимым государством, началось активное формирование коллекции национального латышского искусства. Однако пополнялась и коллекция русского искусства — с выставок закупались работы русских живописцев и графиков: Сергея Виноградова, Николая Богданова-Бельского, Константина Богаевского и других. В то же время расширялась и другая коллекция — Государственного художественного музея. После 1945 г. оба музея были переименованы и их коллекции разделены. Все произведения русских художников перешли в Рижский городской художественный музей, который стал называться Государственным музеем русского и латышского искусства. В 1940–1960 гг. по идеологическим соображениям акцент в работе музея ставился на создании полноценной коллекции русского и советского искусства. В этот период сформировалась основная часть настоящей коллекции русской живописи. А в 1962 г. был издан первый каталог отдела русского дореволюционного искусства (живопись, скульптура, графика), экспонированного в залах музея.

В музей передавались работы из закупочных комиссий Ленинграда и Москвы, и надо отметить, что вместе с малохудожественными работами нередко поступали истинные шедевры — «Пейзаж с радугой» Алексея Савра-

сова, «На террасе» Константина Коровина, «Русские крестьянки» Филиппа Малявина, «Портрет Е. Сабашниковой» Василия Сурикова, картины Бориса Кустодиева, Василия Перова, Ильи Репина, Кузьмы Петрова-Водкина и других.

В 1970-е гг. формироваться коллекция русской иконы, которая сейчас насчитывает более 100 иконописных произведений XVI – начала XX в.

Специфика собрания русского искусства Латвийского Национального художественного музея заключается в ее разнообразии и отсутствии четкой концепции в формировании. Исторически сложилось так, что его ядро составляют произведения реалистической живописи XIX – начала XX в. Важную часть коллекции также представляют этюды, варианты, эскизы к хрестоматийным полотнам русских мастеров, таким как «Боярыня Морозова» Василия Сурикова, «Неутешное горе», «Христос в пустыне» Ивана Крамского и «Парижское кафе» Ильи Репина. В собрании находятся работы таких мастеров начала XX в., как Надежда Удадьцова, Александр Бенуа, Зинаида Серебрякова, Юрий Анненков, дополняющие представление об их творчестве периода эмиграции.

Литва

Собрание живописи Художественного музея Литвы насчитывает порядка 300 полотен известных русских художников, в творчестве которых отражены многие направления русского искусства. Эти произведения поступили в музей в разные времена и при разных обстоятельствах.

Часть картин попала в Литву уже в XIX в. После третьего раздела Польско-Литовского государства Литва вошла в состав Российской империи, Виленский (Вильнюс-

ский) университет был закрыт, и петербургская Императорская Академия художеств стала главным учебным заведением, где завершали свое образование студенты художественного отделения Виленского университета.

Картины русских живописцев были и в собраниях литовских дворянских имений, хотя и нечасто. Излюбленными жанрами среди местных ценителей искусства были пейзажи, прежде всего Ивана Айвазовского, Архипа Куинджи. По политическим причинам литовские дворяне не испытывали к русскому искусству особого интереса, его предпочитали поселившиеся в XIX в. в Литве русские купцы и чиновники высокого ранга. Чиновники царской России были заинтересованы в распространении русской культуры на территории бывшего Литовского княжества (т. н. Северо-Запад).

При активном участии русских художников Литвы в 1873 г. в Вильно была устроена первая выставка передвижников. В 1876 г. на Виленской художественной выставке свои работы показывал Василий Верещагин, приславший сюда 17 пейзажей (4 из них были проданы после выставки).

Тенденции модернизма и символизма, связанные с художниками круга «Мира искусства», были представлены зрителям в 1907 г. на выставке «Виды Вильны» — это городские пейзажи выдающегося мастера, литовца по происхождению Мстислава Добужинского.

В первые десятилетия XX в. виленская публика имела возможность познакомиться и с русским авангардным искусством. В Вильно из Петербурга была привезена выставка «Импрессионисты — треугольник», состоялась выставка Алексея Явленского и Марианны Веревкиной, русских художников мюнхенской группы экспрессионистов «Синий всадник».

В собрание Художественного музея Литвы произведения русских художников поступали как из публичных коллекций Вильнюса, так и от частных лиц.

В 1946-1960 гг. многие работы поступили в Художественный музей Литвы из Москвы и Ленинграда: от Дирекции художественных выставок или от закупочных комиссий Москвы и Ленинграда. Они составляют большую часть собрания русской живописи музея, в которой представлено творчество наиболее известных мастеров: Василия Тропинина, Алексея Боголюбова, пейзажи Льва Лагорио, женские портреты Ивана Макарова и Константина Маковского.

В коллекции музея имеется несколько произведений наиболее известных членов Товарищества передвижников. Портретами представлено творчество Василия Перова, Алексея Корзухина, Николая Ярошенко, Ильи Репина; так же представлены работы Василия Сурикова и пейзажи Алексея Саврасова.

Представление о символизме конца XIX – начала XX вв. передают произведения художников объединения «Мир искусства» Анны Остроумовой-Лебедевой и Бориса Кустодиева из собрания музея. Со свободной, сочной, близкой импрессионизму живописью мастеров Союза русских художников можно познакомиться благодаря работам Константина Коровина, Константина Юона, Аркадия Рылова, Сергея Виноградова и других. Есть также картины Петра Кончаловского, Павла Кузнецова, Кузьмы Петрова-Водкина.

Здесь нужно сказать, что в последние годы в Европе заметен повышенный интерес к русскому искусству. Хорошим примером тому служит выставка «Передвижники – новаторы русской живописи», проходившая осенью 2011 г. в Национальном музее в Стокгольме и вызвав-

шая большой восторг у посетителей. Ее готовили 2 года, и она включала в себя около 100 работ, хорошо знакомых практически каждому россиянину по многочисленным хрестоматийным репродукциям. Картины были взяты из двух собраний – Третьяковской галереи в Москве и Русского музея в Санкт-Петербурге.

Весной 2012 г. в Таллинне прошла масштабная выставка русского искусства середины XIX – начала XX вв. «Неизвестные шедевры. Русское искусство из собраний стран Балтии» из музеев Эстонии, Латвии и Литвы. Экспозиция (в основном живопись, графика, скульптура) располагалась на выставочных площадках Художественного музея КИМУ и Кадриоргского художественного музея – филиалов Художественного музея Эстонии. Участники этого интересного проекта – Художественный музей Эстонии (инициатор проекта), Латвийский Национальный художественный музей, Художественный музей Литвы, Литовский музей театра, музыки и кино, Национальный художественный музей им. М. К. Чюрлёниса, Нарвский музей и Тартуский художественный музей.

Выставка проводилась в рамках международного проекта, который по инициативе Музея искусств Эстонии и Латвийского национального художественного музея проходил в трех странах Балтии – в Эстонии, Латвии, и Литве.

Выставка русского искусства в Таллинне была для одних посетителей открытием и первым знакомством с творчеством русских реалистов и академистов второй половины XIX в., а также художников Серебряного века, для других же – радостной встречей с неизвестными работами хорошо знакомых мастеров. Выставку сопровождал цикл лекций Субботних академий для всех интересующихся искусством и культурой. Также к ней был опубли-

кован энциклопедический словник-каталог на трех языках (эстонском, русском, английском), в который вошли биографии всех представленных на выставке художников и аннотации к их работам, а также краткие обзорные статьи об основных понятиях и явлениях художественной жизни, направлениях искусства и художественных объединениях этого периода. В своих вступительных статьях к каталогу эстонские и литовские музейщики рассказывают об истории формирования коллекций русского искусства в музеях этих стран.

Продолжением совместного выставочного проекта стала выставка «Серебряный век. Русское искусство из стран Балтии», которая была открыта 2 ноября 2012 г. в новом филиале Латвийского Национального художественного музея – Музее «Ригас Биржа». Это несколько измененная часть выставки, которая была показана в Таллинне, дополненная графическими произведениями из латвийского собрания. Выставку дополняли лекции, беседы, концерты, поэтические вечера, призванные обогатить представление о русском искусстве.

После Латвии выставку перевезли в Литву. Так, 14 февраля 2013 г. в Вильнюсе во Дворце Радзивиллов открылась выставка «Серебряный век», также измененная, с новыми сценарными ходами в экспозициях.

Идея выставки в Таллинне исходила как из исследовательского интереса, так и из необходимости нового осмысления и оценки коллекции русского искусства в Кадриоргском художественном музее в связи с готовящимся научным описанием и каталогизацией собрания. В целом, коллекция Художественного музея Эстонии весьма неоднородна и не позволяла составить связное представление путей развития русского искусства, поэтому для достижения этой цели сотрудничество с музе-

ями Латвии и Литвы оказалось наиболее перспективным и обоснованным, так как история собраний этих музеев имеет много общего. Такую масштабную выставку вполне можно рассматривать как обзор одного из фрагментов истории коллекционирования в странах Балтии, позволяющий связать особенности формирования коллекций с влиянием исторических событий. Также ее можно рассматривать как удачную попытку популяризовать русское искусство для широкого зрителя, так как большая часть работ русских мастеров не экспонируется на постоянных площадках, а хранится в запасниках.

В состав коллекций русского искусства музеев Балтии входят работы не только известных мастеров, но и почти совсем забытых художников. Многие из этих произведений нуждаются в дополнительном исследовании, атрибуции или даже переатрибуции. И так как эта тема малоизучена, то она дает возможность для новых глубоких фундаментальных исследований и открытий в будущем.

Список литературы

В Вильнюсе открылась выставка «Серебряный век». – URL: <http://litbook.lt/2013/02/silver-age/> [дата обращения: 04. 11. 2015].

В Риге открылась выставка картин русских художников Серебряного века (Латвия) // REGNUM: Информационное агентство. – URL: <http://regnum.ru/news/1590021.html> [дата обращения: 02. 11. 2015].

В Таллинне покажут неизвестные шедевры русского искусства из собраний стран Балтии. – URL: <http://rus.postimees.ee/781486/v-tallinne-pokazhut-neizvestnye-shedevry-russkogo-iskusstva-iz-sobranij-stran-baltii> [дата обращения: 02. 11. 2015].

Зверко Н. В Вильнюсе расцвел «Серебряный век» Коровина, Рериха, Бенуа. – URL: <http://ru.delfi.lt/misc/culture/>

v-vilnyuse-rascvel-serebryanyj-vek-korovina-geriha-benua. d?id=60656421 [дата обращения: 02. 11. 2015].

Каталог отдела русского дореволюционного искусства: Живопись. Скульптура. Графика. / Сост. П. Эглит, Н. Дирик, Т. Качалова, В. Цекуле, В. Зедайн. — Рига: Изд. Гос. музея латышского и русского искусства, 1962. — [194] с. : ил.

Коллекция зарубежной живописи. Художественный музей Эстонии. — URL: <http://kunstimuuseum.ee/en/art-collections/foreign-art-collection/foreign-painting-collection/> [дата обращения: 21. 10. 2015].

Латвийский национальный художественный музей. — URL: <http://www.planetofhotels.com/latviya/riga/latviyskiy-nacionalnyu-hudozhestvennyu-muzeu> [дата обращения: 02. 11. 2015].

Малнач А. Серебряный век без глянца // Бизнес класс. — 2013. — №11 (106). — URL: <http://www.russkije.lv/ru/pub/read/malnach-silver-century/> [дата обращения: 02. 11. 2015].

Нарвский замок. Галерея. — URL: <http://narvamuseum.ee/rus/galereja/> [дата обращения: 02. 11. 2015].

Неизвестные шедевры. Русское искусство из собраний стран Балтии. Tallinn Guide Club — гид по Таллинну и Эстонии. — URL: http://tallinguideclub.blogspot.ru/2012/03/blog-post_30.html [дата обращения: 10. 10. 2015].

«Неизвестные шедевры. Русское искусство из собраний стран Балтии»: новая выставка в Художественном музее. — URL: <http://rus.ett.ee/v/culture/40eeb5c4-fb5c-4d41-b8e2-11ee7d571b46> [дата обращения: 02. 11. 2015].

ПБК: «Серебряный век» русского искусства — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xVvXY54hU04> [дата обращения: 2. 11. 2015].

Русское искусство. Золотой фонд собраний музеев Балтийских стран // Третьяковская галерея. — 2012. — №4 (37). — URL: <http://www.tg-m.ru/category/tag/russkoi-iskusstvo-stran-baltii> [дата обращения: 21. 10. 2015].

Русское искусство из собраний стран Балтии: Каталог выставки. Vene kunst Baltimaade kogudest: Vene kunst Baltimaade

kogudest = Russian art from the collections of the Baltic countries / Сост. : Тийна Абель, Александра Мурре. – Tallinn: Худож. музей Эстонии, 2012. – 263 с. ; ил., цв. ил.

У таллинцев еще есть возможность увидеть «Русское искусство из собраний стран Балтии» // Портал русской общины Эстонии [Электронный ресурс]. – URL: [http://www. baltija. eu/news/read/26022](http://www.baltija.eu/news/read/26022) [дата обращения: 02. 11. 2015].

Ясинская Татьяна. Возвращение русской живописи, или Игра «в секретики» // Русский век: Портал для российских соотечественников [Электронный ресурс]. – URL: [http://www. ruvek. ru/?module=articlesp&action=view&id=7833](http://www.ruvek.ru/?module=articlesp&action=view&id=7833) [дата обращения: 22. 10. 2015].

**Образовательная деятельность
потомков Л. Н. Толстого
за рубежом**

Гриценко Евгения Петровна

*Государственный мемориальный и природный заповедник
«Музей-усадьба Л. Н. Толстого "Ясная Поляна"»
Россия, Ясная Поляна
E-mail: gep@tgk.tolstoy.ru*

**The educational activities of the
descendants of L. N. Tolstoy
abroad**

Gritsenko Evgeniia P.

*The State Memorial and Natural Preserve Museum-estate
of Leo Tolstoy "Yasnaya Polyana"
Russia, Yasnaya Polyana*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена образовательной деятельности потомков великого русского писателя Л. Н. Толстого в условиях эмиграции. Рассматриваются формы просвещения Толстых за рубежом: организация лекториев, конференций, концертных программ, музейных, учебных заведений. В современных условиях реализуют свою образовательную деятельность общественные организации «Толстовский Фонд» в США и «Общество друзей Л. Н. Толстого» во Франции.

Ключевые слова: образовательная деятельность; потомки писателя; Л. Н. Толстой; «Толстовский Фонд» в США; «Общество друзей Л. Н. Толстого» во Франции.

ABSTRACT

The article is devoted to the educational activity of the descendants of the great Russian writer L. Tolstoy in emigration. The Tolstoy's forms of educational activity are considered in the article. These forms are management of lectures, conferences, concerts and founding museum and educational institutions. Nowadays the public organizations «Tolstoy Foundation» in USA and «The Society of friends of L. Tolstoy» in France implement their educational activity.

Key words: educational activity; writer's descendants; Leo Tolstoy; Tolstoy Foundation; the Society of friends of L. Tolstoy.

Социокультурная деятельность Л. Н. Толстого и его семьи в России в середине XIX – начале XX вв., проявившаяся в устройстве школ, библиотек, чтений, лекций, концертов, издании книг для простых людей, в 1920-е гг. получила свое развитие за рубежом в образовательной деятельности потомков писателя. В условиях эмиграции их деятельность приобретала новые формы, реализуясь через разнообразные формы просвещения: организацию лекториев, концертных программ, музейных и учебных заведений.

Весной 1925 г. старшую дочь писателя командировали за границу для чтения лекций о Л. Н. Толстом, что стало одним из ведущих направлений ее социокультурной деятельности в этот период. Помимо лекционной деятельности на протяжении ряда лет она вместе с А. И. Куприным, К. Д. Бальмонтом, А. М. Ремизовым и другими представителями русской эмиграции принимала участие в вечерах памяти своего отца, устраиваемых в Сорбонне Комитетом помощи русским писателям и ученым.

Важной составляющей образовательной деятельности Т. Л. Толстой явилось открытие в 1929 г. в Париже Академии для русских художников, просуществовавшей около полутора лет. Художественную школу она устроила на Монпарнасе в бывшей мастерской Королюса Дюрана, модного в 1870–1880-е гг. светского живописца. В деятельности Академии принимали участие многие художники-эмигранты: Н. Д. Милиоти, М. В. Добужинский, К. А. Коровин, И. Я. Билибин, Б. Д. Григорьев, К. А. Сомов, А. Н. Бенуа, которые были тесно связаны с театральным искусством. Сама Т. Л. Толстая в числе причин, повлиявших на открытие школы, называла свою любовь к живописи, желание заработать себе на жизнь и помочь своим соотече-

ственникам, которые так же, как и она, оказались в тяжелом экономическом положении. Одной из главных своих задач старшая дочь писателя определила вести просветительскую деятельность среди французов. В связи с этим помимо учебных лекций в школе устраивались и публичные.

Являясь организатором учебного заведения, Толстая там часто выступала с лекциями по искусству. В отношении к делу у нее просматривались гуманистические подходы, которыми руководствовался ее отец. В числе учащихся школы были и такие, кто не мог платить за обучение, и тогда с ними занимались бесплатно. Для того чтобы сохранить свое учреждение, она старалась вложить в него свои последние средства: так, получив в июле 1930 г. гонорар за перевод дневников С. А. Толстой, полностью потратила его на свою школу живописи.

В качестве еще одного направления образовательно-просветительской деятельности Татьяны Львовны за рубежом стала организация в Риме у нее в квартире музея, посвященного А. Н. Толстому, который она целиком создала на свои средства. Основу музейного собрания составляли книги, журналы, газетные вырезки, касающиеся жизни и творчества писателя, его подлинные рукописи, письма, многочисленные издания его произведений. Среди экспонатов, хранящихся в домашнем музее, находились фотографии и портреты Толстого, его родных и друзей; пластинки с его голосом, его личные вещи. Благодаря стараниям Т. А. Толстой музей уцелел даже при фашистской диктатуре Муссолини.

Многие годы в доме Татьяны Львовны собиралась интеллектуальная и артистическая элита страны: художники, музыканты, писатели, а также многочисленные

представители русской эмиграции, с которыми ее связывала долгая дружба. По определению поэта В. Иванова, «квартира в центре Рима» превращалась для выходцев из России «в уголок русской деревни» [2, с. 48.]. Посещали этот музей и известные иностранные деятели культуры, искусства и политики. Среди них были президент Чехословацкой республики Т. Г. Массарик, посол России во Франции В. А. Маклаков, французский писатель Р. Роллан, индийский поэт и философ Рабиндранат Тагор, лидер индийского национально-освободительного движения М. Ганди. Впоследствии по завещанию Толстой музей был передан Институту славяноведения в Париже, в ведение известного слависта Андре Мазона. Музей, организованный Т. А. Толстой, становился своеобразным культурно-образовательным центром, который сохранял и пропагандировал духовные идеалы ее отца за рубежом.

Длительное время старшая дочь писателя являлась активным членом-корреспондентом Русского культурно-исторического музея, организованного в 1935 г. в Праге В. Ф. Булгаковым, секретарем писателя. «Универсальное» музейное учреждение ставило своей целью собрать и сохранить информацию о деятельности русской эмиграции, а также о прошлом российской истории и культуры [4, с. 27]. Участие Т. А. Толстой в деятельности этого объединения вносило свою лепту в сохранение просветительских традиций семьи за границей.

Находясь вдали от Родины, не оставила образовательную деятельность и младшая дочь писателя А. Л. Толстая. Около двух лет она провела в Японии, выступая с лекциями о своем отце, о его философских взглядах. В 1920-е гг. там наблюдался живой интерес к литературному и философскому наследию писателя. По ее иници-

ативе в эти годы под Токио были созданы курсы русского языка, в работе которых она приняла деятельное участие. Оказавшись в 1931 г. в Америке, где ей пришлось прожить более сорока лет, она по-прежнему уделяла большое внимание лекционной работе, выступая с сообщениями о Льве Николаевиче в университетах и в различных обществах.

Наряду с этим другой формой образовательно-просветительной деятельности А. Л. Толстой за рубежом, как и для ее сестры Татьяны Львовны, становились вечера и концерты, устраиваемые для американской и русской публики. Например, 13 декабря 1935 г. Александра Толстая в Нью-Йорке организовала вечер памяти, который был приурочен к 25-летию смерти писателя. Являясь почетным председателем этого мероприятия, она сама выступила на этом вечере со словом об отце. В числе музыкальных произведений, включенных ею в концерт, значились те, что особенно любил Толстой — сонаты Бетховена, *Andante* Чайковского, вариации Аренского. Кроме того, в эту программу вошли художественное чтение из романа «Война и мир» и сцены из пьес «Власть тьмы» и «Плоды просвещения».

Становится очевидным, что просветительная деятельность А. Л. Толстой в эмиграции, как и ее близких, отличалась оригинальностью. Творчески относясь к заветам своего отца, она использовала в работе богатый арсенал разнообразных средств, что делало возможным сохранить русскую культуру за рубежом.

Гуманистические идеи своего отца младшая дочь писателя старалась воплотить в деятельности общественной благотворительной организации Толстовский Фонд, президентом которого она являлась с момента его основа-

ния в 1939 г. Помимо своей главной задачи — помощи русским беженцам, оказавшимся за рубежом, Фонд ставил целью сохранение и распространение отечественной культуры, поддержку российских литераторов и ученых. Став его руководителем, А. Л. Толстая долгие годы продолжала читать лекции в университетах и различных обществах. Средства от ее выступлений шли на счет возглавляемой ею благотворительной организации. В 1962 г. в колледже Уильяма Хобарта за активную просветительскую деятельность она получила степень доктора философии.

В Америке дочь писателя пользовалась большой известностью как лектор и не прекращала лекционную деятельность и в старости. Так, например, в 1964 г., когда ей исполнилось уже 80 лет, только за один месяц она прочитала 8 лекций. Большой популярностью у русской и американской публики пользовалась ее лекция «Толстой и современность». Обращение к данной проблеме, по ее собственному определению, объяснялось появлением огромного интереса у американцев к творчеству и мировоззрению писателя. Именно поэтому уже в середине 1960-х гг. младшая дочь Льва Николаевича на своей толстовской ферме, где расположился Фонд, устроила библиотеку, насчитывавшую более 20 тыс. книг, большинство из которых были на русском языке. Кроме того, на базе этого книжного фонда образовалось 8 небольших библиотек, действующих в различных регионах страны. В результате наши соотечественники и коренные жители получили доступ к информации о России, ее культуре и истории.

Постоянно заботясь о появлении культурных учреждений, в 1974 г. на полученном в дар участке земли в Рокленд-Каунти, неподалеку от Нью-Йорка, Фонд устроил современную, хорошо оборудованную библиотеку, в которой

основную часть составили издания на русском языке. В ней постоянно проходят конференции и концерты, посвященные русской истории и культуре. В Рид Фарм в 1970-е гг. Толстовский Фонд открыл курсы по русскому языку и литературе для русской и американской молодежи.

Не отходили для дочери писателя на второй план и вопросы, касающиеся воспитания подрастающего поколения. Являясь долгие годы президентом общественной благотворительной организации, она постоянно устраивала для детей наших соотечественников костюмированные представления, подобные тем, что организовывались в Ясной Поляне. Такие мероприятия давали выходцам из России ощущение тесной связи с отечественной культурой, знакомили их с обычаями семьи Толстых.

Вынужденная эмиграция не могла навсегда отдалить А. Л. Толстую от Родины, о чем свидетельствует ее переписка с яснополянскими школьниками. В частности, в одном из ее писем присутствовали и такие слова: «Как я счастлива, что работа, начатая мной, продолжается» [1, с. 48]. Интерес к деятельности образовательного учреждения в Ясной Поляне сохранялся у нее даже в последний год ее жизни. Так, в июне 1978 г. она не забыла поздравить школу с ее полувековым юбилеем. В свою очередь, помнят до сих пор о ней и в самой школе. В июле 1994 г. к 110-й годовщине со дня рождения А. Л. Толстой и к пятнадцатой годовщине со дня образования школьного литературного кружка учащиеся подготовили экспозицию, посвященную ее жизни.

Духовные заветы семьи писателя и своего первого президента Толстовский Фонд продолжает и сегодня. Ежегодно для детей и родителей наших соотечественников, приезжающих для отдыха в его лагерь, организовывается обширная просветительская программа. Особое

предпочтение в образовательном процессе уделяется пропаганде русской культуры и особенно русского языка. В связи с этим учебная программа включает уроки по родному языку и закон Божий, а во внеурочное время общение ведется только по-русски. Помимо этого детям из России показывают фильмы исторического содержания о прошлом их страны. В результате они не чувствуют себя оторванными от привычной обстановки и даже имеют возможность пополнить свои знания о русской культуре.

На протяжении ряда лет Толстовский Фонд успешно осуществляет и специальные образовательные программы по учебному обмену, в которых принимают участие подростки из российских городов от 10 до 16 лет. Учебный курс этих программ разработан самим Толстовским Фондом, и поэтому ему дано имя его первой руководительницы, который известен как институт А. Л. Толстой. В качестве главных целей в работе с детьми из России ставится: совершенствование их знаний по английскому языку, знакомство с традициями Америки, развитие у них практических навыков жизни за рубежом, формирование творческих способностей, укрепление дружеских связей с молодежью русской диаспоры.

В своей образовательной и воспитательной деятельности организаторы этой программы стараются придерживаться тех же принципов, которые использовала младшая дочь писателя в работе с детьми. Осенью 2000 г. в Толстовском Фонде гостили 18 подростков из деревни Ясная Поляна, Крапивна, Никольское-Вяземское, Пирогово и яснополянского детского дома. В основном это были подростки из малоимущих семей. В числе ведущих предметов, вошедших в учебную программу, были русский и английский языки, а также уроки по прикладным наукам.

Особый акцент в своей образовательной работе Толстовский Фонд придает эстетическому воспитанию своих подопечных, что, вероятно, свидетельствует о его намерении следовать гуманистическим традициям в деле просвещения А. Л. Толстой, стремившейся всегда к развитию духовных и интеллектуальных потребностей человека. В связи с этим важное место в просветительской работе Фонда занимает организация поездок и экскурсий российских детей по культурно-историческим местам Америки. За время своего отдыха они посещают Нью-Йорк, Нью-Порт, Вашингтон, штат Род-Айленд и другие крупнейшие центры страны. Организаторы этих культурных мероприятий особое значение придают посещению музеев, выставок.

Следуя традициям яснополянской школы Толстого 1860-х гг. и опытной станции, возглавлявшейся младшей дочерью писателя в 1920-е гг., Фонд старается уделять большое внимание личному общению со своими воспитанниками, создавая теплые, доверительные отношения с ними. Это находит свое проявление в организации совместных дел, как, например, сбор яблок в саду Фонда или устройство общих праздников. Так, День благодарения дети из России отмечают в американских семьях.

Толстовский Фонд стремится поддерживать крепкие связи с яснополянской школой и в современных условиях. В рамках проекта по обмену Фондом в 1999 г. была учреждена стипендия в \$2000, которая предназначалась для учащихся в качестве награды за их успехи в учебе и общественной жизни. В апреле 2000 г. представители Фонда оказали материальное содействие школе в покупке 3 компьютеров. По просьбе членов литературного кружка, собирающего материал об А. Л. Толстой, Толстовский Фонд

неоднократно присылал для школьной экспозиции различные издания на русском и английском языке о жизни младшей дочери писателя и о самом Фонде. О дружеских связях между школьным коллективом и благотворительной организацией свидетельствуют частые приезды ее руководителей в школу, во время которых обсуждаются совместные образовательные планы. Информация, связанная с поездками яснополянских ребят в Америку и совместными с Фондом образовательными проектами, размещается в школьной родительской газете и журнале «Меркурий», издаваемом учащимися.

Важным направлением деятельности Фонда является осуществление гуманистического проекта, ставящего главной целью оказание помощи сиротам из России. Куррируемый правительством США и финансируемый Agency for International Development, он призван создать нормальные условия жизни для детей, оставшихся без родителей, поместив их в детские дома. В последние годы Толстовский Фонд разработал специальные программы для выпускников детских домов, включающие оказание им поддержки, после того как они вступают в самостоятельную жизнь. Его практическая помощь молодым людям после выхода из интерната состоит в предоставлении им возможности трудоустройства, обращении в случае необходимости в консультационные центры к психологам и в содействии их будущему обучению.

Тесные связи поддерживает Толстовский Фонд со многими российскими городами. В сентябре 2000 г. он заключил договор о сотрудничестве с комитетом по социальной защите населения Воронежской области и с местной частной благотворительной организацией «Взрослый детский дом». С января 2000 г., согласно заключенному

договору, в Воронеже учрежден первый консультационный центр, которому оказывает содействие Толстовский Фонд, пришедший на выручку к 5 тыс. выпускникам, обеспечив им как консультации, так и реальную помощь в поиске жилья и работы.

Кроме того, этот центр разрабатывает специальные образовательные программы и семинары, направленные на развитие навыков самостоятельной жизни, которые часто отсутствуют у молодых людей, особенно у тех, кто вырос в детских домах. Возможно, в этих подходах проявляется один из главных толстовских принципов связи образования с жизнью. Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что и сегодня в образовательной деятельности Толстовский Фонд продолжает следовать идеям, которыми руководствовался писатель.

Интерес к проблемам образования проявляла и внучка Толстого Т. М. Альбертини. Свидетельством этому являются ее выступления в 1978 г. на конференциях, посвященных 150-летию писателя, проходивших в Венеции и Париже, где она прочитала доклад «Толстой и детство». Особое внимание в нем уделялось гуманистическим принципам образования, которых придерживался ее отец в своей работе с детьми. Приехав в июне 1979 г. в Ясную Поляну, Татьяна Михайловна побывала и в школе. Долгие годы ее связывала дружба с организаторами школьного музея. В своих письмах к ним она постоянно интересовалась проблемами школы, сообщала им о жизни своей семьи. В июне 1994 г. ученик яснополянской школы находился в гостях у внучки писателя. Сейчас в школьном музее оформлена небольшая выставка, посвященная Т. М. Альбертини.

Верность образовательным идеям А. Н. Толстого сохранял и его внук С. М. Толстой, который в раннем детстве

эмигрировал с родителями за границу: сначала в Марокко, а затем во Францию. Уже в молодости он начал испытывать духовное тяготение к своей Родине и мечтал вернуться в Россию. Много сил внук писателя отдавал литературной работе, став автором мемуаров, связанных с жизнью своей семьи. К 1978 г. он закончил книгу, над которой трудился несколько лет — очерки по истории рода, названной им «Толстой и Толстые». В 1980 г. она вышла в издательстве «Эрманн» и была удостоена премии Французской Академии. Вторая его книга «Дети Толстого» посвящалась его родным, которых он знал лично. Непростые судьбы Толстых как в эмиграции, так и в России — основная тема этой книги.

Занятия литературой являлись для него не только увлечением, которое помогало ему реализовывать свои художественные способности, но, что особенно важно, они давали ему возможность привлекать внимание русской эмиграции и общественности Франции к творчеству и философскому наследию Толстого, к культурно-историческим традициям семьи, к русской культуре в целом. Таким образом, литературное наследие Сергея Михайловича следует рассматривать как одно из проявлений его многогранной образовательно-просветительской деятельности.

В 1978 г. во Франции С. М. Толстой создал ассоциацию «Друзья Л. Н. Толстого», почетным председателем которой является бывший президент Франции Валери Жискар д'Эстен. Внук писателя был идейным вдохновителем общества и до своей кончины в 1996 г. являлся его бессменным президентом. Одной из главных целей общества ставилось сохранение лучших традиций русской культуры среди соотечественников, живущих во Франции, в связи с

чем огромное значение общество придавало деятельности, связанной с пропагандой литературного творчества и мировоззрения А. Н. Толстого во Франции.

С. М. Толстой на протяжении всей своей жизни оставался активным популяризатором и пропагандистом философского наследия своего великого предка, последователем его мировоззрения в жизни. Потомок писателя являлся участником многочисленных международных конференций в защиту мира, за разоружение. Высоко оценивая нравственные принципы философии Толстого, его внук выступал против насилия, ненависти, убийств, призывал общество к миру и взаимопониманию [3]. Часто бывая в последние годы своей жизни на яснополянской земле, он с радостью воспринял известие о создании яснополянского фонда Согласия, ставившего одной из главных задач организацию школы Толстого — учебного заведения нового типа, которое будет руководствоваться его педагогическими принципами.

Сейчас обществом руководит жена Сергея Михайловича, Колеет Толстая, которая продолжает вести неутомимую работу среди наших соотечественников и французов. Добровольная ассоциация друзей писателя включает в свои ряды не только эмигрантов, приехавших из России, и французов, интересующихся русской культурой, но, прежде всего, крупных специалистов в области русского языка, историков, литераторов, критиков, актеров и других специалистов в области культуры и искусства.

Важным направлением в деятельности просветительской ассоциации является объединение всех специалистов для участия в культурных мероприятиях, посвященных жизни, творчеству и духовному наследию Толстого. Впервые крупная международная конференция

прошла в 1978 г. в парижском Гран Пале. С этого времени толстовским обществом совместно с Институтом славянских исследований в Париже традиционно проводятся научные собрания, симпозиумы, конференции, в которых принимают участие крупнейшие ученые, философы, литературоведы Франции и России. На них рассматриваются многочисленные аспекты творчества и мировоззрения писателя. Темы выступлений разнообразны и свидетельствуют о живом интересе французского общества к русской культуре. Вот лишь некоторые из них: «Толстой – философ и религиозный деятель», «Вокруг Оптиной Пустыни», «Наследники Толстого в русской литературе», «Толстой и Ганди», «Толстой и театр», «Особенности языка в романе “Война и мир”», «Толстой и права человека», «Толстой и христианство», «Толстой и непротивление».

Ежегодным итогом научных конференций становится выпуск журнала «Тетради Льва Толстого», в каждом номере которого разрабатывается определенная проблематика творчества писателя в контексте его взаимосвязи с литературой, философией, искусством и культурой нашего времени. На заседаниях, проводимых обществом, устраиваются театрализованные чтения, просмотры фильмов по толстовским произведениям, звучит музыка, любимая в семье Толстых, затрагиваются вопросы уклада их жизни в Ясной Поляне. Нередко перед членами ассоциации выступают постановщики фильмов и современные литераторы из России и Франции, которые рассказывают о своем отношении к творчеству Л. Н. Толстого. Общество поддерживает тесные контакты с Россией. Его членам предоставляется возможность посещать места, связанные с жизнью писателя. Примечательным является и тот факт, что сегодня французов в обществе значительно

больше, чем представителей русской диаспоры. Благодаря большой образовательно-просветительской работе, проводимой обществом, русская эмиграция не прерывает связи с русской культурой и бережно ее сохраняет в условиях полного отрыва от родной почвы. В результате формируется особая среда для наших соотечественников, живущих долгие годы за рубежом, а лучшие традиции русской культуры через деятельность ассоциации проникают и в жизнь французского общества.

«Общество друзей Толстого» в своей деятельности продолжает великие традиции гуманизма, завещанные Л. Н. Толстым. Проблемы, поставленные великим гуманистом, остаются значимыми для России и для мира в целом. Незадолго до своей смерти С. М. Толстой в интервью корреспонденту ИТАР-ТАСС сказал: «Меня очень радует происходящее сейчас в России, огромный рост интереса к философскому наследию Льва Толстого, его жизни, ко всему, что связано с его именем. И это неслучайно: многие идеи писателя звучат в высшей степени актуально в современном мире, где существует насилие, наркомания, социальные пороки» [5].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что образовательная деятельность потомков писателя за рубежом отличалась многообразием. Проявившись в виде лекций, концертов, музейных учреждений, библиотек, курсов по русскому языку, она была нацелена на сохранение отечественной культуры за рубежом.

В целом деятельность толстовских общественных организаций за рубежом содействует развитию русской культуры, укреплению тесных связей с ней наших соотечественников.

Список литературы

1. Каталог выставки «Александра Толстая» / Виттакер Р., Зайцева Н. В., Калинина Н. А., Логинова М. Г, Тихонова Д. Н. – Тула: Изд. дом «Ясная Поляна», 2000. – 87 с.
2. Иванова Л. Н. Литературный портрет Т. А. Сухотиной-Толстой // Русский литературный и рецензия в XX веке. – СПб. : Санкт.-Петербург. гос. ун-т., 2002. – 151 с.
3. Калмыков И. Кончина внука Льва Толстого // Культура. – 1996. – 20 янв.
4. Русский культурно-исторический музей в Праге. – М.: Рос. ин-т культурологи, 1993. – 86 с.
5. Толстой С. М. В поисках зеленой палочки // Яснополянский вестник. – 1990. – №. 2.

**«Неизвестные наследники»:
ученики Станиславского
М. А. Успенская и В. А. Соколов —
актеры-педагоги в Голливуде**

Литаврина Марина Геннадиевна

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова,
Российский институт театрального искусства ГИТИС
Россия, Москва
E-mail: culture@hist. msu. ru*

**Unknown heirs: Stanislavsky's disciples
Maria Ouspenskaya and Vladimir Sokolov
— actors and pedagogues in Hollywood**

Litavrina Marina G.

*Moscow State Lomonossov University
Russian Institute for Theatre Art GITIS
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается опыт профессиональной деятельности в эмиграции и культурной адаптации актеров школы Станиславского Марии Успенской и Владимира Соколова, в течение значительного времени успешно работавших в театре и кино Америки и получивших признание как театральные педагоги.

Ключевые слова: Станиславский; Владимир Соколов; Мария Успенская; актерское искусство; театральная педагогика; адаптация; идентичность; Голливуд.

ABSTRACT

The paper focuses on professional activity and cultural adaptation in the USA of Stanislavsky's disciples Maria Ouspenskaya and Vladimir Sokolov who successfully maintained artistic skills and proved to be acclaimed specialists in the field of actors' training.

Key words: Stanislavsky; Vladimir Sokolov; Maria Ouspenskaya; acting; actors' training; cultural adaptation; identity; Hollywood.

Речь пойдет о театральных актерах-эмигрантах из Советской России, нашедших в зрелом возрасте (за сорок) востребованность и широкое поле деятельности в Голливуде, реализовавших себя не только как киноактеры, но и преподаватели профессионального мастерства, и выступивших как ретрансляторы русской театральной культуры. Привлечь внимание к их опыту представляется тем более

важным, что эти имена — бывшей мхатовки Марии Успенской и артиста Камерного театра А. Я. Таирова Владимира Соколова — на многие годы были вычеркнуты из истории отечественного театра и кино и абсолютно незаслуженно забыты. И все еще недостаточно восстановлены в правах в истории отечественного театра и кино XX в. Вот почему еще я назвала их «неизвестными наследниками», хотя, скажем, К. С. Станиславский по-разному, но хорошо относился к каждому из них, знал об их преподавательских способностях и приверженности его методу — и советовал быть более самостоятельными в условиях чужбины. «Там все совершенно другое» [13], — говорил он об Америке Соколову, узнав о приглашении его в Голливуд.

О недостаточном внимании у нас к этим деятелям, неизменно получавшим высокие оценки международной критики [8;17] на протяжении десятилетий, говорит и самый факт, что имена этих артистов, хотя фильмы с их участием («Мост Ватерлоо», «Великолепная семерка» и др.) шли на отечественных экранах, мало известны даже специалистам, а престижные энциклопедии и хроники культурной жизни русского зарубежья, даже недавно изданные, путают то отчества, то годы рождения этих мастеров, то вообще о них умалчивают [4]. В то же время их творчество вошло в плоть театральной и кинокультуры страны реципиента, что подтверждает упоминание их имен как нарицательных в произведениях американской литературы, кинофильмах и пьесах. Так, Мария Успенская упоминается в тексте известного романа Трумэна Капоте, а затем и культовом фильме «Завтрак у Тиффани», а Владимир Соколов — наряду со Стравинским и Ник. Набоковым — действует в пьесе Роберта Нельсона о русских композиторах и актерах в Америке “Nikolai and the Others”,

поставленной в Нью-Йорке несколько лет назад, с явным расчетом на то, что культурный американский зритель или читатель знает эти имена. Это, в свою очередь, означает: эти русские актеры добились определенного успеха и признания в зарубежной культуре.

Между тем многие актеры-соотечественники, в прошлом — члены одного творческого коллектива или даже представители одной и той же школы, воспитанные в одном творческом методе, имели в отрыве совершенно разную судьбу и карьеру. Звезды, которым поначалу в эмиграции пророчили продолжение творческого взлета и мировое признание, часто, как Мозжухин, затухали, а вот актеры, ранее незамеченные или недооцененные на родине, в зарубежье неожиданно что называется «выстреливали» и обретали второе дыхание. При этом решающее значение для самореализации в экстремальных условиях эмиграции зачастую имели не профессиональные качества, а иные свойства личности: психологическая устойчивость в неблагоприятных ситуациях, готовность к культурной адаптации, к межкультурной коммуникации, профессиональной кооперации с деятелями культуры (партнерами) страны-реципиента, равно как культурная открытость, способность усваивать новые навыки и ориентиры и не в последнюю очередь — богатый личностный потенциал (образование, владение языками, общая культура, способность к саморазвитию, потребность профессионального самосовершенствования и т. д.).

Тем большее значение имеет изучение опыта тех, кто имел успешный результат адаптации и профессионального развития, нашел свою нишу в чужой культуре и даже, что называется, сделал непредвиденную «пророками в своем отечестве» карьеру в зарубежье. И к кому

совершенно неприменимо определение актера-эмигранта как неудачника, в советские годы ставшее расхожим и обязательным клише. Изучение персональных историй двух названных русских артистов — Марии Алексеевны Успенской (1883–1949) и Владимира Александровича Соколова (1889–1962) полностью опровергает традиционное представление об отечественном актере в зарубежье как о неудачнике, утратившем родную аудиторию, перманентно находящемся в депрессии, переживающем неизбежное одиночество, культурную изоляцию и трагедию языка. Стереотип русского эмигранта — представителя богемы как претенциозного нытика, «любителя водки и женщин, надоедавшего всем окружающим рассказами о своих прошлых успехах и подмосковных вечерах» [18] можно встретить в мемуарах европейских актеров 20–30-х гг. XX в., так или иначе столкнувшихся с эмигрантами первой волны — представителями актерского цеха. Таких персонажей мы можем встретить и на страницах берлинских романов Владимира Набокова.

В данном же случае речь именно об удачниках, т. е. об успешных, состоявшихся в зарубежье, профессионально реализовавших себя, в целом сделавших карьеру и вписавшихся в чужую культуру и нисколько не утративших при этом своей национальной идентичности. Мало того, именно благодаря их деятельности в зарубежной культуре понятие «русский артист», «русская игра», «русская школа» были подняты на значительную высоту. И Владимир Соколов, бывший ученик Станиславского и артист Камерного театра, оставшийся в Германии в 1925 г. прежде всего в силу физической тяжелой травмы [13] и полностью преодолевший далее свой недуг, и Мария Успенская, беженка из первой студии Московского

Художественного театра, оставшаяся Нью-Йорке во время гастролей Художественного театра в Америке в 1924 г. после того, как не нашла себя в официальных списках распределения ролей в постановках советского МХАТ [6] – и не просто продолжали профессионально работать в зарубежье, но снялись в десятках (а Соколов – более сотни) фильмов [16], т. е. в 10 раз больше Михаила Чехова), приобретая не просто популярность у зрителя, но авторитет мастеров-профессионалов высшего класса у своих американских коллег. Конечно, это были роли второго плана, чаще всего так называемые экзотические, даже эпизоды, но именно они, сцены с участием этих немолодых характерных актеров, делали всякий фильм *художественным* и значительно очеловечивали и обогащали убогую сюжетную схему голливудского сценария. Даже выступая рядом с американскими звездами (многие из которых на деле были их учениками) или играя в пресловутой «русской клюкве» – тыловых картинах военных лет – они выгодно отличались личностной содержательностью, которую всегда выявляет камера, мастерством и артистическим обаянием. Короли эпизода, они имели здесь незыблемый авторитет. И речь отнюдь не только о русских ролях: Владимир Соколов считался виртуозом этнического портрета, сыграв за свою кинокарьеру представителей 35 национальностей [1]. Знаком профессионального признания были и неоднократные номинации и Соколова, и Успенской на Оскар (за роли второго плана), что тогда было отнюдь не рядовым явлением. Оскара они, как и Михаил Чехов, не получили, но получили награды кинокритики [11], и дело в конце 1940 – начале 1950 гг. было не только в них самих и острой конкуренции соискателей, но и в изменив

шейся политической обстановке (так называемой «охоте на ведьм» в годы маккартизма в Голливуде).

Заметим: мастерство виртуозной характерности, запоминающегося человеческого портрета в эпизоде всегда высоко ценимо кинозрителем независимо от величины роли, исполняемой артистом (вспомним любовь зрителя к Раневской, Филиппову, Богдановой-Чесноковой и др. в нашем домашнем кино). Свои платиновые героини-блондинки с идеальными зубами и ногами и клоуны-трюкачи у американцев были, а вот этих мастеров-«портретистов» явно не хватало. Американцы испытывали жгучий интерес к тому, «как же это делается» и какими профессиональными секретами на сей счет владеют русские. Как мне рассказывал в 1995 г. в Калифорнии ученик и соратник М. Чехова Георгий Жданов, Успенская наряду с мхатовцем Р. Болеславским работала в Театре-Лаборатории в Нью-Йорке, а затем преподавала в собственной студии «Метод» Станиславского, которым к тому времени заболела театральная Америка. Соколов же — к слову, начинавший как педагог еще в Европе и учивший актерскому мастерству Жана Марэ в школе Шарля Дюллена в Париже [8] — считал, что нельзя просто так насаждать в зарубежье русский Метод, т. е. систему Станиславского, а потому учил в Америке по-своему, по своей собственной методике, и при этом находил множество почитателей и учеников. Каждый в своем понимании, но и Соколов, и Успенская успешно занимались преподаванием и стали в эмиграции ведущими театральными педагогами. То есть, выполняли еще и особую миссию передачи, трансляции и распространения русского актерского опыта и исполнительских традиций. Преподавание для них — не просто культурная ниша, в которой мог укрыться актер —

носитель русского акцента. (Кстати, иностранными языками оба, выходящие из интеллигентных российских семей, учившиеся один в Московском университете на историко-филологическом факультете [7], а другая в Варшавской консерватории [6], овладели еще с юности, до поступления в театральные студии, и далее постоянно шлифовали свои языковые навыки.) Роль, сыгранная Марией Успенской в известном фильме «Мост Ватерлоо», во многом символична: она играет строгую директрису русской балетной школы, где учится героиня Вивьен Ли. Роль мадам Кировой, безусловно, второго плана, но абсолютно незабываемая благодаря прежде всего мощным личностным качествам исполнительницы. Именно личность, совокупность профессиональных и человеческих качеств завоевывали названным актерам признание, а не отдельные трюки или приемы ремесла. И наследниками они являлись не в узко профессиональном, а в главном смысле, который Станиславский вкладывал в термин «работы актера над собой» [9], т. е. в способности к самодисциплине и пожизненному тренингу в самых неблагоприятных обстоятельствах. «Работа актера над собой, — писал М. Чехов, — должна продолжаться всю его жизнь» [11; 55]. Вовсе не случай, а «работа над собой» стала решающим двигателем карьеры в зарубежье. Это означало умение сохранять и строить себя, не поддаваясь характерным для многих русских коллег оргиастического склада разрушительным депрессиям. Они демонстрировали умение быть готовыми к работе в любую минуту.

В годы «железного занавеса» театральные педагоги-эмигранты находились в зарубежье постоянно. Тамошние аборигены узнавали о русской культуре, и не только театральной, зачастую именно от них, а не от

редких советских гастролеров, чье общение с Западом было жестко ограничено и по известным причинам со- держательно урезано. В условиях современных глобаль- ных процессов и интернационализации профессиональ- ной работы в области зрелищных искусств, развития межкультурной коммуникации, международных актер- ских миграций такой опыт заслуживает самого при- стального изучения. Как и тот факт, что, работая на языке страны эмиграции (а Соколов свободно играл в актер- ской зрелости на пяти языках, начав с карьеры на немец- кой сцене и добившись общепризнанного успеха в немецкой национальной драматургической классике), т. е. профессионально существуя на иностранном языке, они нисколько не утратили своей русской идентичности и по своему языку, менталитету, образу жизни остава- лись русскими людьми. При этом они никогда не были актерами театров русской диаспоры. Доказательство — не только исполнение ими ролей в русской классике, или их собственные постановки Толстого и Достоевского на зарубежной сцене (легендой американской сцены стало то, как Соколов в роли Акима Чиликина в бродвейской постановке «Власти тьмы» Толстого (1959) ел суп [10]). Они принадлежали одновременно и культуре приняв- шей страны, и русской диаспоре. В своей повседневной жизни они оставались верны ее традициям, языку и ка- лендарю, от Рождества до Пасхи. В годы войны они, как и М. Чехов, давали концерты в пользу союзников, о чем сообщала эмигрантская газета «Новая заря» (1944) [11:2]. Часто присоединялись и к другим благотвори- тельным акциям, носившим характер русского «общего дела». В 1940-х гг., когда в Лос-Анджелесе закладывался православный храм Покрова Пресвятой Богородицы

(освящен в 1952 г.), Соколов и Успенская, отнюдь не будучи ни состоятельными, ни глубоко воцерковленными людьми, добровольно внесли весомые пожертвования на его постройку.

Представляется, что сегодня востребованным должно быть все творческое наследие подобных личностей: оно должно быть введено в современный научный оборот, исследовано и стать доступно тем современным деятелям искусства, которым практически необходимо ознакомиться с положительным опытом длительного и успешного существования в чужой культуре. Потому, казалось бы, все, что относится к наследию этих мастеров, что сохранилось на материальных носителях, ныне обязано стать предметом пристального изучения. Особенно если оно возвращено из-за рубежа и находится в отечественных хранилищах. Пока этого как системы, к сожалению, все еще нет. Сейчас подобную ситуацию сложно списать на предвзятое отношение к эмигрантам, как это было в советскую эпоху, на сознательное замалчивание их зарубежных карьер в отечественной печати по идеологическим соображениям. (Даже после того, как другой бывший мхатовец — Григорий Хмара — был награжден во Франции Орденом почетного легиона и был принят Шарлем де Голлем [18], советская пресса писала, что он эмигрант-неудачник, играющий только роли половых в трактирах и кельнеров в ресторанах.)

Казалось бы, давно уже все должно было измениться, тем более в случае Соколова и Успенской, которые никогда не были ни ярыми антисоветчиками, ни русофобами и не запятнали себя в политическом смысле в эмиграции какими-либо компрометирующими поступками. Однако показателен тот факт, что возвращаемые архивы

актеров-эмигрантов поступают ныне вовсе не в театральные хранилища. А было бы важно, чтобы документы актеров во избежание распыления вернулись бы в их «родной дом» — театр и его музейно-архивные собрания. Например, не так давно Музей МХАТ отказался принять архив от родственника бывшей актрисы Художественного театра М. А. Успенской, а в фондах Дома русского зарубежья имени А. И. Солженицына оказался архив тех же мхатовцев-эмигрантов — Веры Греч и Поликарпа Павлова. Их высоко ценил внук художника Поленова, недавно ушедший из жизни русский парижанин А. А. Ляпин, который говорил, что этой артистической паре удалось в зарубежье сохранить блестящий русский язык. Он очень хотел объяснить это дирекции МХТ уже в новую эпоху и добивался того, чтобы их могила на Русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа была сохранена.

Мотив отказа театральных хранилищ в чем-то традиционен для последних лет: нет места для бумаг артистов «второго плана». Архивы в итоге не пропали и оказались в других престижных хранилищах: в Государственном историческом музее, Доме русского зарубежья им место нашлось. Но современные театроведы и практики театра вряд ли будут искать их там, и складывается ощущение, что русское театральное зарубежье по-прежнему недооценивается или в целом вызывает какую-то ревнивую опаску в театральных кругах — или же воспринимается как нечто необязательное, второстепенное. Видимо, сами люди театра пока еще не воспринимают эти важнейшие архивы как свое НАСЛЕДИЕ, как часть общей театральной культуры русского мира, как часть истории отечественного и мирового театра.

Еще пример. Уникальная коллекция театральных костюмов (в т. ч. военных, исторических, народных) русских зарубежных трупп в хранилище любительского русского театра в Нью Джерси пропала, обветшала, так и не вернувшись на родину, несмотря на просьбы ее последнего хранителя, переданные в Москву. Как оказалось, ее было очень дорого приводить в порядок и транспортировать, к тому же многие актеры данных театров были любителями и потому, вероятно, не заинтересовали театральных начальников. Исключением в общем ряду может быть только фигура Михаила Чехова, но и его наследие (фонды – в РГАЛИ, Музее МХАТ и в ГЦТМ им. Бахрушина) опубликовано у нас в стране далеко не полностью. Напомню, что его избранное литературное наследие в 2-х тт., включая мемуары «Жизнь и встречи», книгу «О технике актера» и избранные письма соратникам и бывшим коллегам в СССР, впервые отдельным собранием было опубликовано на родине еще в советское время, в 1986 г., а дополненное издание – в 1995 г. [11]. Даже материалы, относящиеся к работе М. Чехова в 1930-е гг. в Прибалтике, и переданные Москве, еще ждут своего публикатора и комментатора. Между тем артистические достижения гениального племянника А. П. Чехова в зарубежье были отнюдь не многочисленными, а его востребованность в театре и кино Америки – много ниже того, чего он того заслуживал. (Исключение – лишь одна блестящая роль в фильме А. Хичкока «Зачарованный», за которую он был номинирован на Оскара.). Главное, в чем состоялся Михаил Александрович в зарубежье – это педагогическая деятельность. Он достиг международного признания как преподаватель и теоретик мастерства актера, школу которого прошли звезды миро-

вого кинематографа Г. Пек, Ю. Бриннер, М. Брандо, и смог опубликовать свою «систему» [14], что было бы невозможно на родине в советский период (ввиду его так называемого «идеализма и мистицизма», т. е. антропософии). Отрадно, что о Соколове как бывшем актере Московского Камерного театра Таирова вспомнил недавно в связи со столетием МКТ Московский театр им. Пушкина как преемник Камерного, поместив краткую справку о нем на своем историческом сайте. В 2012 г. издательством «Русское зарубежье» (опять же, не театральным!) опубликованы официально переданные по дипломатическим каналам мемуары актрисы МХТ и создателя Пражской ветви Марии Германовой [2], а еще раньше в Нижнем Новгороде — бывшей петербургской актрисы гораздо более скромного калибра Дины Кировой [5], заметим, мемуаристки, много грешащей против фактов, но истовой подвижницы театра. Еще в 1990 г. Национальная библиотека Франции передала много материалов из парижского собрания драматурга и режиссера Н. Н. Евреинова, а значительная его работа «Откровение искусства» [3], хранящаяся ныне в РГАЛИ и до того неизвестная на родине, недавно опубликована итальянской исследовательницей К. Пьералли при содействии российских коллег. Но вот воспоминания примы императорского Александринского театра Екатерины Рошиной-Инсаровой остаются неопубликованными на родине и известны лишь по маленьким фрагментам, как и не переведены записки актрисы МХТ и педагога Марии Успенской [15], опубликованные в США усилиями ее ассистентки на английском языке в узкопрофессиональном журнале театральной Америки более 60 лет назад. А сколько еще материалов, эпистоляриев, программ, афиш,

рецензий, фотографий пылится неоцифрованными в фондах Линкольновского центра исполнительских искусств в Нью-Йорке! Их даже нельзя тронуть пальцем — рассыпятся от ветхости. «Заберите ваши русские крошки, будьте осторожны!», — говорила мне сотрудница Библиотеки исполнительских искусств — отделения New York Public Library, когда материалы приходили в читальный зал. «Крошки» — это едва помещавшиеся на столе горы газетно-журнальных вырезок, подтверждающих многолетнее постоянное присутствие названных русских актеров в американской культуре и русской диаспоре в Калифорнии. По моему впечатлению, за эти документы данное хранилище вовсе не держится, и было бы радо отдать на родину. А это немало по объему, и изучать здесь, безусловно, есть что. По данным сайтов Broadway database и Newspapers. com, только о Владимире Соколове за двадцать с небольшим лет его работы в США американские газеты разного калибра написали 139 раз.

Возвращение упомянутых собраний и архивов послужило бы существенным подспорьем для изучения и возвращения в культурное поле достойных имен отечественной театральной культуры. Это было бы куда полезнее громких, но мало что дающих, кроме личного пиара, акций по проблематичному выявлению уже почти мифических русских генов у современных звезд кино или шоу-бизнеса, как Хелен Миррен или Рок Бриннер. Конечно, весьма отрадно, что хоть кто-то на Западе, тем более симпатичный и талантливый, жаждет получить и получает сегодня какую-либо русскую премию. Между тем, даже будучи представителями громких фамилий, названные лица в пространстве собственного творчества, по своему воспи-

танию, менталитету, языку не являются и никогда не были носителями *русской культуры* в зарубежье — в отличие от тех реальных и состоявшихся «наследников», о которых здесь было рассказано.

Список литературы

1. Васильев А. А. Русский Голливуд. — М., 2010.
2. Германова М. Н. Мой ларец с драгоценностями. — М., 2012.
3. Евреинов Н. Н. Откровение искусства. — СПб., 2012.
4. Золотая книга русской эмиграции. — М., 1990.
5. Кирова Д. Н. Мой путь служения театру. — Н. Новгород, 2007.
6. Литаврина М. Г. Маручча. Мария Успенская и ее этюдный класс // Театр. Живопись. Кино. Музыка: Ежеквартальный альманах ГИТИС. — 2012. — № 2.
7. Литаврина М. Г. Просто Соколов, неизвестный гений // Люди и судьбы русского зарубежья: Сб. статей. Выпуск 2. — М., 2014.
8. Сбоева С. Александр Таиров: Европа и Америка. Зарубежные гастроли Московского Камерного театра 1923–1930. — М., 2010.
9. Система Станиславского: словарь терминов / Под ред. А. Свободина и Н. Балатовой. — М., 1994.
10. Скончался артист Владимир Соколов: Некролог // Новое русское слово. — 1962, 17 фев.
11. Чехов М. А. Литературное наследие в 2 т. — М., 1986.
12. Янгиров Р. Хроника русского кинематографического зарубежья. В 2 т. Т. 2. 1930–1980. — М., 2010.
13. Sokoloff Vladimir. “The Hell with All the Acting Theories...” — URL: <http://moviemorlocks.com/2010/01/06/vladimir-sokoloff-the-hell-with-all-the-acting-theories/> [дата обращения: 13. 11. 2015].

14. Chekhov M. On the Technique of Acting. – NY., 1990.
15. Ouspenskaya Marie. Notes on Acting with Maria Ouspenskaya // The American Repertory Theatre Magazine. #2. No 1–4. – Oct. 1954 – Jan. 1955.
16. Robinson H. Russians in Hollywood, Hollywood Russians. Biography of an Image – North-Eastern Publ., 2007.
17. Ross L., Ross H. The Player. A Profile of an Art. – NY., 1962.
18. Volmann, Vera et Ford, Charles. Gregory Chmara, l'homme expressif. – P., 1979.

**Россия в судьбе деятелей
русской эмиграции первой волны
(по материалам Русского культурно-
исторического музея в Праге)**

Зайцева Анна Александровна

*Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева
Россия, Москва
E-mail: a-zaitseva@mail.ru*

**Russia and the first wave emigrants'
destinies.
Based on the materials of Prague Russian
Cultural and History Museum**

Zaitseva Anna A.

*The Russian Institute of Cultural and Natural Heritage
by named D. S. Likhachev
Russia, Moscow*

Аннотация

В статье рассматривается дореволюционная деятельность представителей эмиграции первой волны на примере такого специфического историко-биографического источника, как газетные некрологи, собранные библиотекой Русского культурно-исторического музея в Праге.

Ключевые слова: *российская эмиграция первой волны; Русский культурно-исторический музей в Праге; газетный некролог.*

Abstract

The pre-revolutionary work of the Russian first wave immigrants in the context of Russia development is under scrutiny. This article is based on specific historic and biographical source – collection of obituaries, deposited in the Prague Russian Cultural and History Museum.

Key words: *Russian first wave immigrants; Prague Russian Cultural and History Museum; newspaper obituaries.*

В состав материалов Русского культурно-исторического музея в Праге, учрежденного в 1934 г. В. Ф. Булгаковым и привезенного в Москву в 1945 г. на хранение в Центральный государственный архив Октябрьской революции (ныне Государственный архив Российской Федерации), входили фонды библиотеки музея. Главной задачей создания музея было отображение литературного и научного творчества

представителей русской культуры, находящихся за рубежом [2, с. 76]. Среди материалов библиотеки были, в том числе, отдельные экземпляры газет, издававшихся эмигрантами в различных странах, а также газетные вырезки. Задаче сохранения русского культурного наследия за рубежом, запечатления памяти о русских людях – писателях, ученых, художниках и просто рядовых гражданах, волею судьбы оказавшихся за границей, как нельзя больше отвечало собрание газетных вырезок с некрологами на русских эмигрантов. Сам факт существования этой подборки, кропотливо и тщательно собираемой по горячим следам, по мере поступления печальных сведений, свидетельствует о значимости судьбы каждого русского изгнанника, закончившего свой жизненный путь на чужбине.

Последующие солидные издания некрологов русского зарубежья, в частности, известное шеститомное издание «Незабытые могилы» (составитель В. Н. Чуваков, М., 1999), охватывающее период с 1917 по 2001 гг., содержит, несомненно, редакторскую правку. Ценность же подборки газетных некрологов, хранящихся в ГА РФ в фонде 6784, оп. 1, дд. 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, заключается в их сиюминутности, созвучности времени создания.

Напечатанные в распространенных эмигрантских газетах, таких как «Возрождение» и «Последние новости» (Париж), «Новая заря» (Сан-Франциско), «Рассвет» (Чикаго), «Справочный листок» и «Новости» (Прага), «Россия» (Нью-Йорк), «Русь» (Берлин), некрологи охватывают период первой русской эмиграции 1917–1930-е гг., безусловно, самый яркий в истории русского зарубежья. Начало его было связано с надеждами на возвращение на родину, а конец был ознаменован их крушением.

Некрологи, в особенности газетные – специфический жанр биографического исследования, подводящий итог жизни человека. Некролог не только воссоздает значимые факты из жизни того или иного деятеля, но и служит важным источником в реконструкции особенностей атмосферы эпохи. Такие характерные черты некролога как лаконичность, концентрированность, хроникальность способствуют выявлению внутреннего контекста данного вида источников.

В типологии исторических биографий итальянского историка Джованни Леви, воспроизведенной в работе Л. П. Репиной, один из типов исторических биографий назван «контекстуальная биография». В нем ведущее значение имеют атмосфера и исторические события конкретной общественной эпохи, в которой реализует себя личность. Жизнь человека является своеобразной иллюстрацией культурно-исторических жизненных обстоятельств. Социальные условия предопределяют жизненный путь личности, поэтому задача биографа – реконструировать социальный контекст и вписать в него особенности сознания, поведения, достижения личности [7, с. 78-79].

В нашем случае некролог мог бы служить источником для воссоздания контекста определенных исторических условий, в которые погружена та или иная личность. Представители русской эмиграции, вырванные волею судьбы из привычной среды обитания, стали своего рода персонажами эпохи, социальная и духовная жизнь которой отразилась в их судьбе.

Структура некрологов, помещенных на страницах эмигрантской прессы, лаконична и выдержана в определенном стиле. Обычно приводятся даты рождения и смерти, происхождение, социальный статус, сведения об

образовании и окончании учебного заведения, вид государственной, политической, общественной, творческой, научной, военной или иной деятельности, основные этапы служебной карьеры. Эмоциональная насыщенность газетного некролога практически отсутствует, но незримая грань разделяет повествование на две половины — жизнь в России и на чужбине.

Хроникальность приводимых сведений дает богатый материал для реконструкции широкого полотна жизни дореволюционной России. Эта Россия всегда была для изгнанников путеводной звездой, с которой они сохраняли духовную связь и куда надеялись вернуться, восстановив прежний режим. Об этом емко и красноречиво сказал в ноябре 1944 г. генерал А. И. Деникин в обращении к добровольцам по случаю двадцать седьмой годовщины основания Добровольческой армии. Он заявил о неизбежности планов добровольчества по освобождению России от большевистского режима, «ибо судьбы России важнее судеб эмиграции»[3, с. 105].

Нами проанализированы несколько десятков некрологов деятелей русской эмиграции, напечатанных в перечисленных выше газетах. По своему социальному составу это выходцы из различных слоев общества — дворянства, городских средних слоев, духовенства; по роду деятельности — государственные, политические, общественные, военные, церковные деятели, представители профессиональной интеллигенции гуманитарной и технической — преподаватели высших учебных заведений, адвокаты, редактора периодических изданий, чиновничество, управленческо-инженерные кадры фабрик и заводов, офицерство, врачи, а также лица так называемых свободных профессий — артисты, художники, музыканты, писатели и

т. д. Представлен практически весь спектр различных социальных слоев дореволюционной России, силою обстоятельств вынужденных покинуть родину.

Расцвет профессиональной и творческой деятельности эмигрантов первой волны охватил по существу один временной отрезок 1860–1930- гг. При этом наиболее зрелые годы жизни пришлось на конец XIX – начало XX вв. – время кардинальных экономических и общественно-политических сдвигов в истории России. Бурное развитие капитализма, размывание сословий, противоречивые процессы формирования гражданского общества, его растущая поляризация, активизация разрушительных общественных сил определили сложность, социальную напряженность эпохи рубежа столетий. Будущие эмигранты явились непосредственными участниками и свидетелями этих социокультурных процессов.

В современной литературе отмечалось, что изучение проблем эмиграции связано с таким культурологическим объектом исследования, как «опыт» [6, с. 23]. Именно опыт играл основополагающую роль в социальной адаптации эмигрантов к новым условиям существования в инокультурной среде. Социокультурный опыт, накопленный в России, заложенные там принципы существования, традиции оказались востребованными в процессе выживания, освоения новых социальных практик.

В России к 1917 г. деятели русского зарубежья имели уже богатый опыт профессиональной, политической, общественной деятельности. Это были выходцы из столиц – Петербурга и Москвы, а также крупных промышленных и культурных центров – Киева, Одессы, Харькова, Варшавы, Саратова, Пскова, Ростова-на-Дону и других городов. Заметим, что провинция, богатая на

таланты, корнями связанная с родной почвой, всегда представляла кадры для центральных ведомств, где они проявляли свои лучшие качества и достигали больших высот в своей профессиональной деятельности. Основополагающую роль в этом процессе играло образование.

Данные некрологов содержат сведения о полученном образовании. Перед нами широкая палитра высших и средних учебных заведений дореволюционной России, в совокупности представлявших значительный образовательный потенциал Российской империи.

Будущие деятели русской эмиграции были выпускниками Московского университета (адвокат Л. С. Гольденвейзер, врач и адвокат М. С. Маргулис, историк и правовед П. И. Новгородцев, журналист Н. Н. Чебышев, философ Л. И. Шестов, московский городской голова Н. И. Астров, профессор гражданского права С. В. Завадский, историк литературы В. Л. Недачин, психиатр Н. Е. Осипов и др.), Петербургского университета (экономист-статистик П. И. Георгиевский, финансист Л. В. Гойер, юрист, профессор М. А. Курчинский, поэт, драматург Н. М. Минский, историк, публицист В. А. Мякотин, адвокат Г. Б. Слиозберг, юрист А. Н. Лазаренко и др.), Петербургского политехнического института (писатель Е. И. Замятин, промышленник С. Ф. Злоказов), Киевского университета (писатель Б. И. Лазаревский, поэт Д. М. Раттауз, историк русского права М. Н. Ясинский), Казанского университета (хирург В. И. Студенский), Варшавского университета (историк права Ф. В. Тарановский), Томского университета (публицист Ф. С. Изгоев), Николаевской инженерной академии (инженер-путеец Н. Н. Ипатьев), Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии (земледелец, член Государственной думы С. С. Крим, агроном В. Н. Штейн),

Николаевской морской академии (профессор, специалист в области паровых турбин Г. Н. Пио-Ульский), ветеринарного института (ветеринарный врач, агроном П. А. Скачков), института путей сообщения (инженер А. М. Миркович, инженер Н. П. Долматов), Николаевской академии Генерального штаба (генерал В. И. Гурко, генерал И. Девбор-Мусницкий, генерал Н. А. Ходорович, генерал А. Н. Виноградский, генерал М. А. Иностранцев), Военно-медицинской академии (врач, профессор С. С. Груздев, доктор медицины А. Э. Бари), Московской духовной академии (богослов Н. Н. Глубоковский, богослов А. П. Доброклонский), Петербургской консерватории (пианист А. Габрилович, композитор, дирижер М. Левин, музыкальный деятель В. Г. Вальтер), Строгановского художественного училища (художник Б. Д. Григорьев), Академии художеств (художник С. В. Животовский, художник А. Б. Лаховский, художник О. Э. Браз) [1, дд. 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214]. Приобретенные здесь знания дали возможность применить их в самых различных областях государственной, общественной, профессиональной деятельности.

Значительную группу деятелей русского зарубежья составляла высшая государственная и политическая элита, представлявшая все сегменты партийного спектра от крайне правого до левого. Например, членами Государственной думы разных созывов были землевладелец, член фракции русских националистов, организатор сокольских обществ в России А. С. Гижицкий; председатель III Государственной думы А. И. Гучков; землевладелец, монархист А. Н. Крупенский; крупный землевладелец юга России, агроном и общественный деятель С. С. Крим, который был также членом Государственного совета; историк-правовед П. И. Новгородцев; чиновник Министерства внутренних

дел, октябрист Л. В. Половцев; агроном, селекционер, земский и городской деятель, кадет Н. И. Метальников; московский городской голова, главноуполномоченный Всероссийского союза городов М. В. Челноков [1, дд. 207, 208, 212, 214]. На пути к вершинам власти эти люди прошли длительную эволюцию. Избираясь в Государственную думу от различных губерний, они начинали свою деятельность в провинции, будучи захваченными экономическим и общественно-политическим подъемом пореформенного времени, тесно связанным также и с развитием земского и городского движения. Все они совмещали различные сферы деятельности. Например, Н. И. Метальников — ученый, селекционер, создатель образцовой молочной фермы в своем имении в Симбирской губернии был гласным уездного и губернского земских собраний, почетным мировым судьей, членом правления лиги образования Симбирской губернии, участником съездов земских и городских деятелей 1904-1905 гг., одним из создателей комитета конституционно-демократической партии в Симбирске, во время Первой мировой войны возглавлял акционерное общество «Продамет», объединявшее несколько металлургических заводов [1, д. 212]. Подобный универсализм государственных и общественных деятелей был вообще характерен для русской культуры, в особенности провинциальной.

Эти представители высшей бюрократии были тесно связаны с интеллигенцией — собственно, к 1917 г. они составляли ее часть. Исследователи эволюции царской бюрократии в России полагают, что взаимопроникновение бюрократической элиты и интеллигенции было вполне естественно и обуславливалось тем, что в системе российской государственности начала XX в. при аморфности

социальных страт и слабости связей между ними царский режим являлся едва ли не единственной несущей конструкцией и нуждался в знаниях, таланте, уме, способностях интеллигенции. Например, в будущей V Государственной думе, согласно плану, представленному в июне 1916 г. правительственными кругами, было предложено предоставить 50 мест иностранцам, 50-70 – представителям банков и торгово-промышленных кругов, по 80 – крестьянам и священникам и целых 200 – именно интеллигенции [5, с. 29–33].

Еще одну представительную группу деятелей русского зарубежья составляли профессора и преподаватели высших учебных заведений – представители всех областей и направлений научного знания. Именно они определяли в конце XIX – начале XX вв. судьбы отечественной высшей школы и науки, отвечали за подготовку кадров гуманитарной и технической интеллигенции, а также удовлетворяли потребности страны в научном знании и внедрении его в различные сферы экономики. В разных университетах преподавали, вели активную научную работу доктор политической экономии, профессор П. И. Георгиевский; доктор богословия, один из наиболее известных богословов русской церкви профессор Н. Н. Глубоковский; врач, профессор С. С. Груздев; доктор церковной истории, профессор А. П. Доброклонский; ученый-археолог, профессор Е. Н. Клетнова; юрист, статистик, профессор М. А. Курчинский; ученый-бактериолог, создатель частной лаборатории В. Ю. Любинский; статистик и экономист, профессор А. А. Овчинников; химик, кристаллограф, профессор И. И. Остромысленский; ученый в области механики и теплотехники, профессор Г. Н. Пио-Ульский; историк славянского права, правовед, профессор В. Ф. Таранов

ский; агроном-экономист, профессор Б. Д. Бруцкус; доктор медицины, профессор А. Э. Бари; специалист по теории кривых плоскостей, профессор А. П. Ван-дер-Флит; инженер, профессор В. Д. Варенов; профессор гражданского права С. В. Завадский; доктор медицины, психиатр, пропагандист психоанализа в России Н. Е. Осипов и др. [1, дд. 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214].

Многие из людей науки, профессоров, в особенности представителей технической интеллигенции, втягивались в сферу капиталистического производства, занимались практическим внедрением научных и технических достижений, обеспечивая тем самым экономическое развитие страны в конце XIX — начале XX вв. Например, профессор Г. Н. Пио-Ульский в 1890 г. был командирован в Швецию для надзора за постройкой русских кораблей, затем был конструктором и советником Балтийского кораблестроительного завода, а во время Первой мировой войны — начальником механического отделения центральной технической лаборатории военного министерства [1, д. 208].

Успешно реализовывали свой творческий потенциал и талант деятели русской культуры, которые отразили в своем творчестве социальную и идейную остроту эпохи рубежа веков, интерес к духовному миру личности. В изгнании оказались писатель и переводчик И. Гальперин-Каминский; художница Е. П. Гертик; известный художник, член «Мира искусства» Б. Д. Григорьев; художник С. В. Животовский; писатель Б. А. Лазаревский; танцовщица А. А. Липковская; оперная певица Ф. В. Литвин; поэт, переводчик, драматург Н. М. Минский; композитор, пианист С. Я. Покрас; балетный артист, балетмейстер П. Н. Петров; поэт Б. Ю. Поплавский; поэт Д. М. Раттауз;

литератор и общественный деятель С. А. Соколов-Кречетов; художник, один из основоположников «Мира искусства» К. А. Кречетов; музыкальный деятель, скрипач В. Г. Вальтер [1, дд. 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214].

Особую часть эмигрантской интеллигенции, значительную по своей численности, составляла интеллигенция военная – офицерский корпус, который до 1917 г. являлся главной опорой российской государственности. Для этого слоя российского общества были характерны высокие государственные и моральные ценности – служение отечеству, ответственность перед своей страной, осознанный патриотический долг. Это были кадры, имевшие богатый и горький опыт русско-турецкой, русско-японской, Первой мировой (по терминологии того времени, сохраненной в некрологах, Великой) и Гражданской войн, прошедшие через трагедию крушения своей страны и своей армии. В изгнание ушли около 70 тыс. офицеров русской армии [4, с. 531] – видные военачальники, вожди Белого движения, яркие военные ученые, а также рядовые офицеры, для которых понятие воинского долга было священным.

В некрологах мы встречаем фамилии генералов В. И. Гурко, А. К. Гусельщикова, М. С. Дитерихса, И. Девбор-Мусницкого, С. С. Дурново, В. И. Хилковского, Н. А. Ходоровича, Н. К. Шульца, Н. М. Щербакова, А. Н. Виноградского, М. А. Иностранцева, А. А. Павлова, В. В. Рычкова, В. П. Тарановского, генерала, военного ученого А. П. Залюбовского, полковника Генерального штаба, военного обозревателя Н. В. Колесникова и др. [1, дд. 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214].

Подводя итог, отметим, что социальный портрет русских эмигрантов отражает насыщенность экономической, политической, общественной, культурной жизни

России периода смены эпох и традиций. Социально-политический, культурный облик интеллигентских слоев русского общества накануне и на начальном этапе выпавших на их долю тяжелых испытаний нельзя рассматривать в отрыве от взаимоотношений с властью и обществом, от политической культуры, различных форм участия в культурном и общественном движениях. События 1917 г. подвели итог карьере этих людей в России. За их плечами были высокий уровень образования и квалификации, накопленный на Родине административно-управленческий, организаторский, производственный, творческий, военный опыт, преданность традиционным государственным устоям, благодаря чему изгнанники смогли воспроизвести утраченное на Родине бытие в новых условиях. Среди факторов, обусловивших этот процесс, были, несомненно, сложившийся в рамках дореволюционной традиции менталитет и вытекавшая отсюда логика осознанного служения отечеству, понимание единства русской культуры. Залог самодостаточности русской эмиграции первой волны при всей мозаичности эмигрантских судеб состоял в наличии духовной связи с Россией, ее историей и ценностями национальной культуры.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 6784, оп. 1, дд. 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214.
2. Докашева Е. С. Русский культурно-исторический музей в Праге. — М., 1993.
3. Досье войны // Родина. — 1991. — № 6—7.
4. Офицерский корпус Русской Армии: Опыт самопознания / Каменев А. И., Домнин И. В., Белов Ю. Т., Савинкин А. Е. — М., 2000.

5. Куликов С. В. Социальная эволюция бюрократической элиты Российской империи в начале XX в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». – 2012. – № 1.

6. Пивовар Е. И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. – М., 2008.

7. Репина А. П. Персональная история: биография как средство исторического познания // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 2. – М., 1999.

Некрополь зарубежной России

Пархоменко Татьяна Александровна

*Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева. Россия,
Москва E-mail: ParchomenkoT@yandex.ru*

Necropolis foreign Russia

Parkhomenko Tatiana A.

*The Russian Institute of Cultural and Natural Heritage
by named D. S. Likhachev
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

Некрополь как часть культурного наследия зарубежной России. Русские гражданские и воинские захоронения в Австрии, Германии, Греции, Италии, Сербии, Франции, Чехии и других странах Европы. Крупные русские некрополи Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем (фр. Sainte-Geneviève-des-Bois), Тегель в Берлине (нем. Berlin Tegel), Ольшанское кладбище в Праге (чеш. Olšanské hřbitovy), Римское некатолическое кладбище (итал. il Cimitero acattolico di Roma), Новое кладбище в Белграде (серб. Novo groblje) с могилами представителей творческой, военной и политической элиты России – И. Бунина, Вяч. Иванова, И. Можжухина, А. Тарковского, П. Милюкова и др.

Ключевые слова: русское зарубежье; Европа; некрополь; история; культура; наследие.

ABSTRACT

Necropolis as part of the cultural heritage of the Russian Diaspora. Russian civil and military burials in Austria, Germany, Greece, Italy, Serbia, France, Czech Republic and other European countries. Large Russian cemetery in Sainte-Geneviève-des-Bois near Paris (FR. Sainte-Geneviève-des-Bois), Tegel in Berlin (ger. Berlin Tegel), Olshanskoye cemetery in Prague (Czech. Olšanské hřbitovy), Protestantischer Friedhof (ital. il Cimitero acattolico di Roma), the New cemetery in Belgrade (Serb. Novo groblje) to the graves of the representatives of the artistic, military and political elite of Russia – I. Bunina, the aunt. Ivanov, I. Mozzhukhin, A. Tarkovsky, P. Milyukov, and others.

Key words: the Russian Diaspora; Europe; cemetery; history; culture; heritage.

Hereditas personam defuncti sustinet
(Наследство продолжает личность умершего)

Важной частью культурного наследия зарубежной России является некрополь, играющий большую роль в сохранении «русской среды памяти», в познании отечественной истории и культуры. Русских кладбищ по всему миру имеется немало — в Австрии, Бельгии, Вьетнаме, Германии, Греции, Израиле, Нидерландах, Перу, Румынии, Сербии, Словакии, США, Финляндии, Франции, Хорватии, Чили, Японии и других странах. Русский некрополь, состоящий из гражданских и воинских захоронений, включает в себя как крупные кладбища с историко-мемориальными памятниками, так и отдельные православные участки на кладбищах зарубежных стран, а также единичные русские захоронения, расположенные между могилами местных жителей. Часть из них находится под защитой государств захоронения, часть — под патронатом Русской православной церкви, за некоторыми ухаживают местные «кладбищенские общества».

Формирование русского некрополя началось вместе с созданием зарубежной России в XVIII—XIX вв., когда многие представители русской элиты не только оседали за границей, но и заканчивали свои дни на чужбине: в Париже умерли философ А. И. Герцен и ученый И. И. Мечников, в Берне оборвалась жизнь анархиста М. А. Бакунина, в Стокгольме умерла математик С. В. Ковалевская и так далее. В одной только Италии в XIX в. закончили свои дни Е. А. Баратынский, К. П. Брюллов, О. А. Кипренский, В. И. Модестов, С. Ф. Шедрин и всех их знавшая и опекавшая княгиня З. А. Волконская. Немало деятелей истории и культуры царской России похоронено во Франции: драма-

тург А. В. Сухово-Кобылин, востоковед Н. В. Ханьков, идеолог народничества П. А. Лавров, агроном и бунтарь В. А. Старосельский и другие. Чтобы знать всех, похороненных на французской земле, великий князь Николай Михайлович в 1915 г. подготовил солидный том описания русской части парижского некрополя, за которым планировалось создание еще несколько томов, однако Первая мировая война, а потом и революция, в ходе которой князь был расстрелян, не дали завершить работу по учету всех русских захоронений во Франции. Тогда же в царские времена началась практика перезахоронений и возвращения останков отечественных деятелей культуры России на родину — А. П. Боголюбова, М. И. Глинки, В. А. Жуковского, Х. С. Леденцова, Н. П. Огарева, И. С. Тургенева и других. Однако она не привела к сокращению русского заграничного некрополя, который активно прирастал все новыми и новыми могилами соотечественников.

Именно в XX в. русский зарубежный некрополь, разбросанный по многим странам и континентам, превратился в крупный памятник революционной эпохи, отличительной чертой которой стал массовый (миллионный) исход соотечественников из России. Большие русские колонии образовались в Германии, Франции, Италии, Чехословакии, на Балканах, в США. Вместе с ними создавался и русский некрополь, в котором только известных захоронений за 1917–1997 гг. было насчитано 65 тыс. [5]. Русский некрополь охватил весь мир, даже в Австралии на православном кладбище в пригороде Сиднея под мраморными плитами с громкими воинскими званиями и дворянскими титулами покоятся тысячи выходцев из России: «В память о тех русских, кто жил и умер в эмиграции», — гласит надпись у входа в кладбищенскую часовню.

Больше всего русских могил в Европе. Только под Парижем на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа (Sainte-Geneviève-des-Bois) покоится 20 тыс. уроженцев России [9, с. 12]. Сначала это был скромный погост, возникший вокруг Русского дома, который в 1920-е годы благодаря заботам княгини Мещерской приютил некоторых наших соотечественников. В 1927 г. под русские захоронения в Сент-Женевьев-де-Буа был выделен особый участок, со временем ставший одним из самых крупных некрополей зарубежной России с могилами уже не только постояльцев Русского дома, но и русских изгнанников вообще, в том числе русских воинов с мемориалами галлиполийцам, военным чинам Дроздовской и Алексеевской дивизий Добровольческой армии, русским летчикам, кадетам российских кадетских корпусов, а также казакам.

В 1938–1939 гг. на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа по проекту А. А. Бенуа в стиле новгородско-псковского православного зодчества была построена церковь Успения Пресвятой Богородицы. В ней отпевали И. А. Бунина, З. Н. Гиппиус, Д. Н. Мережковского, И. И. Мозжухина, А. М. Ремизова, Д. П. Рябушинского, З. Е. Серебрякову, К. А. Сомова, И. С. Шмелева и других представителей творческой элиты России, знатные имена которых превратили кладбище Сент-Женевьев-де-Буа в подлинный пантеон русской культуры во Франции. Во время Второй мировой войны оно было огорожено каменной стеной с воротами в форме арки, украшенной изображением двух архангелов — Михаила и Гавриила, держащих в руках икону. К прежним захоронениям прибавились могилы русских героев Французского Сопротивления — К. Радищева, В. Оболенской, З. Пешкова. Во второй половине XX в. кладбище Сент-Женевьев-де-Буа превратилось в погребальный комплекс с гостиницей, справочным бюро, звонницей с

шестью колоколами, двумя аркадами и куполом, а также часовней, возведенной в качестве усыпальницы для останков, перезахороненных из старых могил, срок аренды которых истек.

Вместе с тем, уже на исходе XX в. русский некрополь под Парижем стал испытывать трудности с арендой земли и выделением могил. Кроме того, все больше русских захоронений оставалось без законных владельцев и приобретало заброшенный вид. Лишь могиле И. А. Бунина ничего не угрожало, поскольку Нобелевский комитет заранее оплатил бессрочную аренду земли, в которой покоится его прах. В 1970-е гг. французские власти запретили хоронить русских эмигрантов и их потомков в Сент-Женевьев-де-Буа, кроме тех, кто жил в данном районе или купил себе место под могилу. Исключение было сделано только для кинорежиссера А. А. Тарковского в 1987 г. и позже, в 1993 г., для балетмейстера Р. Х. Нуреева, награжденного во Франции знаками отличия Ордена Командора Искусств и Литературы за многолетнее служение сценическому искусству, в том числе на посту арт-директора балетной труппы парижской Гранд-Опера. Могила Р. Нуреева поражает своим великолепием и необычной для кладбища яркостью красок; могила А. Тарковского со словами «Человеку, который видел ангела», скромнее, но зато лучше вписывается в архитектуру всего некрополя — ее надгробный памятник в виде креста, выполненный Э. Неизвестным, подчеркивает трагическую общность судеб всех изгнанников из России.

В начале XXI в. перед русским кладбищем Сент-Женевьев-де-Буа нависла угроза ликвидации. В 2008 г. заканчивался срок аренды его земли, и лишь вмешательство правительства Российской Федерации, оплатившего все долги и продлившего аренду до 2040 г., спасло это дорогое

для отечественной истории и культуры место от уничтожения.

Помимо русского некрополя Сент-Женевьев-де-Буа во Франции есть немало других погостов с могилами россиян: в западном парижском пригороде Булонь-Бийанкур (Boulogne-Billancourt), новое кладбище которого имеет около ста русских захоронений, в том числе офицеров царской армии; в северном парижском пригороде Монморанси (Montmorency), где на местном кладбище есть русский участок с часовней в память русских воинов – участников Первой мировой войны; в Кламаре (Clamart), где покоится философ Н. А. Бердяев; в Рокебрюне (Roquebrune), на местном кладбище которого похоронен великий князь Александр Михайлович; в Шелль (Chelles), где вокруг Русского дома возник русский погост, и так далее. Но более всего известны русские некрополи Ниццы (Nice) и Канн (Cannes).

В Ницце русское кладбище было открыто в 1867 г. Вначале оно называлось Николаевским в память скончавшегося в Ницце наследника престола, великого князя Николая Александровича, однако позже стало именоваться Кокад (Cimetière russe de Caucade) – по названию холма, на котором оно расположено. В центре русского кладбища Ниццы выстроена часовня во имя Святителя Николая с мраморной доской, на которой выгравированы имена офицеров Русской императорской армии, похороненных в братской могиле Ниццы. Рядом с часовней возведен памятник русским морякам с якорем и Андреевским флагом. В Ницце похоронены адмирал С. А. Воеводский, полковник А. Н. Раевский, генералы Б. Е. Гартман, М. А. Свечин, Н. Н. Юденич и другие военачальники. Всего на православном кладбище Ниццы захоронено более 3 тыс. выходцев из России, в том числе литератор Г. В. Адамович,

египтолог В. С. Голенищев, поэт В. М. Жемчужников, художник Ф. А. Малявин, композитор Л. Л. Сабанеев, график и искусствовед А. К. Шервашидзе. В Ницце нашел свое последнее успокоение и мятежный философ А. И. Герцен, который сначала был похоронен в Париже на кладбище *Règle Lachaise*, а потом прах его был перевезен в Ниццу. На могиле установлен памятник работы П. П. Забелло, изображающий Герцена стоящим во весь рост, с лицом, обращенным в сторону России.

Другой известный русский некрополь Лазурного берега Франции находится в Каннах и располагается на кладбище Гран-Жас (*Cimetière du Grand Jas*). На нем покоятся русские воины, погибшие в битве при Вердене, офицеры и солдаты Русского экспедиционного корпуса, скончавшиеся в каннском госпитале, а также летчик Н. Е. Попов, ювелир Карл Фаберже, русская жена Пабло Пикассо Ольга Хохлова. Рядом с этими могилами в семейной усыпальнице, выполненной Д. М. Стеллецким, захоронены представители русского дворянского рода фон Дервиз, а в крипте русской церкви Архангела Михаила, построенной в конце XIX в., были погребены великий князь Николай Николаевич младший с супругой, великий князь Петр Николаевич и принц П. А. Ольденбургский. В 2015 г. останки великого князя Николая Николаевича и его супруги Анастасии Николаевны были перезахоронены в столице России Москве, в часовне в честь Преображения Господня на братском воинском кладбище Мемориально-паркового комплекса героев Первой мировой войны.

Много русских могил можно увидеть на кладбищах Италии, известных и неизвестных, ухоженных и запустевших, словом, совершенно разных, но связанных воедино общим именем Россия. В Риме на некатолическом клад-

бище для иностранцев Тестаччо (Cimitero acattolico al Testaccio), которое существует с XVIII в., покоятся около 800 выходцев из России [8]. Это художники К. Брюллов, П. Орлов, М. Марков, П. и А. Сведомские, И. Давыдов; литераторы Вяч. Иванов, Д. Благово (архимандрит Пимен), М. Первухин, В. А. Пашков (основатель русского протестантизма); артисты Ия Русская, А. Санин, П. Шаров, певец и гарибальдиец Ф. Комиссаржевский; академик Э. Х. Ленц; генералы И. П. Астахов, П. П. Богаевский, Н. П. Горлов, К. К. Мердер, В. И. Ромейко-Гурко; сенатор и член Государственного Совета П. Ф. Иорданов и министр юстиции Н. В. Муравьев, предводители столичного дворянства А. Д. Зиновьев и С. М. Сомов; члены Российского Императорского Дома и их потомки, а также представители русской аристократии: князья Бярятинские, Бибиковы, Волконские, Гагарины, Голенищевы-Кутузовы, Голицыны, Горчаковы, Нарышкины, Трубецкие, Шаховские, Щербатовы; графы Канкрины, Мусины-Пушкины, Соллогубы, Строгановы, Ферзены, Шереметевы; бароны Врангели, Ганы, Таубе, Тизенгаузены; священнослужители русской православной церкви Святителя Николая Мирликийского Чудотворца в Риме, словом почти вся элита царской России.

Впервые интерес к римскому кладбищу Тестаччо возник в начале XX в., когда историк литературы Б. Л. Модзалевский начал составлять картотеку захороненных на этом кладбище отечественных деятелей истории и культуры. Одновременно секретарь Русского посольства в Риме барон М. Ф. фон Шиллинг подготовил свой «Список русских, похороненных в Риме на кладбище Тестаччо», насчитывавший более ста пятидесяти имен. Он был составлен на итальянском языке, но издан не был. Лишь в 1956 г. в журнале «Baltische Hefte» был опубликован перечень могил выходцев из Российской империи, но только

немецко-балтийского происхождения, описание которых летом 1955 г. произвел в Риме Й. фон Коскюль [10]. В полном объеме описание русской части некрополя Тестацчо началось в конце XX в., когда преподаватель Римского университета Ванда Гасперович занялась изучением русских могил и биографий лиц, в них похороненных. В этой работе участвовали также историки М. Г. Талалай, составлявший собственную картотеку по данным метрических книг русской православной церкви в Риме, и М. Ю. Катин-Ярцев, исследовавший немецко-балтийскую часть могил и германскую генеалогию. Итогом их совместной деятельности стала публикация в 1999 г. «Алфавитного списка русских захоронений» на некатолическом кладбище для иностранцев Тестацчо в Риме. В XXI в. увидел свет еще один указатель русских могил в Италии, также составленный М. Г. Талалаем: «Российский некрополь в Южном Тироле», в котором отмечены захоронения русских путешественников, военнопленных Первой мировой войны и эмигрантов: этнографа А. А. Бобринского, композитора Н. М. Правосудовича, литератора Л. Ф. Достоевской и других [7].

Немало выходцев из России покоится на итальянском острове Сан-Микеле, расположенном рядом с Венецией. В его православной части находятся могилы Багратионов, Волконских, Волковых-Муромцевых, Трубецкой (урожденной Мусиной-Пушкиной), Стравинских. Там же в 1929 г. был похоронен С. П. Дягилев, на надгробном памятнике которому по-французски и по-русски выбиты слова: «Венеция — постоянная вдохновительница наших успокоений». О могиле Дягилева потом в своих «Венецианских строфах» напишет поэт Иосиф Бродский [1, с. 477], не подозревая даже о том, что и сам он будет похоронен вблизи нее. Эпитафия на его могиле гласит: «Со смертью не все кончается» («Letum non omnia finit»), продолже-

нием которой, как известно, является другое латинское изречение — «*Hereditas personam defuncti sustinet*», то есть наследство продолжает личность умершего. Жизненный путь русских деятелей культуры, закончивших свои дни в Италии — А. В. Амфитеатрова, Л. М. Браиловского, Вяч. И. Иванова и других, — соединил воедино Рим третий с Римом первым, а творчество навсегда вписало его в мировой контекст, но лишь потому, что, говоря словами историка П. Н. Милюкова, они «принесли туда ярко и сильно выраженную народную душу», душу России [4, с. 3].

Наконец, говоря о русском заграничном некрополе, нельзя не сказать о Германии, на территории которой находится немало захоронений наших соотечественников, как военных, так и гражданских. Прежде всего, это Русское православное кладбище Тегель, существующее в Берлине с 1893 г. Оно насчитывает примерно 3000 могил, в том числе художника Н. П. Богданова-Бельского, юриста и политика В. Д. Набокова, архитектора М. О. Эйзенштейна, государственного деятеля А. В. Кривошеина, а также других представителей элиты царской России — губернаторов, градоначальников, министров, генералов и полковников. Берлинское кладбище Тегель имеет свой православный храм Святых равноапостольных и боговенчаных царей Константина и Елены, освященный в мае 1894 г. и ныне являющийся памятником архитектуры. Другой достопримечательностью тегельского кладбища является мемориал памяти воинам русской Императорской и Белой армий, выполненный в форме гранитной глыбы с крестом, гербом Российской империи — двуглавым орлом и надписью: «Верным сынам великой России». Сзади каменного креста, в самом его основании прикреплена мемориальная доска со словами: «Сооружен по почину чинов II отдела Русского Общевоинского Союза на

добровольные пожертвования русской эмиграции в Германии 1934».

Историю царских воинских захоронений в Берлине продолжили советские воинские мемориалы в Тиргартене (1945 г.), в Трептов-парке (1947-1949 гг.) и в Панкове (1947-1949 гг.), увековечивавшие память 80 тысяч советских воинов, павших при штурме фашистской столицы. Соединение царской и советской истории произошло и в русском некрополе Лейпцига с его Восточным кладбищем, где в 1946-1948 гг. был выстроен советский мемориальный комплекс в честь погибших красноармейцев, и Русским военным некрополем при Свято-Алексиевском храме-памятнике Русской Славы, в крипте которого захоронены останки русских солдат и офицеров, павших в «Битве народов» под Лейпцигом в 1813 г.

Русских могил в Германии очень много, и связаны они не только с военными операциями, но и с мирной жизнью наших соотечественников за рубежом. В качестве примера можно привести старое русское кладбище в Висбадене — знаменитом курортном городе Германии. Его история началась в 1856 г. и связана со смертью великой княгини Елизаветы Михайловны — дочери великого князя Михаила Павловича (брата императора России Николая I) и супруги Адольфа фон Нассау, правящего герцога немецкого государства Гессен, столицей которого с начала XIX в. был Висбаден. В 1855 г. там была построена Русская православная церковь, ставшая через год усыпальницей вел. кн. Елизаветы Михайловны. В 1896 г. Николай II выкупил православный храм Св. Елизаветы вместе с землей и кладбищем, которое ныне принадлежит Русской православной церкви за границей. В Висбадене захоронены многие представители элиты России: Воронцова-Дашкова, Гагарин, Голицына, Мусин-Пушкин, Оболенский, Репнин,

Энгельгард, Шереметев, а также дети Александра II и кн. Е. Долгорукой – Ольга и Георгий. Всего на кладбище в Висбадене находится около 800 русских могил, в том числе духовника великой княгини Елизаветы Михайловны, протоиерея Иоанна (И. Базарова), архитектора Собора Петра и Павла в Петергофе и автора памятника Александру II в московском Кремле Н. В. Султанова, художника А. Г. Явленского. Широкую известность получило и другое немецкое кладбище, на другом немецком курорте – в Баден-Бадене, где находятся фамильные захоронения поэта, переводчика, наставника императора Александра Второго и Александра Пушкина – В. А. Жуковского и русского государственного деятеля князя И. С. Васильчикова.

Крупный русский некрополь сложился в XX в. в Чехии, на Ольшанском кладбище в Праге. В 1905 г. настоятель пражской православной церкви Св. Николая, протоиерей Николай Рыжков добился от местных властей выделения на Ольшанском кладбище, ведущем свое начало с XVII в., отдельного православного участка с захоронениями 45 «храбрых русских офицеров, которые от полученных ими ран в сражении под Дрезденом и Кульмом в августе месяце 1813 г. в городе Праге померли», и памятником, отреставрированном в 1906 г. [3, с. 417]. Первая мировая война и революция в России привели к тому, что этот православный участок быстро заполнился, и в 1923 г. на Ольшанском кладбище для русских захоронений в Праге были выделены новые земли. Через год на них началось строительство русской церкви Успения Пресвятой Богородицы (по проекту В. А. Брандта, Н. П. Пашковского, С. Г. Клодта), освященной 22 ноября 1925 г. митрополитом Евлогием в присутствии премьер-министра Чехословакии К. Крамаржа. И хотя отделочные работы в церкви – росписи, мозаика, обшивка дверей и так далее велись

вплоть до 1940-х гг., начало богослужения в ней в середине двадцатых годов имело большое значение для русских пражан, считавших православный храм главным местом своей национальной идентификации. Как отмечал, например, А. И. Деникин, «никогда – для очень многих, по крайней мере – потребность в своем храме не бывает такой мучительной и жгучей, как на чужбине, в изгнании... И сколько привело к Богу и в храмы – в чаянии воскресения – горе и взыскание Родины?» [2, с. 120–121].

В крипте (склепе) церкви Успения Пресвятой Богородицы покоятся первый чехословацкий премьер-министр К. П. Крамарж с супругой Н. Н. Крамарж, урожденной Хлудовой, академик Н. П. Кондаков, доктор медицины Н. А. Келин и некоторые другие, в том числе военный инженер Н. Н. Ипатьев, в екатеринбургском доме которого, конфискованного большевиками, июльской ночью 1918 г. был расстрелян последний император России Николай II. А возле Успенской церкви, на православном участке Ольшанского кладбища расположены многочисленные могилы русских эмигрантов, среди которых встречаются имена писателя А. Т. Аверченко, академика Н. И. Андрусова, последнего городского головы Москвы Н. И. Астрова, председателя Совета министров Временного правительства С. Д. Голицына, литератора Вас. И. Немировича-Данченко, поэта Д. М. Ратгауза, евразийца П. Н. Савицкого, секретаря первой Государственной думы Д. И. Шаховского, профессоров А. А. Кизеветтера, П. И. Новгородцева, Е. Ф. Шмурло.

Вторая мировая война привела к новым захоронениям на Ольшанском кладбище. К братским могилам русских воинов, погибших в Первую мировую войну, прибавились захоронения советских солдат, покоящихся в 437 могилах. В XXI в. посольство России в Праге провело

реконструкцию мемориала, в ходе которой бетонныеobelisks, установленные в конце 1945 г., были заменены гранитными монументами с новыми, позолоченными надписями.

В Чехии есть еще одно памятное для России место – город Моравска Тржебова (Моравска-Тршебова – Moravska Trebova), где «во время Первой мировой войны был организован лагерь для военнопленных и беженцев, а вплоть до 1935 г. работала русская гимназия», могилы преподавателей и учеников которой лежат на местном кладбище на Крестовом холме [3, с. 453]. Вид русских захоронений совершенно различен: одни имеют высокохудожественные надгробия, другие поросли травой, и лишь русские надписи, выполненные по правилам старой орфографии, говорят об их связи с Россией. При этом, «интересно, что на могилах не написано, кем работал усопший в гимназии, однако перечисляются заслуги и посты, которые человек занимал в те далекие времена, когда жил на родине. Поэтому на украшенной якорями могиле М. А. Елагина (надгробие С 600-601) сообщается, что он был капитаном 1-го ранга, а в немецком тексте даже и то, что покойный работал начальником порта, участвовал в русско-японской войне и был командиром подводной лодки. Под неброской черной мраморной плитой (С 5016) погребен А. П. Рождественский, профессор Петербургской духовной академии», а на другой могиле с черным мраморным крестом указывается, что в ней похоронен глава судебной палаты Новочеркаска Н. М. Захаров, который в гимназии Моравска Тржебова заведовал библиотекой [3, с. 455]. Или могила с надгробием супругов Газаловых, на котором нет «упоминания о том, что М. М. Газалов был преподавателем математики и геометрии», но зато «написано, что покойный – полковник генерального штаба...

Последний большой памятник, привлекающий внимание, — это украшенное металлическим барельефом и портретом надгробие Ф. К. Фролова», надпись на котором указывает, что «здесь лежит донской казак, директор гимназии в Новочеркасске» [3, с. 455]. Что же касается безымянных русских могил кладбища Моравска Тржебова, то в них похоронены в основном учащиеся гимназии, скончавшиеся от туберкулеза — основной болезни детей русской эмиграции.

В Моравска Тржебова незадолго до начала XXI в., «когда истекал срок оплаты за аренду земли на кладбище, представители ныне здравствующих бывших учеников гимназии решили, что следует сохранить уцелевшие до сего дня ценные каменные памятники, а могилы, не имеющие надгробий, передать правлению кладбищенского хозяйства для дальнейшего использования земли. Был поставлен общий памятник, на котором увековечены имена всех бывших российских подданных, здесь похороненных», и «после многолетнего перерыва на кладбище на Крестовом холме опять прозвучали торжественные песнопения православной панихиды», которую проводил священник чешской Православной церкви города Оломоуц [3, с. 456].

Другим крупным русским некрополем, устроенным на славянской земле, является русский участок Нового кладбища в Белграде. На нем рядом с Русской православной церковью захоронены свыше 3 тыс. наших соотечественников, в том числе генералов, офицеров и солдат — участников Первой мировой войны, в честь которых возведен памятник-склеп со словами «Вечная память Николаю II и 2 000 000 русских воинов Великой войны» [6, с. 4]. Мемориальный комплекс русского кладбища в Белграде нацелен на показ величия русского воина, посвятившего

свою жизнь борьбе за отечество и в крайне сложных условиях краха царской империи, поражения в войне и жизни на чужбине сохранившего преданность национальным интересам России. Это справедливо как в отношении малоизвестных имен, так и представителей громких фамилий, вклад которых в российское государственное и культурное строительство был предан большевиками забвению: Бартоломей, Джунковских, Дурново, Корвин-Круковских, Макшеевых и других.

Например, биографии лишь трех захороненных на русском кладбище в Белграде генералов – В. Е. Борисова, И. П. Сытина и З. А. Макшеева – уже могут многое поведать о трагическом для страны периоде Первой мировой войны, революции и Гражданской войны, когда решалась судьба России, а вместе с ней и судьбы ее граждан, прежде всего военных, поставленных перед сложным выбором между Белой гвардией и Красной армией. Так, семья Макшеевых, давшая России трех генералов, раскололась: старший брат, генерал Ф. А. Макшеев, остался в Советской России, младший, генерал З. А. Макшеев, находясь в рядах Вооруженных сил Юга России, эмигрировал и умер в Белграде. Нередко водораздел проходил прямо по жизням людей, в частности, генерал-лейтенанта В. Е. Борисова, которого «можно отнести к числу наиболее ярких специалистов, оказавшихся на службе у большевиков. ...Находясь сначала в распоряжении штаба Петроградского военного округа, затем начальника Генерального штаба и народного комиссара по военным делам Н. И. Подвойского», потом, будучи в должности профессора Академии Генерального штаба РККА, он в январе 1919 г. написал записку «Катастрофическое состояние нашего Генерального штаба» и, разочаровавшись в советской власти, через семь месяцев примкнул к войскам А. И. Деникина, а спустя год

осел в пригороде Белграда [6, с. 37]. Схожая судьба была и у генерал-майора И. П. Сытина, в 1918 г. служившего в РККА, а зимой 1919 г. перешедшего на сторону Добровольческой армии и воевавшего в Партизанском полку Вооруженных сил Юга России, после чего он эмигрировал в Сербию. Однако, если к Сытину в армии сохранилось уважение и он являлся полноправным членом Общества русских офицеров и Общества военных инвалидов Генерального штаба в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Королевство Югославия), то В. Е. Борисова эмиграция отвергла как предателя национальных интересов России, и в 1921 г. «приказом Н. П. Врангеля он был лишен всех чинов, а 19 марта 1923 г. исключен из Общества русских офицеров Генерального штаба» [6, с. 38].

В общем, могилы русских изгнанников могут о многом рассказать человеку, интересующемуся прошлым России, более того, помогают устранить провалы, почти столетие существовавшие в российской исторической памяти относительно событий Первой мировой войны (в частности, русской «Экспедиции особого назначения» в Сербии), революции, Гражданской войны и эмиграции. В начале XXI в. в Сербии был разработан проект «Русский Некрополь», нацеленный на восстановление всех русских захоронений на сербской земле. Его инициаторами выступили Подворье Русской православной церкви в Белграде, Демократическая партия Сербии, Всероссийская партия «Единая Россия» и Благотворительный фонд члена Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации А. И. Лисицына. Частью этого проекта стала публикация материалов о русском некрополе в Сербии, в частности, книги, посвященной «Русским генералам в Белграде» [6].

В общей сложности русский некрополь за рубежом велик и огромен, как по своим размерам, так и по именам,

навечно вписанным в его памятники и надгробные плиты. Он хранит историю России, не дает вычеркнуть из памяти ее великое прошлое и людей, его создававших. Не случайно практика перезахоронения останков наших великих соотечественников, начавшись в XIX в., продолжилась во второй половине XX в., когда революционный нигилизм большевиков сменился более взвешенной государственной культурной политикой. В 1956 г. на родину вернулись останки Л. Н. Андреева, в 1972 г. — А. К. Глазунова, в 1976 г. м.н. И. Фешина, в 1984 г. — Ф. И. Шаляпина. Постсоветская Россия, провозгласив возвращение к русским традиционным ценностям, вообще сделала практику перезахоронения частью своей политики: только в Донском монастыре Москвы в начале XX в. были перезахоронены писатель И. С. Шмелев (с супругой), философ И. А. Ильин (с супругой), генерал, главнокомандующий вооруженными силами Юга России А. И. Деникин (с супругой), генерал В. О. Каппель. И это, в общем-то, только начало...

Список литературы

- Бродский И. А. Избранное. — М.: КоЛибри, 2011. — 848 с.
- Деникин А. Офицеры. — М.: ТВ-Мост, 1991. — 126 с.
- Дом в изгнании. Очерки о русской эмиграции в Чехословакии 1918-1945. — Прага: RT+RS, 2008. — 512 с.
- Милюков П. Будучи всемирным, Федор Шаляпин остался русским // Эмиграция. — 1994. — № 6.
- Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917-1997. В 6 т., 8 книгах / Сост. В. Н. Чуваков. — М.: Пашков Дом, 1999-2007.
- Русские генералы в Белграде. Биографические очерки. — Ярославль: Изд-во ЯГРУ, 2012. — 163 с.

Талалай М. Г. Да упокоит тебя чужая земля: Российский некрополь в Южном Тироле. – М. : Старая Басманная, 2012. – 144 с.

Тестаччо. Некатолическое кладбище для иностранцев в Риме. Алфавитный список русских захоронений / Сост. В. Гасперович, М. Ю. Катин-Ярцев, М. Г. Талалай, А. А. Шумков. Вып. 6. – СПб. : ВИРД, 1999. – 160 с. – Сер. «Российский некрополь».

Шулепова Э. А. Русский некрополь под Парижем. – М. : РИК, 1993. – 96 с. ; Грезин И. И. Алфавитный список русских захоронений на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. – М. : Старая Басманная, 2009. – 309 с.

Eine baltische Nekropolis im Schatten der Cestius-Pyramide: Baltische Namen auf dem Protestantischen Fridhof in Rom // Baltische Hefte. – 1956. – Okt. – Н. 1. – S. 56–63.

**«Возникновение эмиграции подобно
сотворению мира»**

Дурновцев Валерий Иванович

Российский государственный гуманитарный университет

Россия, Москва

E-mail: vdurnovcev@gmail.com

**«The emergence of emigration
like the creation of the world»**

Durnovtsev Valeriy I.

Russian State University for the Humanities

Russia, Moscow

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена истории русской эмиграции 20–30-х гг. XX в. «в человеческом измерении». Изучаются взгляды видных представителей науки и культуры по вопросам, казавшимся им поистине судьбоносными в условиях русского рассеяния — будущем русского языка на родине и чужбине после войн и революций; семьи как средоточия религиозной и культурной традиции и ее определяющей роли в воспитании детей в «русском духе»; отдается должное глубоко личному, часто эмоционально окрашенному чувству к родине — Отечеству.

Ключевые слова: история России; русская эмиграция; русская культура за рубежом; русский язык; русская семья.

ABSTRACT

The article is devoted to the history of Russian emigration of 20–30s of XX century "in the human dimension". Examines the views of prominent representatives of science and culture on the issues of them seemingly momentous in terms of the Russian Diaspora, the future of the Russian language at home and abroad after the wars and revolutions; of the family as the focus of religious and cultural tradition and its decisive role in the upbringing of children in "the Russian spirit"; commends deeply personal, often emotionally charged feeling for the Motherland.

Key words: History of Russia; Russian emigration; Russian culture abroad; the Russian language; Russian family.

История «Русского исхода» в 20-е гг. минувшего века — из тех исследовательских тем, которые принято относить к неисчерпаемым. Внимательным и ответственным наблюдателям за историографическими перипетиями ее основательного в последние два десятилетия научного освоения очевидно, что на каждом новом повороте национального исторического движения драма нескольких миллионов человек, по большей части отнюдь не по своей воле покинувших родную страну, обретает новые оттенки, в достаточно прозрачных и колеблющихся тематических границах обнаруживаются прежде или не замечаемые, или казавшиеся несущественными сюжеты и повороты. Для академических исследователей они, конечно, важные, но, скажем, для нынешних россиян, по разным причинам оказавшихся за рубежом, живущих и работающих едва ли не во всех уголках земного шара, могут быть и любопытными, но отнюдь не имеющими жизненно важного значения, а тем более некоего урока в назидание потомкам. Другие времена, другие песни...

Реалии повседневной действительности, тревожные ожидания очередных перемен отодвинули на второй план острое и заинтересованное внимание во второй половине 80-х гг. к истории русского зарубежья. И напрасно, хотя бы потому, что эмиграция неизменно следует за русской жизнью, русской культурой и русской мыслью, что с нею так или иначе связан не менее драматический и далеко не исчерпавший себя факт «внутренней эмиграции». Наконец, и потому, что ускоряющийся поток эмиграции из России, и не только экономической — печальный признак несовершенства внутреннего обустройства.

Постижение, как принято сейчас говорить, «жизненного мира» русской эмиграции, условно отнесенной к «первой волне», нами, живущими в другой исторической

эпохе, — занятие не менее сложное, чем проникновение в духовную среду средневекового ремесленника. К тому же многократно отмеченная социальная неоднородность русских изгнанников существенно осложняет обнаружение ментальных свойств, определенно присущих сообществу, образовавшемуся в экстремальной и беспрецедентной социально-политической ситуации.

Сотни тысяч русских эмигрантов не оставили после себя сколько-нибудь четких и определенных свидетельств о прожитом и пережитом. В каком-то смысле они уполномочили на это тонкий слой писателей и ученых, поэтов и художников, тех, кого мировая культура с полным на то основанием относит к «горным вершинам» русской науки, культуры, образования.

История русской эмиграции «первой волны» может быть перспективной площадкой для спокойного и взвешенного обсуждения современного состояния России и путей ее развития. Договорившись здесь, можно идти дальше в поиске новых конвенций. Каковы бы ни были явные или скрытые мотивы благожелательного отношения властных и различных общественных кругов, в том числе и тех, кого принято называть «оппозицией», расходящихся по большинству «проклятых вопросов» дня сегодняшнего, к судьбам русских изгнанников и те, и другие относятся по большей части сочувственно, с пониманием.

Нас занимают суждения видных представителей русской эмиграции по вопросам, казавшимся им особенно важными, порой болезненными: судьбе русского языка на родине и чужбине, русской семьи в условиях непростого эмигрантского быта. Наконец, глубоко личного, интимного, часто эмоционально окрашенного чувства к родине — Отечеству. И — удивительное дело — непостижимым образом их мнения и позиция, высказанные в

больших и малых работах, по вопросам, которые имели для них первоочередное значение, были реакцией на происходившее на родине, опосредованно, а то и непосредственно сохраняют значимость для нынешней исторической действительности. Может быть потому, что мы, в общем, имеем и сполна обладаем тем, что они потеряли, хотя их потери отнюдь не стали в полной мере нашим обретением.

Скажем, как и прежде, сбережение русского языка продолжает оставаться злободневным. О кризисе современной российской семьи написаны тома. Тема патриотизма давно стала разменной монетой на рынке идей.

«Борьба за русский язык» была важнейшей приметой революционной эпохи. Тут границы между Советской и Зарубежной Россией как бы стирались. В СССР ее вели в условиях несвободы, под неусыпным идеологическим и партийно-государственным контролем ученые и педагоги-подвижники. В русском рассеянии свобода выражения взглядов омрачалась щемящей тоской по утраченной родине, категорическим неприятием большевистской власти, горькими наблюдениями за судьбой родного языка в иноязычной среде. При этом деятелям зарубежной русской культуры приходилось бороться за язык в двух направлениях — жестко критиковать и беспощадно высмеивать распространение советских «новых словечек», первенцев «новояза», и выступать ревнителями чистоты русского языка в беженской среде, оказавшейся весьма подверженной к включению в русскую речь иностранных слов и выражений, к тому же весьма вольноприноровленным к нормам родного языка.

Судьба русского языка «там», дома, в ставшей большевистской России, и «здесь», несмотря ни на что, все же чужбине, так была близка русскому рассеянию, так волно-

вала и часто болезненно воспринималась беженцами, что в общекультурном пространстве Русского зарубежья публичные выступления, с нею связанные, занимают особое место, часто не сравнимое по своему значению и вызываемому ими общественному резонансу с другими проявлениями культурной деятельности.

«Борьба за русский язык» велась в атмосфере острых, ярких, иногда эмоционально-напряженных, порой несколько раздражительных споров на страницах зарубежной русской печати и касалась вопросов, которые в нормальной языковой ситуации, казалось бы, не должны были выходить за границы неспешного академического обсуждения учеными-филологами.

Один только перечень ярких имен русских изгнанников, оставивших заметный след в истории русского языка за рубежом, может занять не одну страницу. Прозаики, поэты, литературные и театральные критики, публицисты, журналисты, педагоги, богословы, дипломаты, ученые – философы, историки, филологи-слависты, экономисты, географы... Что ни имя, то гордость русской науки и культуры: А. Т. Аверченко, Г. В. Адамович, К. Д. Бальмонт, П. М. Бицилли, И. А. Бунин, З. Н. Гиппиус, Дон-Аминадо, В. В. Зеньковский, Вяч. И. Иванов, И. А. Ильин, В. В. Набоков, М. А. Осоргин, Н. А. Тэффи, И. И. Фондаминский...

З. Гиппиус казалось, что масштабы гибели России таковы, что «из всего, что погребло в России, уцелел лишь русский язык». «У нас сохранилось только два достоинства: русская честь и русская речь», – вторил ей Дм. П. Голицын-Муравлин [9, с. 37].

Стало быть, для многих речь шла ни много ни мало о последнем якорю спасения России – русском языке. Первые и непосредственные наблюдения показали, что с ним происходит нечто такое, что, казалось бы, угрожает

самим основам русской культуры. Повсеместными в работах о русском языке стали заключения о его «засорении», «порче» и, в конце концов, «гибели».

Участники то затихавших, то вновь вспыхивавших дискуссий хорошо понимали, что предмет их обсуждения лишь отчасти связан с филологией. Если бы речь шла только о целесообразности сохранения буквы «ѣ», иностранных заимствованиях русского языка в результате пребывания его носителей в иноязычной среде или масштабах всевозможных сокращений, то тональность дискуссии, а заодно и состав участников, конечно, были бы иными. Театральный критик и историк культуры С. М. Волконский писал: «Вопрос о большевицком влиянии на русский язык вопрос большой и сложный, и не только филологический. Для того, чтобы о нем говорить, нужны документы, да и их недостаточно для вывода всех принципов мыслительных, которые оказывают воздействие на язык; тут уже вопрос не филологический, тут явная отравка мыслительных путей, это предмет тяжелого, сложного и скорбного изучения» [6].

Академические филологические занятия — вещь, конечно, важная и полезная, рассуждали многие представители русской эмиграции, ревностные защитники русского языка из числа любителей. Но речь-то идет о несравненно более важном — о перспективах сохранения национальной идентичности, «русскости».

О «языке революционной эпохи», о «языке революции и революции в языке» писали и в Советской России. И здесь дело отнюдь не сводилось к филологии, хотя исследователи из числа «старых специалистов» получили уникальную возможность непосредственно наблюдать могучее воздействие революции на лексику языка. Многое можно прочесть между строк в статьях и книгах о судьбе

русского языка в революционной России. Например, о том, что другого и не следовало ожидать «в стране с придушенным личным почином, жизнь которой искони в значительной степени определяется начальством».

Опыты ученого решения вопроса о «новых словечках и старых словах» (А. Г. Горнфельд) вскоре были свернуты. А вопрос о культуре письма и речи остался. И был весьма злободневным в течение всего времени, отведенного историей советской власти. Его не обошел вниманием даже тот, кто стал во главе рождавшегося в страшной гражданской войне государства. Одно дело, опираясь на силу народной массы и мастерски ею оперируя, сломать и в самом деле изрядно дискредитировавшие себя институты прежней власти, и совершенно другое — наблюдать, как эта самая масса безотчетно начинает разрушать «инструмент» идеологического воздействия и порабощения.

И в дальнейшем нельзя не отметить внимание к судьбе русского языка советских литераторов и ученых, а результаты их наблюдений, конечно же, были в поле зрения русских филологов за границей.

Проблема языка в условиях революции стала занимать и зарубежных исследователей (например А. Мазона), тем более что она оказалась в общем типичной в условиях прежних радикальных социально-политических изменений в других странах, в частности, напоминала судьбу языка в эпоху Французской революции.

С. И. Карцевский, талантливый русский филолог, один из создателей и активных членов Пражского лингвистического кружка, обращал внимание на связь слова и эпохи, его породившей. Перед нами проходят годы войны, фронт, тыл, Государственная дума, распутинство, революция, «мир без аннексий и контрибуций», совдеп, керени-

ада, кронштадцы, «краса и гордость революции», «большевицское восстание», Брест-Литовск, скоропадчина, корниловцы, деникинцы, совдепия, колчакизм, нет в книге только врангелиады.

Каждое слово еще живо трепещет и отзывается той атмосферой, в которой зародилось. Вот Либердан, «подхалимный танец» для «пролеткульских танцулек», вот «учредилровка», вот «селянский министр»; «керенки», «у ей керенки есть в чулке», поэт Блок; красногвардейцы, красноармейцы, «мешочники» забивают теплушки «Максима Горького»; приближается «похабный» Брест-Литовский мир и железнодорожники «викжеляют», викжеляют и интеллигенты-«саботанты», прежде чем спекульнуть и перейти на «советскую службу». «Обер-знахарь» Вильсон едет в Европу бороться с большевицской эпидемией, которая грозит «советизировать» всю «империалистическую» «Антанту». «Убедатель» Керенский «главноуговаривает».

Зарождается «самостийность», «скоропадчина», «хлебоборобы»; на юге собираются «белогвардейские банды» «золотопогонников»; в каждой деревне они стараются «мобилизнуть» лошадей и молодежь. «Деникинцы» и «Колчакизы» теснят «рабочее-крестьянское» правительство. «Комиссародержавие», «ВЧК», «самогон», «стенка», «чертова коробка», «в конверт и на почту», «комбеды», «коммуниры», «Хамовозы» и т. д., и т. д. » [15].

Показательно, что русское рассеяние живо откликнулось на открывшуюся в заграничной печати полемику о судьбе русского языка. Она продолжилась на заседаниях многочисленных русских объединений, в учебных заведениях, в ходе «дней русской культуры» и различных общественных мероприятий. «В хорошем обществе во время фэйф-о-клока принято говорить о засорении и порче

языка» [12], — иронизировал Дон-Аминадо (А. П. Шполянский).

О многом говорят устойчивые словосочетания, которые вошли в арсенал тех, кто обращался к этой теме: «За русский язык!», «За чистоту русского языка!», «В защиту русского языка!».

Русский язык, необходимый инструмент литературного творчества, его надобно было содержать в чистоте и порядке. Это понятно. Но он был и базовым элементом национального самосознания, его сбережение стало важнейшим условием будущего возрождения России.

Так судьба русского языка по одним причинам в Советской России, по другим — в русском рассеянии стала предметом особой заботы и внимания, «здесь» и «там» — после «двойной беды», навалившейся на Россию в начале минувшего века: войн (русско-японская и Первая мировая) и революций (Февральская и Октябрьская).

И чем острее и болезненнее переживалась утрата родины, тем значительнее и бесценнее становилось — осознанно или неосознанно — для абсолютного большинства из них то, что делает их русскими, самое русское в России (В. Вейдле), которое отнять, казалось, было невозможно никому и никогда. Изверившимся во всем другом, но сохранившим уверенно и свято этот высший, светлый и немеркнущий идеал — «великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!»

Можно привести множество примеров молитвенного отношения к языку и тех, кто занял выдающегося место в русской литературе (В. В. Набоков), и тех, кто, может быть, однажды осмелился на выражение своих чувств публично: «<Русский> язык что сверкающая риза на помутневшем лице иконы, что тавро на взлохмаченной шерсти кровного коня, язык — симфония, язык — иерихонская

труба, язык — гром и молния, язык — колыбельная песнь! Язык такой молитвы, какой еще люди не молились; такого вдохновения, какого люди еще не знали» [5, с. 187].

Языковая культура нуждалась в защите. Повод начать борьбу за язык представился очень скоро: в Советской России случилась орфографическая реформа. Ее провели большевики, и только по этой причине многие в беженской среде, непримиримо относившиеся ко всем без исключения новшествам новой власти, оценили ее как последний, завершающий удар по России.

История введения новой орфографии хорошо известна. Дискуссии о целесообразности реформирования орфографии велись задолго до революции и даже появления большевизма. Защитников старого правописания было немало. Были и сторонники. Многие отнеслись к новой орфографии нейтрально, обнаружили в ней известные достоинства, выступили против проявлений крайнего пурризма. Так или иначе, предложения реформы были одобрены авторитетной Академией наук.

Но введено было новое, «советское правописание» большевистским декретом, а это обстоятельство существенно меняло дело. И хотя противники «мануилицы» (по имени министра народного просвещения А. А. Мануйлова, или Мануилова, приложившего руку в июне 1917 г. к реформе), отрицали защиту ими прежнего правописания по политическим мотивам, у многих в русском рассеянии не было сомнений: орфографическая реформа — это очередное «злостное изобретение большевизма».

Не иначе как «проклятым правописанием» не называл новую орфографию И. А. Бунин. В «Окаянных днях» он писал: «По приказу самого Архангела Михаила никогда не приму большевистского правописания. Уж хотя бы по одному тому, что никогда человеческая рука не

писала ничего подобного тому, что пишется теперь по этому правописанию». Писатель отказывался читать даже интересующие его журналы, если они были напечатаны с применением «заборной» орфографии. «Ни один народ не позволял себе такой низости к своему языку», — вырвалось однажды у И. А. Бунина.

Принципиальным противником новой орфографии был И. А. Ильин: «Революционное кривописание погубило... драгоценную языковую работу целых поколений: оно сделало все возможное, чтобы напустить в русский язык как можно больше бессмыслицы и недоразумений. И русский народ не может и не должен мириться со вторжением этого варварского упрощения».

В 1930-е гг. книжная культура эмиграции постепенно отказывается от буквы «Ѣ». В 1931 г. М. И. Цветаева восторженно пишет о детских книжках в Советской России, книгах дошкольного возраста, тоненьких тетрадочках в 15–30 страниц («русская дошкольная книга — лучшая в мире»), и неожиданно заключает: «А с новой орфографией советую примириться, ибо: буква для человека, а не человек для буквы. Особенно если этот человек — ребенок».

Впрочем, журнал «Возрождение» перешел на новое правописание только в 1970 г.

Но даже в послевоенный период, когда вопрос об орфографии был не так актуален, как прежде, он сохранял политический подтекст. В 1947 г. И. А. Бунин писал Г. В. Адамовичу: «Россия вместе с союзниками победила Германию: очень рад, но почему вследствие этого я вдруг должен был начать писать, как Михрютка?» [3, с. 56–57].

А вот отрывок из ответного письма автора «Одиночества и свободы»: «Я сам предпочитаю орфографию старую, но сейчас это вопрос политический, а не орфографический, и в этом-то все и дело. Если бы я был редактором

журнала, и Пушкин прислал бы мне стихи с требованием оставить «ѣ» и «ъ», я бы стихи ему вернул.

Конечно, старая орфография лучше. Но нет *никакой* надежды ее отстоять и Россию к ней вновь обратить. *Никакой надежды*. Значит, не надо упорствовать на позициях безнадежных, да и не так уж и верных. С орфографией заодно мы можем при таком поведении погубить и многое другое, что нам много дороже» [3, с. 57].

Впрочем, в среде эмиграции оценка новой орфографии не была однозначно отрицательной с первых дней ее проведения. Вот некоторые аргументы в пользу реформы из статьи фольклориста и этнографа А. Д. Григорьева, ранее помещенной в журнале «Русская школа за рубежом»: русское правописание, вследствие изменений в языке, изменялось постепенно все время, начиная с XII и даже XI в.; современная реформа его является только одной из ступеней этого постепенного изменения; она ведет к несомненному упрощению, а следовательно, и облегчению правописания, устраняя в большинстве случаев излишние буквы и привитые русской грамматике чисто искусственным путем формы; новое правописание, несмотря на кажущуюся преждевременность и непоследовательность некоторых немногих своих правил, представляет несомненный прогресс по сравнению со старым правописанием.

И еще одно авторитетное мнение, С. И. Карцевского: «Новая орфография не затронула ничуть ни одной из важнейших основ русского правописания; русский алфавит, как система, ничуть не пострадал... О «ненаучности» и «безграмотности» новой орфографии говорить могут только люди в этих вещах некомпетентные. Считать реформированное правописание «безобразным», «неэстетичным» — дело вкуса и привычки» [15].

Постоянное, напряженно-эмоциональное, не ослабевающее с годами внимание проявляли деятели русской эмиграции к состоянию русского языка в «Совдепии». Среди них было немало патриотически настроенных любителей. Позиция ученых-филологов была, естественно, профессиональной. Они обратили внимание на то, что изменения в языке, во-первых, не стоит связывать исключительно с большевиками и большевистской властью («большевики не вчера родились»), а во-вторых, судьба русского языка в условиях социально-политического катаклизма легко вводится в мировой культурно-исторический контекст.

С. И. Карцевский, и не только он один, доказывал, что расхожие слова о «революции в языке» неуместны, а «языковые изменения последних лет не могут рассматриваться вне связи с предшествующей волной новшеств, восходящей к эпохе около 1905 г., ибо и события наших дней есть только одно из звеньев в цепи социально-политических потрясений, начало которой надо полагать около 1905 года...».

Историк и публицист Е. В. Спекторский винил в «бедах» русского языка Февральскую революцию. Благодаря ей был сделан первый шаг по подрыву русского языка денационализацией, а Октябрьская дополнила ее интернационализацией. Ее вожди, уровень культуры и образования которых никак не соответствует должностям, занимаемым ими на разных ступеньках бюрократической лестницы, несут главную ответственность за уродование языка («косноязычный сон ее гнетет» — это из «Молитвы» В. В. Набокова). «Зараза идет сверху, от вождей, от литературской надуманности, газетного щегольства иностранщиной, от чудовищных в своей безграмотности речей с эстрад и кафедр, и все это мутным потоком мчится,

как с горы в дол, на улицы, заливая квартиры, кабинеты начальства, совещательные комнаты, тексты резолюций».

В целом же разброс в характеристиках языковых изменений был велик. Но особенно болезненно эмигранты переживали лавинообразный поток переименований и сокращений. Многочисленные примеры, приводившиеся в русской зарубежной печати, могли смутить самого лояльного к новшествам читателя.

На первом месте в скорбном перечне языковых потерь была утрата имени Россия. Этот факт стал ошеломляющим для миллионов русских людей. Его болезненно восприняли писатели, ученые, общественные и политические деятели, решительно расходящиеся друг с другом в пристрастиях и художественных вкусах. К. Д. Бальмонт восклицал: «Пресвятой Николай Угодник, помоги мне! Вывези меня на купринских пегих лошадях из царства нежитей и адского окружения! Этот сатанинский набор слов, притязающий быть научным и в самоослепении полагающий являть из себя словосочетание языка русского, оттуда же, где Россия превратилась в РСФСР, а потом обернулась в СССР, где, протестуяще манифестируя триумф коммунистической идеи и манифестацией пропагандно гипнотизируя весь комплекс цивилизации, солидаризируются ВЦИК, ЧК, Сорабис, рабфаки, Центротук и комсомол».

У философа Б. П. Вышеславцева вырвалось в «Парадоксах коммунизма» (1926): «Русская поэзия, русская музыка, русский язык отказываются вмещать марксизм. Как тут быть? Пришлось изменить язык, переименовать города и даже переименовать Россию».

Деятели русской культуры за рубежом решительно выступили против гонения большевиков на церковь. Оно отрицательно сказалось не только на нравственном состоянии народа, но и на образовании и культуре, в том числе

культуре языковой (А. Л. Бем, Вяч. И. Иванов). Обмирщение языка, «секуляризация правописания», защищавшиеся П. Н. Сакулиным, вызывали у них резкий протест. «Подобным же образом кустари новейшей украинской словесности хватают пригоршнями польские слова, лишь бы вытеснить и искоренить речения церковно-славянские из преобразуемого ими в самостийную молвь наречия, — писал Вяч. И. Иванов. — Наши языковеды, конечно, вправе гордиться успешным решением чисто научной задачи, заключавшейся в выделении исконно-русских составных частей нашего двуипостасного языка; но теоретическое различие элементов русских и церковно-славянских отнюдь не оправдывает произвольных новшеств, будто бы “в русском духе”, и общего увлечения практическим провинциализмом, каким должно быть признано вожделение сузить великое вместилище нашей вселенской славы, обрусить — смешно сказать! — живую русскую речь. Им самим слишком ведомо, что, пока звучит она, будут звучать в ней родным, неотъемлемо-присущим ей звуком и когда-то напетые над ее колыбелью далекие слова, как “рождении” и “воскресение”, “власть” и “слава”, “блаженство” и “сладость”, “благодарность” и “надежда”...

Нет, не может быть обмирщен в глубинах своих русский язык! И довольно народу, немощствующему про свое и лопочущему только что разобранным по складам чужое, довольно ему заговорить по-своему, по-русски, чтобы вспомнить и Мать сыру-Землю с ее глубинной правдой, и Бога в вышних с Его законом».

Предельно четкую позицию занял в строго научной статье «Церковь и русский литературный язык» А. Л. Бем: «Борьба с Церковью в сов. России и насаждение безбожия имело своим следствием оскудение русского языка, подрыв в нем одного из существенных элементов, связанного

с наследием вековой греко-болгарской культуры. Это обеднение языка находится в прямой связи с ослаблением Церкви, являвшейся на протяжении вековой истории России носительницей и охранительницей церковной струи русского литературного языка».

В то же время многие зарубежные деятели русской культуры отчетливо понимали, что реально существующие проблемы бытования русского языка на родине не могут заслонить очевидного: язык живет и развивается, потому что сохраняется его живой источник — русский народ. Россия продолжает говорить по-русски. Ни «казенные слова-погремушки», «ни тарабарское наречие», на котором говорят и пишут представители власти, не в силах уничтожить выдающиеся природные свойства и качества языка. Русская классика по-прежнему окружена читательской любовью и привязанностью. Наконец, в Советской России появляются произведения писателей, продолжающие и развивающие великие традиции отечественной литературы. Перспективы же литературного процесса за пределами родины туманны.

Впрочем, были и иные мнения: эмигранты-литературы представляют «наследственную культуру», а те, кто остался в Советской России «бессознательно пользуются языком».

Предметом особой заботы Русского зарубежья была судьба русского языка в связи с пребыванием его в иноязычной среде. К «большевицкой порче языка» присоединилась «порча эмигрантская» (Е. В. Спекторский). Ключевым в спорах о судьбе русских эмигрантов, особенно подрастающего поколения, стало слово «денационализация».

«Группа по борьбе с денационализацией русской молодежи» призвала спасти русских детей от пресловутой

«денационализации» и предложила развернутую программу деятельности, включавшую, в частности, издание русских учебников и пособий, географических карт России, картин русских художников.

С этими и аналогичными им предложениями трудно было не согласиться. Но выслушаем и другую сторону, аргументы которой возвращают нас к стержневой проблеме русской общественной мысли. «Денационализация – вот неуклюжее иностранное слово, овладевшее русскими умами. При первом соприкосновении с иностранной почвой страх денационализации заставил многих отказаться от знакомства с чужой культурой во имя спасения своей. Отгородиться, обособиться, сосредоточиться в своем кругу, упрямо отворачиваясь от соблазнов иностранной жизни, казалось многим патриотической обязанностью. Как будто грибоедовское пожелание заимствовать у китайцев «премудрое у них незнание иноземцев» нежданно осуществилось именно тогда, когда русские очутились в центре европейской культуры... Отгороженность от чужой жизни, замкнутость в собственном кругу создают опасность некоей провинциальной психологии: вместо сопоставления с происходящим у других, масштабы строятся лишь по тому, что делается у себя, – и, естественно, многое преувеличивается, а многое недооценивается...

На самом деле никакой непримиримости между русским национальным самосознанием и принятием европейской жизни нет. Чтобы хранить и развивать русский язык, нет надобности отказываться от знания языков иностранных. Чтобы ценить русскую культуру, нет основания пренебрегать культурой европейской. Напротив, чем внимательнее, чем полнее будем мы вглядываться в окружающую нас жизнь, чем больше будет у нас с ней внутрен-

них связей и чем старательнее будем мы изучать культурные ценности приютивших нас стран, тем вернее и плодотворнее становится наше служение культуре русской. Нерушимость мыслей о России не исключает внимания к той стране, где мы находимся.

Что и говорит, многое разъединяло русскую интеллигенцию на чужбине. Но в одном она была все же единодушна: тревоге за судьбу тех, кто заменит старое поколение, когда придет время выполнения эмиграцией исторической миссии в свободной от большевиков России. Борьба за русский язык в школе объединяла и тех, кто панически боялся денационализации, и тех, кто был уверен, что забота о чистоте русского языка не исключает освоения великого наследия европейской культуры, к чему всегда стремились пытливые русские умы. Исключительную роль в защите и пропаганде русского языка сыграли педагогические журналы «Русская школа за рубежом» (1923–1929, Прага), «Русская школа (1934–1940, Прага), «Бюллетень Религиозно-педагогического кабинета» (1928–1956, Париж). Педагогические журналы издавались в Берлине, Варшаве, Харбине, Риге, Шанхае, Сан-Франциско и других городах [16].

Образцом для правильного русского языка была классика XIX века. Не случайно большинство авторов постоянно ссылаются на А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого. В юбилейном 1924 г. пушкинский праздник был осознан эмигрантами как символ верности русскому культурному наследию, день рождения поэта стал Днем русской культуры и широко отмечался во всех уголках Зарубежной России. Имя А. С. Пушкина стало основой «идеологии» эмиграции, средством ее культурного единения и духовного выживания.

После Второй мировой войны полемика о русском языке обретает второе дыхание. С одной стороны, это связано с существенным количественным ростом русской эмиграции; представители новой волны, по мнению «старых» эмигрантов, прожив многие годы в Советском Союзе, говорят «по-советски». Критика «советского языка» достаточно политизирована. Эмигранты «второй волны» говорят на языке, отражающем «духовную нищету большевизма». «Советский язык» представляет явную угрозу для «эмигрантского», правильного русского языка. От «советизированного языка» остается один шаг до «советизированных мыслей» [10].

«Борьба за русский язык» вступает в новый этап. Появляются новые организации, например, «Союз для защиты чистоты русского языка» во Франции, который издает журнал «Русская речь».

В 1955 г. увидело свет капитальное исследование о русском языке в СССР. А. Гендлин вспоминает, что на даче Чуковского он впервые увидел эту работу. «Умная и цельная книга, — сказал К. И., он разрешил ее посмотреть. — Вот что надо издавать и переиздавать в первую очередь». На столике с закладками лежала книга Андрея и Татьяны Фесенко «Русский язык при Советах».

Это было крупное и серьезное психо-социо-лингвистическое исследование, как охарактеризовала его М. Е. Бабичева [1], стараниями которой отечественный читатель получил возможность углубить свои представления о писателях второй волны русской эмиграции.

Исследование А. и Т. Фесенко состоит из девяти глав. Последовательно рассматривается влияние этногеографических факторов на русский язык после Октябрьской революции, изучаются «блатные» элементы «советского» языка, язык советской поэзии, язык войны и послевоен-

ного периода. Многочисленные примеры, приводимые авторами из истории русского языка в советскую эпоху, может быть, помогут нынешнему читателю лучше понять не такую уж и далекую нашу историю. Как отмечалось выше, многие работы деятелей культуры русской эмиграции, посвященные русскому языку, нередко помимо воли их авторов, перерастали границы чистой лингвистики. Труд А. и Т. Фесенко «Русский язык при Советах» из этого списка. На один из выводов авторов следовало бы обратить особое внимание историков советского общества и государства, советской цивилизации: «Советский язык является блестящим документом не только многообразия форм лингвистического развития, но и фиксирует во всех тонкостях ход развития советской жизни».

С 1990-х гг. в отечественной науке ведутся активные и плодотворные лингвистические исследования, посвященные формам существования русского языка за рубежом (Н. И. Голубевой-Монаткиной, Л. М. Грановской, Н. А. Кожевниковой и др.) [17]. Изучение русского эмигрантского языка, в первую очередь безупречного и чистого языка выдающихся русских писателей, оказавшихся в изгнании, лишний раз подтверждает жизнеспособность великой русской культуры, ее непреходящее значение в мировом цивилизационном развитии. И, конечно же, позволяет оптимистически взгляды в ее будущее.

Но насколько злободневным является напоминание современникам о давних спорах о русском языке, о борьбе за русский язык, которую неустанно, насколько хватало сил, вели деятели русской культуры в рассеянии, в чем-то, возможно, ошибаясь, по человеческим или политическим мотивам, будучи настроенными пуристически, или, напротив, полагаясь на великую жизненную силу русского языка, который переживет все чуждое его природе

и строю и выйдет из испытаний еще более могучим и свободным? Безусловно, нынешняя языковая ситуация, наша сегодняшняя разговорная и письменная речь обращает нас к опыту тех, кто в несравненно более сложных условиях защищал свое национальное достояние.

И еще один аргумент, вводящий нас в сегодняшнюю общественную и политическую атмосферу. Он из статьи «Русский язык» (1923) Ю. А. Яворского, львовского поэта и филолога: «...Создавало, образовало этот русский язык не одно какое-нибудь его колено, не одна какая-нибудь область его в отдельности, а все русское племя сообща, на целом необъятном пространстве родной страны, на всем многоцветном протяжении своего исторического развития. Как в общую, заветную житницу, вносили в него свои лучшие и самые яркие цветы и соки, свои заветнейшие думы и грезы и южане, и северяне, велико-мало-бело и червонно-россы, Новгород и Вильна, Москва и Киев и Галич.

Однако, с другой стороны, если ни одно из отдельных русских племен не имеет основания и права признавать и присваивать себе этот общий, всерусский язык в свою частную и исключительную собственность, то, тем более, ни одно из них ныне не смеет тоже, в свою очередь, и почему-либо отречься и отказываться от него. Это было бы и невежественно, и неблагодарно, и до безумия нелепо, и до предательства преступно и подло. Это было бы изуверское самооскопление, культурное самоубийство его. Легкомысленное возвращение к первоначальной тьме и мрази, к первобытному хаосу и бреду национального бытия.

Лишившись вдруг, в безумном порыве самодурского или злоумышленного отречения, великого и совершенного языка богатой образованности и культуры, выработанного многими веками народной самодеятельности и творческой работы многих поколений, — это несчастное и

безрассудное племя возвратилось бы снова к косноязычному лепету и жалкому одичанию своих истоков и обрело бы себя, без сомнения, на верную и неизбежную духовную и национальную гибель» [20, с. 6-12].

* * *

Несколько лет назад традиционная коммерческая реклама столичного метро была разбавлена «рекламой» социальной — известными афоризмами двух философов: английского Фрэнсиса Бэкона «Любовь к Родине начинается с семьи» и американского Джорджа Сантаяны «Семья — один из шедевров природы». Блогосфера не замедлила откликнуться ироническими, впрочем, вполне добродушными замечаниями. Фоном афоризма англичанина были трудно определяемые даже ботаниками цветочки и непременно матрешка, а американца (испанского происхождения) — облик счастливой европейской семьи, как будто только что сошедшей с советского плаката застойного периода и угодившей прямо в райские кущи.

Не ставя под сомнение точность и красоту «заграничных» высказываний на столь трепетную тему, как семья и родина, уместно вспомнить и отечественные образцы, тем более что их авторы все же более близки русскому человеку по духу, культуре, внутренним переживаниям и ощущению истории.

И, конечно, в этом объемистом собрании особое место заняли бы те, кто не отвлеченно, умозрительно, но катастрофически, эсхатологически пережил, прочувствовал и осмыслил в минувшем веке знаменитые строки национального гения о двух дивно близких нам чувствах — любви к родному пепелищу, любви к отеческим гробам. Наши соотечественники, отданные на «растерзание

тигру-веку», разлученные с родиной, пережившие эту разлуку так, как не переживал ее никто и нигде — ни прежде, ни теперь, оставили нам наследство, значение которого не раскрывается сразу, но со временем становится незаменимым подспорьем, а порой и руководством в разрешении проблем сегодняшнего дня.

Скажем, разве не поможет многим нашим современникам определить свое отношение к недавнему прошлому И. А. Ильин, пророчествуя из 30-х гг. XX в. обстоятельства распада огромной державы и убеждая, что, «если когда-нибудь начнется выбор между частью территории и пробуждением народа к свободе и духовной жизни, то истинный патриот не будет колебаться, ибо нельзя делать из территории или хозяйства, или богатства, или даже простой жизни многих людей некий фетиш и отрекаться ради него от *главного и священного* — от духовной жизни народа.

Именно духовная жизнь есть то, за *что и ради чего* можно и должно любить свой народ, бороться за него и погибнуть за него. В ней сущность родины, та сущность, которую стоит любить больше себя, которою стоит жить именно потому, что за нее стоит и умереть» [13].

Или В. В. Вейдле: «Пора вернуться в Россию. Не нам, а России: детям и внукам всех тех, с кем мы расстались, когда мы расстались с ней. Пора им зажечь в обновленной, но все же в той самой стране, где мы некогда жили, в России-Европе, в России, чья родина — Европа. Из нерусского, мирового по замыслу, но Европе враждебного СССР пора им вернуться в Россию и тем самым в Европу; пора вернуться на родину. Они и сами это знают, с каждым годом все лучше, без нашего совета. Возвращение уже началось. Когда оно завершится, пусть не будет нас больше в живых, вернемся и мы в Россию, вернутся все те, кто умер вдали от нее, сохранив ей верность, сохранив

верность России-Европе, в те годы, когда безымянная страна, занявшая ее место, отреклась от нее, отреклась от России и от Европы. Это возвращение тоже началось. Другого и быть не может для тех, кому перестала быть родной страна, отрешаясь от собственной родины» [4, с. 15].

Наконец, Н. А. Бердяев: «Вопрос о возвращении на родину для меня очень болезненный. Сердце сочится кровью, когда я думаю о России, а думаю очень часто. Много думаю о трагедии русской культуры, о русских разрывах, которых в такой форме не знали народы Запада. Есть что-то мучительное в русской судьбе. И ее нужно до конца изживать» [2].

Несмотря на неповторимость творческого облика, жизненной судьбы, масштаба таланта русских эмигрантов, испытывавших острую потребность поделиться своими чувствами о родине и семье в годы рассеяния, уместно говорить о коллективном психологическом переживании, сохраненной общей памяти об утраченной родине, которая, казалось, дана им от Бога по праву рождения и будет принадлежать без изъятия до конца жизни.

Вот почти выбранные наудачу слова о Родине и Семье — в данном случае именно так, с заглавной буквы — русских эмигрантов минувшего века. «Душе нужно лоно родины, нужна близкая, родная среда, которую можно было бы любить, в которую можно было бы погружаться (В. В. Зеньковский). «Моя родина есть прекрасный дар Божий, благословение и напутствие на всю жизнь... Она раскрывается мне, как первозданная улыбка Софии Божественной, которой она позвала, приласкав меня как младенца, и тихим, тихим шепотом сказала мне свое имя» (С. Н. Булгаков). «Россия — наша Родина и наше Отечество — страна, где мы родились, страна, созданная нашими предками! Всем этим мы от рождения дышали, как воздухом,

— воздухом, которого даже не замечаешь, но без которого жить невозможно... Любовь к Родине сплетается в нашем представлении с картинами дорогих нам родных мест; любовь к Отечеству связывается с памятью о наших отцах и дедах» (С. Е. Трубецкой). «Одна есть у нас надежда, скрытая под спудом сомнений, горечи и отрицания. Эта надежда — вера в воскресение к былому величию и славе дорогой нашей Родины. Если бы не было у нас этой веры, стыдно и преступно было бы нам называть себя русскими людьми, сынами земли, нас вскормившей» (П. Д. Долгоруков). «Святыни бывают различные, и различна их иерархия. Но бесспорно среди них место Родины. У кого есть настоящая Родина и чувство ее, тот не нищ» (Б. К. Зайцев). «Семья есть первый, естественный и в то же время священный союз, в который человек вступает в силу необходимости. Он призван строить этот союз на *любви*, на *вере* и на *свободе*, научиться в нем первым совестным движениям сердца и подняться от него к дальнейшим формам человеческого духовного единения — *родине* и *государству*» (И. А. Ильин). «Родина, это не территория плюс народонаселение, и даже не просто семья и родной дом. Кошки привыкают к дому, собаки к людям, и привязанности человека, вырастающие из этих животных привязанностей, святы, нужны и неотъемлемы от его человеческого естества. Но все же родину любит он не одной собачьей или кошачьей любовью. Облик ее, живущий в его душе, к одним ощущениям не сводим, так что способен и вовсе обойтись без запаха березового листа и вкуса гречневой каши. Россия, это духовное, умопостигаемое целое, меняющееся во времени, да и окрашенное для каждого слегка по иному, но все же очерченное с достаточной ясностью и пребывающее не в прошлом только, но и в связи будущего с прошлым» (В. В. Вейдле). «С «Войной и

миром» связано для меня чувство родины, может быть, единственное чувство родины» (Н. А. Бердяев).

В знаменитой философской автобиографии «Самопознание» Н. А. Бердяев был откровенно и сознательно эгоцентричен. Но, кажется, под этими строками подписался бы каждый из русских эмигрантов: «Мне пришлось жить в эпоху катастрофическую и для моей родины, и для всего мира. На моих глазах рушились целые миры и возникали новые. Я мог наблюдать необычайную превратность человеческих судеб. Я видел трансформации, приспособления и измены людей, и это, может быть, было самое тяжелое в жизни... Эпохи, столь наполненные событиями и изменениями, принято считать интересными и значительными, но это же эпохи несчастные и страдальческие для отдельных людей, для целых поколений. История не падает человеческой личности и даже не замечает ее».

Десятилетия отделяют нас, современников, от эпохи, составной частью которой была драма русской эмиграции. Кардинально изменился мир, мы живем в новой России. Но сколько явных и неувимых сближений между прошлым и настоящим! Например, общее понимание непреходящей ценности семьи для жизни и развития человека, важности семьи в жизни общества, ее роли в воспитании новых поколений.

Отдавая себе отчет в том, что проблемы современной российской семьи, корнями уходящие в прошлое, к сожалению, умножающиеся в годы кардинальной социальной трансформации, а разрешающиеся недопустимо и тревожно медленно, мы, тем не менее, остаемся верны идеалам семьи, подсказанным русскими мыслителями: семья — первичное лоно человеческой культуры, живая «лаборатория» человеческих судеб — личных и народных, первоначальная, исходная ячейка духовности...

Естественно, что при таком подходе к истории русского рассеяния в центре внимания оказывается семья. Тем более что большая часть русского рассеяния была представлена молодыми людьми, детьми. Именно семья стала в эмиграции сосредоточением русской религиозной и культурной традиции, сыграла определяющую роль в воспитании детей в «русском духе». Семейные ценности способствовали сохранению, сбережению памяти об исторической родине и о прошлом, пусть несколько приукрашенном, досоветской русской семьи: родители были счастливы в браке, жили в ладу, семья была религиозная, благочинная, местом усиленного духовного и культурного роста...

Под тесным чужим небом (Ю. К. Терапиано) семья превратилась в маленький островок отечества в безбрежной среде иной жизни, быта, общественных отношений. Многие семьи эмигрантского рассеяния стали центрами русской диаспоры в отдельных странах и регионах. Нередко семьи создавались и вырастали вне родины и, по словам одного из мемуаристов, спланивались вокруг невидимого внутреннего сияния матери — этого очага семьи. Семья оказалась могучим средством борьбы с денационализацией, по мере сил она (как и русская школа) препятствовала набиравшей с течением времени силу ассимиляции русских изгнанников.

Но было и другое: распад семей, в том числе вследствие глубокой нищеты и безысходности, трудности взаимоотношений детей и родителей, приводившие к семейным трагедиям, жизнь вне семьи, оставшейся в Советской России, невозможность создания счастливой и полнокровной семьи многими эмигрантами. Непропорционально высок был процент одиноких мужчин. А одинокие русские женщины даже создали свою организацию. «Любовь, которой не было всерьез, / Изгнанника

печальные приметы», – строки из стихотворения Ю. К. Терапиано.

Печальные слова из доклада митрополита Иоанна Шанхайского (с 1963 г. Сан-Францисского) Всезарубежному Собору 1938 г. : «Упадок нравов среди нас особенно ярко сказывается в области семейных отношений. Происходит там то, чему бы 25 лет назад никто не поверил. Святыня брака словно перестала существовать, и брак обратился в обычную сделку. Множество почтенных супругов, десятки лет живших в счастливом, казалось, и нерушимом браке, расторгли свои брачные узы и связались новыми... Вновь заключаемые браки, как у людей пожилых, так и у молодежи, не отличаются никакой прочностью. Обычным явлением стали прошения о расторжении браков через несколько месяцев после их заключения... После расторжения брака быстро вступают в новый, столь же непрочный, а затем часто и в третий» [14].

Исключительную роль сыграли семьи в образовании детей. Желание дать такое образование, «чтобы дети оставались русскими», толкало родителей на любые жертвы, особенно тогда, когда они сохраняли хотя бы малейшую надежду на возвращение домой. Они отправляли своих детей в частные школы, разговаривали по-русски дома, старались подавить естественное стремление своих детей адаптироваться к нерусскому окружению.

Все это так. Но среди документов эпохи тягостное впечатление остается от ознакомления со многими сотнями сочинений-воспоминаний учащихся русских эмигрантских школ, а также исследований-комментариев к ним русских педагогов, деятелей русского просвещения [8].

На основании анализа детских сочинений русские педагоги констатировали ослабление роли семьи в жизни ребенка. Быт семей, по их мнению, создает в подавляю-

цем большинству случаев весьма неблагоприятные духовные и моральные условия для воспитания детей. В то же время «в эмиграции наши дети, еще не изжившие эвакуации, когда члены семьи часто теряли друг друга надолго, когда семьи соединялись в целое после долгих и тяжелых испытаний, держатся крепче за семью. Но это одно не объясняет всей напряженности семейных чувств: дело не только в том, что дети не изжили тяжелых воспоминаний об эвакуации, но и в том, что семья для многих есть остаток былого, есть живая часть большого, но утерянного целого. На семью переносят ныне дети свои юные запросы, к семье прижимаются как к последней твердыне, последнему остатку разрушенной жизни».

А родина, отечество... Специально исследовавший чувство родины у детей П. Д. Долгоруков писал: «Воспоминания о родине, тоска по ней, трепетная к ней любовь, надежда на возвращение в нее и желание работать над ее возрождением проходят красной нитью почти через все ученические работы...» [11].

Пронзительные, предельно откровенные, страстные мысли о родине, детские, но такие зрелые, выношенные трагическим опытом страшных историй, свидетелями и участниками которых они стали на родине и в эмиграции, поразили русских изгнанников. Они не оставляют равнодушными и сегодняшнего читателя.

«С каждым годом тяжелее жить в изгнании и все крепнет любовь к Родине».

«Все невзгоды и лишения, которые пришлось мне пережить на чужбине, еще более укрепили веру в Россию».

«Россия, только великая Россия, — больше ничего у меня не осталось!»

«Только твердая вера в Россию и русский народ удерживала меня от отчаяния».

«У меня ничего нет собственного, кроме сознания, что я русский человек».

«Любовь и вера в Россию — это все наше богатство. Если и это потеряем, то жизнь для нас будет бесцельной».

«Оторванный от родной земли, я здесь полюбил ее так горячо» [11].

Первые читатели сочинений-воспоминаний, русские педагоги, заметив, как расширяются понятия семьи и родины в формирующемся мировоззрении детей, сопереживая с ними, сострадая им и сами страдая, поднялись вместе с ними до поистине вселенского взгляда на свою судьбу, когда человеческая личность, семья, родина, человечество предстают в нерушимом единстве. А в судьбе родной земли открывается смысл Священного писания: семья, отечество и мир (С. М. Рафальский). Поистине, именно на чужой стороне они вросли в землю своей родины, но глаза и душа обзрели весь мир. И дополняли его. «Возникновение эмиграции подобно сотворению мира», — писал Б. Ю. Поплавский.

Тема эмигрантской семьи и отнятой у русского человека родины (причем русскими же) и в самом деле не имеет сколько-нибудь ограничительных рамок. В ней неизменно присутствуют история, культура, религия, школа. «..Семья призвана воспринимать, поддерживать и передавать из поколения в поколение некую *духовно-религиозную, национальную и отечественную традицию*. Из этой семейной традиции и благодаря ей возникла вся наша индоевропейская и христианская культура — культура *священного очага семьи*: с ее благоговеиным почитанием предков, с ее идеей священной межи, огораживающей родовые могилы; с ее исторически слагающимися национальными обычаями и нарядами. Это семья создала и выносила культуру национального чувства и патриоти-

ческой верности. И сама идея «родины» — лона моего рождения, и «отечества», земного гнезда моих отцов и предков — возникла из недр семьи как телесного и духовного единства. Семья есть для ребенка первое *родное место* на земле; сначала — место-жилище, источник тепла и питания, потом — место осознанной любви и духовного понимания. Семья есть для ребенка первое «*мы*», возникшее из любви и добровольного служения, где *один стоит за всех и все за одного*. Она есть для него лона естественной солидарности, где взаимная любовь превращает долг в радость и держит всегда открытыми священные врата совести. Она есть для него *школа взаимного доверия и совместного, организованного действия*» [13].

П. А. Сорокин заметил однажды, что родители и учителя в своей совокупности влияли на ход истории своего народа не меньше, а больше, чем глава государства или глава церкви. А какой представлялась миссия родителей и учителей в русском эмигрантском рассеянии? Замечательный педагог Русского зарубежья А. Л. Бем писал, что особые условия, в которых находятся дети эмиграции, меняют традиционные представления о школе. Это должна быть школа физического и психического здоровья, школа, не дополняющая, как прежде, семью, но во многих случаях восполняющая ее. «Школа-дом. Школа-семья, школа — родной дом — вот что властно требует от нас жизнь... Школа для детей, столько испытавших, не просто место учения. Для них в большинстве случаев со школой связано возвращение к нормальной жизни; здесь они могли забыть себя детьми» [11].

Колоссальное количество бесценных «жизненных отчетов» (И. В. Гессен) о драматическом, беспрецедентном в мировой истории социокультурном и политиче-

ском явлении, каким было Русское зарубежье, мало-помалу систематизируется, подвергается библиографическому описанию, вводится в научный и общественный оборот. И источники, и литература по истории русского рассеяния образуют весьма внушительный информационный массив эмигрантики (термин Н. Е. Андреева). Внушительные результаты научного освоения наследия русской эмиграции подтверждаются многочисленными аннотированными указателями, библиографическими обзором, архивными справочниками.

Современная историография русского эмигрантского рассеяния содержит немало исследований, в которых восстановлена история отдельных семей и целых родов. Имеются работы, относящиеся к т. н. поколенческой истории русской эмиграции. Раскрыты детали и обстоятельства отъезда или бегства семей из России, разъединения или воссоединения членов семьи. Изучены обстоятельства первых месяцев устройства семьи на новом месте, переезды семей, география ее местопребывания, попытки приспособиться к новым условиям жизни, поиски работы, места обучения детей. Собран богатый материал об образе жизни семей, взаимоотношениях ее членов с окружающим миром. Приведено немало данных о включении семьи в общественную жизнь русской эмиграции, об участии семьи в воспитании детей, в жизни русской школы, внутрисемейных отношениях. Известно в общих чертах, как обсуждались в семье вопросы общественной и политической жизни, в том числе события, происходившие в новой России, как приобщалась русская семья к традиционным и мировым культурным ценностям. Восстанавливается история духовного служения Отечеству потомков русской эмиграции.

Словом, эмигрантика в части, прямо или опосредованно относящейся к теме семьи и отечества, весьма представительна. Но на первом плане в дошедших до нас источниках — «тончайший дым воспоминаний» об ушедшем прошлом и судьбе самых близких людей, о проникновенном чувстве семьи и Отечества в русском эмигрантском рассеянии.

Глубокие ностальгические чувства, переживаемые авторами, побуждали к воспоминаниям о прежней жизни, семье, что несколько смягчало неизбывную тоску. Они как бы заново переживали прошлое, восстанавливали его. Так возвращалось к ним противоестественным образом уничтоженное прошлое.

В невольной, насильственной эмиграции память особенно обострялась, то, что прежде казалось несущественным, частным, почти интимным, неожиданно приобретало социальный характер и даже общенациональное звучание. Осознавалось, что даже частные детали могут будущим поколениям понять и объяснить эпоху и место в нем отдельного человека. Мучительная и мутная современность побуждала жить прошлым, особенно теми ее страницами, где изгнанники были юными, жили в семье, в окружении любящих людей, когда настоящее совпадало с неведомым будущим, и оно казалось таким же радостным и светлым, как сегодняшний день. Мемуаристы любовно восстанавливают даже самые незначительные, пустяковые детали и подробности. Все, что скупо сохранилось в памяти, имеет для них непреходящее значение и связывает их с родными местами. Это может быть и сентиментальная любовь к акварельным краскам русской равнины, как, например, у М. А. Осоргина. «К склонам крутобедрой речки, поросшей ивняком и ольхой. К золотой ниве, через которую протоптана узкая

дорожка, а колос — в рост человека. К белым, маслятам и рыжикам в мягких мхах. К стаду коров, кейфующему в воде по брюхо. К душистому мятному пару первого утреннего припека на лужке меж молодых сосен и берез. К липе цветущей, к лиловой и белой сирени, к грешной, но ласковой лени, только России присущей, к сумеркам длительным, к тени вечерней, скользящей неслышно и плавно, и ко всему, что в этой стране, — неимущей, хмельной, просящей и удивительной, — просто, не пышно, но акварельно, и мягко, и славно» [18, с. 214].

Что вышло бы из-под эмигрантского пера, если бы мемуары писались на родине — кто знает? Но в изгнании, отчетливо понимая, что прошлое, частная жизнь не восстанавливаемы не только по естественной причине — ведь нет страны, в которой эта жизнь протекала, что все ушло — и сама Россия потеряна для них безвозвратно, русские эмигранты, вольно или невольно, придавали своим воспоминаниям о семье и родине исповедальный характер.

При этом чувство к родине никоим образом не распространялось на власть, государство. Патриотизм эмигрантов, за редким исключением, решительно исключал политическую действительность. Или точнее: глубокое патриотическое чувство усиливало страдание за отечество, которым овладели темные и злые силы, и ссылка на слова апостола Павла «Несть бо власти, аще не от Бога» в данном случае неуместна: они имеют историческое, а не религиозное значение (Н. А. Бердяев).

Последствия событий в России рассматривались с точки зрения не партийной, не политической, а человеческой, религиозной. «Сейчас я уже не на Родине — на чужбине. Вокруг меня зеленые горы, пастбища, леса, скалы. Надо мной синее небо, светозарные тучи. Вы скажете, что и там было синее небо, и там светозарные тучи? Может

быть, но я их не видел; они были забрызганы, заплеваны, загажены; между небом и землей висел гнет бесправия, ненависти, смерти. И сама “равнодушная природа красую вечной” уже не сияла. Здесь она сияет...» [7].

В знаменитой парижской речи 1924 г. «Миссия русской эмиграции», отвечая тем, кто заподозрил его в хулах на Россию и русский народ, И. А. Бунин писал: «Россия! Кто смеет учить меня любви к ней? Один из недавних русских беженцев рассказывает, между прочим, в своих записках о тех забавах, которым предавались в одном местечке красноармейцы, как они убили однажды какого-то нищего старика (по их подозрениям, богатого), жившего в своей хибарке совсем одиноко, с одной худой собачонкой. Ах, говорится в записках, как ужасно металась и ныла эта собачонка вокруг трупа и какую лютую ненависть приобрела она после этого ко всем красноармейцам: лишь только завидит вдали красноармейскую шинель, тотчас же вихрем несется, захлебывается от яростного лая! Я прочел это с ужасом и восторгом, и вот молю Бога, чтобы Он до моего последнего издыхания продлил во мне подобную же собачью святую ненависть к русскому Каину. А моя любовь к русскому Авелю не нуждается даже в молитвах о поддержке ее. Пусть не всегда были подобны горнему снегу одежды белого ратника, — да святится во веки его память! Под триумфальными воротами галльской доблести неугасимо пылает жаркое пламя над гробом безвестного солдата. В дикой и ныне мертвой русской степи, где почиет белый ратник, тьма и пустота. Но знает Господь, что творит. Где те ворота, где то пламя, что были бы достойны этой могилы. Ибо там гроб Христовой России. И только ей одной поклонюсь я, в день, когда Ангел отвалит камень от гроба ее».

Мотивы, которые побуждали эмигрантов взяться за мемуары, были различными. Политики объясняли при-

чины своих неудач, военные искали и находили измену, и те, и другие сходились в стремлении расквитаться с прошлым. Именно таких воспоминателей имела в виду замечательная поэтесса, прозаик и публицист Ю. Сазонова: «Мемуары, мемуары, мемуары. Тридцать пять тысяч одних мемуаров. Белых, красных, довоенных, послевоенных, дореволюционных, послереволюционных. Все пишут, все вспоминают, каждый считает своим священным долгом довести до сведения потомства, как он проходил Оршу, о чем говорил в теплушках на станции Казатин и какая была погода в день падения Скоропадского. Ни один исторический процесс не имел такого количества постоянных очевидцев и годовых свидетелей... Нет такого самого захудалого секретаря уездной земской управы, который не мечтал бы о бессмертии. Любой министр в кабинете атамана Тютюника утрет нос и Тьеру и Ламартину. Поистине, жажда бессмертия овладела поколением, и прыжок в вечность сделался гимнастикой каждого дня» [19, с. 5].

Показательно, однако, что в военно-политической мемуарной литературе тема Родины и семьи в ее интимной, глубоко человеческой реальности или приглушена, или отсутствует. Вовсе не сведение счетов с прошлым, не попытки доказать свою правоту побуждали многих мемуаристов просто рассказать свою историю и историю своей семьи, поделиться своими чувствами об отечестве. «...Почему пишут воспоминания и автобиографии? Для чего? Они нужны, как свидетельства о преходящей и меняющейся жизни в мире, которого уже никогда не будет. Они нужны, как нужны напетые или наговоренные пластинки для запечатления игры, дикции, голоса ораторов, актеров, певцов. Автобиографии пишут для тех, кто придут после пишущего и, может быть, сделают лучше него. Трудно примириться с тем, что пережитой опыт ничему не учит,

никого не убеждает и ни от чего не предостерегает» (М. В. Вишняк).

Перенесенные на бумагу воспоминания о детстве, семье, близких порой облегчали душевные страдания, были способом смягчения тяжелого психологического стресса.

Придавая общественный смысл своим воспоминаниям, авторы все же в первую очередь адресуют их своим близким, молодому поколению. Социальное и чисто семейное, поколенческое значение воспоминаний порой неразлично. «...Если я смогу передать своим детям хотя бы самую незначительную частицу той любви, которая неразрывно связывает меня с моими родителями и дедом, то тем самым они крепче укоренятся и в любви к Отечеству, в любви к той России, которая является нашей общей Матерью» (С. Е. Трубецкой).

Конечно, немало русских изгнанников постарались забыть все, что произошло с ними, с их страной, с их семьей. Родина подернулась дымкой забвения. Растворение среди других народов стало целью. Денационализация казалась спасением. И. А. Ильин писал, что ему приходилось встречать в эмиграции людей, которые помнят два-три петербургских вида, свой домик в Тамбове или Твери или вид с Жигулей на Волгу. Но Россия для них — прошлое, отжившее, полузабытый сон, перевернутая страница...

Подобные взгляды у эмигрантов первой волны были исключением. Личные и семейные драмы, как правило, не только обостряли чувство родины, но и побуждали разобратся в нем, объясниться с читателем. Вот одно из пронзительных высказываний, С. М. Волконского: «*Родина!* Какое сложное понятие и, несмотря на сложность свою, какое сейчас неуловимое. Мы любим родину, — кто же не любит родины своей? Но что мы любим? Что? То, что было? То, что есть? Нет. То, что будет? Мы не знаем.

Страну нашу? Где она? Клочки одни. Народ наш? Где его лицо? За темнотой лица не видать. Думы нашей земли? В чем они выражаются? Голос нашей земли? Где он звучит?

Родина — это то, что внутри нас. Любовь к ней не зависит от земных условий. И если отдельные выводы тех, кто прочитает, окажутся соответственны душе каждого и соответственны между собой, тогда это соответствие и слияние этих соответствий и будет наша Родина. Она будет не реальна, но она будет сильна в своей метафизичности; она не будет вне нас, но тем сильнее будет в нас; она лишится узости земных границ и получит беспредельность личного сознания. И если, отрешаясь от земных условий, от привязанности к месту, мы в творческой памяти воссоздадим то, чего нет; если в тех горних высях, куда укрылся наш дух, сознание наше подернется влагой бесполезных сожалений, мы скажем вместе с поэтом: «Нет у нас родины, нет нам изгнания» — и на ровной поверхности когда-то возмущенно клокочущей души ощутим великое равновесие опрокинутого отражения».

Русские эмигранты оставили документальные свидетельства национальной катастрофы, преломленную через их семьи, родных и близких, свою собственную судьбу. Между родиной и страданием установилась неразрывная связь (А. Л. Бем), и не только у детей. Поколенческая история России знает рубежи, отделявшие отцов от детей вследствие глубоких политических и экономических перемен в государстве, отмена крепостного права, например. Но «большевицкая революция» в этом смысле беспрецедентна.

Чувства семьи и родины у русской эмиграции выражались в основном в границах прошлого и современной им исторической действительности. Но немало и опытов проектирования будущего. Речь, разумеется, идет не о политических прогнозах, их было множество, не о перспек-

тивах исторического развития России как государства, но о потенциале родины, как принято сейчас говорить, а тогда подразумевалось, «в человеческом измерении». Его масштаб и богатство, безусловно, зависят от того, насколько на Родине русский человек чувствует себя духовно свободным, каковы возможности проявления его независимого духа, как защищены законом его права, какие условия созданы для развития его личности. И до той поры, пока это не будет достигнуто, протестанты-эмигранты (по политическим, экономическим ли причинам – в данном случае не важно) будут покидать любимые и неуютные берега (М. А. Осоргин).

Миссия русской эмиграции пореволюционной эпохи выполнена. Она сделала почти все от нее зависящее, чтобы ее судьба не обречена была на забвение. Теперь дело за нами. Вспомним Джорджа Сантаяну: «Тот, кто не помнит своего прошлого, осужден на то, чтобы пережить его вновь».

Список литературы

Бабичева М. Е. Писатели второй волны русской эмиграции: библиографические очерки. – М.: Пашков Дом, 2005. – 447 с.

Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). – М.: Международные отношения, 1990. – 336 с.

Бунин И. А. Новые материалы. Вып. 1. – М.: Русский путь, 2004. – 584 с.

Вейдле В. В. Безымянная страна. – Р.: УМСА-Press, 1968. – 164 с.

«В краю чужом...»: Зарубежная Россия и Пушкин / Составл., вступ. статья и коммент. М. Д. Филина. – М.: Рыбинск: Русский мир, Рыбинское подворье, 1998. – 496 с.

Волконский С., Волконский А. В защиту русского языка. – Берлин: Комитет по устройству Дня рус. культуры во Франции, 1928. – 104 с.

Князь Сергей Волконский: Мои воспоминания. Т. 2. Родина. – Берлин: Медный Всадник, 1923. – 351 с.

Воспоминания 500 русских детей. — Прага, 1924; Дети эмиграции: Воспоминания: Сб. статей. — Прага, 1925 (М. : Аграф, 2001). См. также превосходное издание всех сочинений-воспоминаний учащихся русских эмигрантских заведений: Дети русской эмиграции: Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники. — М. : Терра, 1997. — 496 с.

Голицын-Муравлин Д. П. В защиту русского языка // Двуглавый орел. — 1922. — Вып. 23.

Голубева-Монаткина Н. И. Эмигрантская русская речь // Русский язык в Зарубежной России / Под ред. Е. В. Красильниковой. — М. : Едиториал УРСС, 2001. — 344 с.

Дети эмиграции: Воспоминания: Сб. статей. — Прага, 1925. — 256 с.

Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь. — Париж: Поволоцкий и Ко., 1927.

Ильин И. А. Путь духовного обновления. — Белград, [1937].

Иоанн (Максимович). Духовное состояние русской эмиграции: Докл. Преосвященного Иоанна епископа Шанхайского Собору Православной Русской Зарубежной церкви с участием клира и мирян 9/22 авг. 1938 г. в Ср. Карловцах. — Белград: [б. и.], 1938. — 16 с.

Карцевский С. И. Из лингвистического наследия / Сост., вступ. ст. и коммент. И. И. Фужерон. — М. : Языки славянской культуры, 2000. — 344 с.

Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Вып. 1-2. — Р. : Librairie des Cinq Continents, 1971-1973. — 347 с. ; 147 с. ; Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции: 1919-1939. — М. : Прогресс-Академия, 1994. — 296 с.

См., в частности: Русский язык зарубежья / Под ред. Е. В. Красильниковой. — М. : Едиториал УРСС, 2001. — 344 с.

Современные записки. — 1922. — Т. XIII. — С. 214.

Цит по: Сазонова Ю. Четыре эссе (Предисл. Рашида Янгирова: «Граждане страны воспоминаний») // Отечественные записки. — 2008. — № 5 (44).

Яворский Ю. А. Русский язык. — Львов, 1923.

Российское военно-историческое наследие за рубежом

*Мозговой Сергей Александрович
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева.
Россия, Москва*

Military-historical and Marine Heritage abroad

Mozgovoy Sergey A.

*The Russian Institute of Cultural and Natural Heritage
by named D. S. Likhachev
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

В статье даются общие сведения о российском военно-историческом и морском наследии за рубежом. Автор выделяет и обосновывает несколько периодов формирования этого наследия. Здесь показан состав военного и морского наследия и сообщается об основных объектах, расположенных во всех частях света.

Ключевые слова: Военно-историческое наследие, морское наследие, культурное наследие, поля исторических сражений, культурное наследие, военные памятники и мемориалы, военные храмы, Русское казачье кладбище на Лемносе, Русская эскадра в Бизерте, Тунис.

ABSTRACT

The paper provides general information about Russian military history and maritime heritage abroad. The author identifies and justifies several periods of the formation of this heritage. It shows the composition of the military and naval heritage and reported on the main facilities located in all parts of the world.

Key words: Military-historical Heritage, Marine heritage, Field Battlefield, cultural heritage, military monuments and memorials, military temples, Russian Cossack cemetery on Lemnos, Russian squadron in Bizerte, Tunisia.

Российское военно-историческое и морское наследие за рубежом многогранно и всецело связано с историей нашей страны.

Для удобства описания и изучения можно условно выделить несколько периодов его формирования. Первый, длительный по хронологическим меркам, период, охватывает огромный культурно-исторический пласт нашей страны. Он включает памятные события и объекты, дошедшие до нас от древнейших времен до начала XX века. Наибольшее количество памятников здесь приходится на императорскую Россию. Второй период охватывает время от Первой до Второй мировых войн и в отечественной историографии получил название «межвоенного периода». Российское военно-историческое наследие, сформировавшееся в этот период, во многом связано с первой волной эмиграции, получившей название «Великий исход» по причине самого многочисленного переселения наших соотечественников в результате революции и Гражданской войны. Третий период связан с появлением памятников советским воинам участникам Великой Отечественной войны и советским воинам участникам интернациональной помощи братским народам в их борьбе против империализма и колониализма.

Российское и советское военно-историческое наследие в той или иной форме имеется во многих странах мира, практически на всех континентах. Оно представляет собой историческую память о военном событии и объекты культурного наследия, связанные с историей военной деятельности.

Наибольшее их количество приходится на Европу. Это обусловлено историческими причинами и связано как с интенсивной европейской межкультурной комму-

никацией, так и с вовлеченностью России в европейские военно-политические союзы и конфликты.

Состав военного и морского наследия выглядит следующим образом:

- поля исторических сражений, включая морские;
- места отдания воинских почестей в память славных побед и героической гибели кораблей русского и советского флота;
- крепости, фортификационные сооружения (Брестская крепость, Нарва, Измаил и др.);
- порты и военно-морские базы (Либава, Ревель, Порт-Артур и др.);
- военные некрополи и захоронения (Русское военное кладбище на Шипке, Русское казачье кладбище на Лемносе, захоронения в Тунисе и множество других);
- военные памятники и мемориалы;
- воинские храмы (храм святителя Николая в Софии, Свято-Никольский морской собор в Лиенапе, храм Александра Невского в тунисском городе Бизерта);
- военные и морские музеи, в хранилищах которых имеются объекты военного и морского наследия России;
- военная техника и вооружение (подводные лодки, самолеты, боевые машины и др.);
- затонувшие корабли;
- архивы;
- военные школы и др.

Перечислять все эти объекты в рамках короткого выступления нет смысла.

Исторические источники зафиксировали походы наших предков на Византию, борьбу русского народа с иноземными захватчиками (немецкими, шведскими и др.), кругосветные плавания и географические открытия, братскую помощь в освобождении других народов от колониализма (Греция, США и др.) и при стихийных бедствиях (Италия). Среди них, сражение у Константинополя (1043 г.), победа русской армии под командованием Петра I над шведами в Полтавском сражении (1709 г.), морская победа русского флота под командованием Петра I над шведами у мыса **Гангут (1714 г.)**, взятие русскими войсками под командованием А. В. Суворова турецкой крепости **Измаил (1790 г.)**, победа русской эскадры под командованием Ф. Ф. Ушакова у мыса Тендра (1790 г.), штурм **Корфу** коалицией совместных русско-оттоманских сил под предводительством адмирала Ушакова (1799 г.), Аустерлицкое сражение (1805 г.), вошедшее в историю как «битва трёх императоров», поскольку против армии императора Наполеона I сражались армии императора австрийского Франца II и русского Александра I; первая русская антарктическая экспедиция военных кораблей под командованием Беллингаузена и Лазарева (1819-1821 гг.), победа русской эскадры под командованием П. С. Нахимова над турецкой эскадрой у мыса **Синоп (1853 г.)**, оборона **Порт-Артура (1904 г.)**, подвиг русских военных моряков в **Мессине (1908 г.)** и др.

Память о многих но не обо всех этих сражениях и событиях увековечена в памятниках и топонимике. Как правило, исторические события воинской славы были увековечены на территории подконтрольной России (СССР) или дружественных стран. Так, на месте погребения погибших в Гангутском морском сражении русских воинов в 1871 г. поставлен памятник в Рилакс-фьорде (недалеко

от полуострова Ханко нынешней Финляндии). А памятник беспримерному переходу Суворова через Альпы (1799 г.) был установлен князем Голицыным в Швейцарии в 1899 году к столетию битвы. На нем золотыми буквами выбита надпись: "Доблестным сподвижникамъ генералиссимуса фельдмаршала графа Суворова Рымнинскаго, князя италійскаго, погибшим при переходе черезъ Альпы въ 1799 году". Памятник венчает 12-ти метровый крест, вырубленный в скале. И сейчас памятник весьма ухожен, уставлен живыми цветами. В память об Аустерлицком сражении в небольшом чешском городке Славков в Моравии в 1923 году установлен памятник, часть которого посвящена России. На фронтонах памятника размещены медальоны с надписями. На одном из них значится: "Русским воинам на полях Аустерлица погибшим. Год 1805 20 ноября. Вечная память". На острове Корфу (Греция) и сейчас можно встретить русскую пушку времён совместной русско-турецкой кампании, а вот пушки, использовавшиеся в обороне Порт-Артура представлены в экспозиции музея Тихоокеанского флота во Владивостоке. Памятник русским морякам, которые первыми пришли на помощь жителям итальянской Мессины, пострадавшей от сильного землетрясения в 1908, открыт в 2012 г. на Сицилии. А вот экспедиция в Антарктиду памятника на шестом континенте не оставила, но зато открыт шестой материк – Антарктида и 29 островов, а группа из трёх вновь открытых островов была названа в честь тогдашнего морского министра островами Маркиза де Траверсе. Был открыт остров Петра I, названный в честь основателя российского военного флота, но подойти к нему близко мешали льды, поэтому высадка на остров не состоялась. Экспедиция увидела протяженный гористый берег, частично не покрытый льдом. Он получил название Земля Алек-

сандра I. В Болгарии стоит памятник «Свободы» на перевале Шипка в честь победы русских войск в войне 1877-1878 годов за освобождение Болгарии от Османского владычества.

Богатое военно-историческое России представлено в Таллинне (Ревель) и Лиепае (Либава). Порт Ревель носил имя императора Петра Великого. Среди объектов военного и морского наследия здесь особо выделяются Минная гавань, Памятник броненосцу «Русалка» (1902 г.), подводная лодка «Лембит», ангары лётной гавани для гидросамолетов в которых ныне располагается Таллиннский Морской музей и др. Эти ангары, построенные в 1912 году для гидропланов авиации Балтийского флота, являются первыми железобетонными бесколонными конструкциями такой величины в мире. По оценке международного жюри, эти ангары — один из самых выдающихся памятников авиации в Европе. А Либавская военно-морская база располагалась в порту имени императора Александра III. Основными культурно-историческими объектами здесь являются «Зимняя гавань», Либавская крепость, уникальный разводной мост в военный городок, Кафедральный Морской собор и др.

С началом Первой мировой войны — одной из самых масштабных и кровопролитных войн в истории человечества — прошло сто лет. Российские солдаты боролись с врагом не только в западных рубежах Родины — в Восточной Европе, но и помогали своим союзникам на Балканах и на Западном фронте, во Франции. В частности, во Францию наша страна отправила целый корпус из 45 тысяч человек. Из них на полях сражений погибло более восьми тысяч русских солдат и офицеров. Память о тех событиях хранится в военных музеях Франции, воплощена в памятниках, установленных в Париже и в Каннах. Один

из монументов в честь воинов русского экспедиционного корпуса во Франции сооружен в виде ангела-хранителя с пальмовой ветвью с руке.

Однако самый большой пласт военно-исторического наследия за рубежом сложился в результате первой самой большой волны эмиграции 1920 года. Только из Крыма осенью 1920 года эвакуировалось 150 тысяч чинов Русской армии и гражданского населения на 126 судах военного и торгового флота. По началу они осели в Константинополе, Галлиполи, на острове Лемнос (Греция), в Бизерте (Тунис). Затем стали расселяться по Европе – в Болгарии, Сербии, Франции, Бельгии, Германии, Финляндии, Прибалтике, Чехословакии. В последнюю многие поехали учиться те, кто не успел получить образование в результате Первой мировой и гражданской войн и ушел на фронт. Военные эмигранты создали множество монументов, памятников «Русской чести» и мемориалов, посвященных своим полкам, соединениям и сослуживцам (мемориал в Галлиполи, памятник чинам Донского корпуса, умершим в Болгарии в 1921-27 гг., и многие другие), храмы и часовни. Из числа сохранившихся и восстановленных – мемориальное кладбище и памятники на русском казачьем кладбище на острове Лемнос и др. Документы и фотографии того периода русской истории сохранялись в Русском заграничном историческом архиве в Праге и частных архивах. Некоторые из них сегодня вернулись в Россию и находятся в библиотеке-фонде «Русского зарубежья».

В 30-х гг. XX в. Советский Союз принимал участие в ряде локальных конфликтов и войн. В 1936-1939 гг. наши добровольцы оказывали интернациональную военную помощь республиканским силам в Испании, осенью 1939 г. произошел локальный вооруженный конфликт у реки Халхин-Гол на территории Монголии между СССР,

МНР — с одной стороны и Японской империей и Маньчжоу-го — с другой. Он завершился полным разгромом 6-й отдельной армии Японии. В 1940–41 гг. состоялась советско-финляндская война. Все эти конфликты оставили свой след в нашей и мировой истории. В Улан-Баторе в честь Георгия Жукова, командовавшего советскими войсками, названа центральная улица, есть музей, памятник в том месте, где располагалась ставка. На самой реке Халхин-Гол много памятников советским воинам, посвященных тем событиям. Есть памятники погибшим в «Зимнюю войну» и в Финляндии. И сегодня поисковики продолжают свою работу по увековечиванию неизвестных героев тех лет.

Однако самое большое военно-историческое наследие осталось нам после Великой Отечественной и Второй мировой войны. Наибольшее количество памятников мы имеем на Украине и в Беларуси. Самыми значимым среди них является крепость—герой Брест, а всего в Европе (за исключением бывших республик СССР) около 4 тыс. воинских мемориалов, в которых захоронено более 2,5 млн солдат и офицеров Красной Армии, погибших в боях в годы Второй мировой войны. К примеру, на территории Чехии и Словакии, которые до 1993 года были единым государством, имеется 57 памятников советским воинам-освободителям. В Словакии есть мемориальное кладбище и памятник на горе Славин, где захоронено 6845 воинов Советской армии, которые погибли при освобождении города. В Польше находится 561 памятник советским воинам и 638 захоронений периода Второй мировой войны. В Белграде несколько сотен советских солдат из числа погибших при освобождении Югославии захоронены на специальном участке Нового кладбища. В Берлине в Трептов-парке стоит всем известный памятник советским воинам — солдат с немецкой девочкой на руках. В Болгарии,

в Пловдиве, 50 лет назад был установлен памятник Воину-освободителю. Болгары называют его Алешей. Несмотря на то, что памятник был поставлен в честь неизвестного солдата, он получил имя. Во-первых, в годы строительства памятника была популярна песня «Стоит под горою Алеша...», а во-вторых, это реальный человек, он служил в знаменитом лыжном батальоне сибиряков, сражавшемся в Пловдиве. Памятник имеет высоту 17 метров и его можно увидеть практически из любой точки города. В Австрии, где в войну погибло более 26 тысяч советских солдат в августе 1945 года открыт памятник Советским воинам на площади Шварценбергплац Вены. В Норвегии главным памятником Киркинеса является монумент советскому солдату. Он возвышается в центре города на каменной скале. Есть памятник советскому солдату и в Осло. В этой стране погибло 3,5 тысяч советских солдат. Как известно, по соглашению правительств СССР, США, Великобритании и Норвегии советские войска вступили на норвежскую территорию 18 октября 1944 года, а в сентябре 1945 года, выполнив свою освободительную миссию, советские войска покинули территорию Норвегии. Все захоронения находятся под охраной государств. Хотя инциденты, связанные с этими памятниками, все-таки возникают...

Сегодня в угоду политической конъюнктуре иницируемой антироссийскими силами Запада в ряде стран Европы разрушают или убирают памятники тем, кто спас мир от коричневой чумы. В начале 90-х годов многие памятники исчезли с площадей и улиц венгерской столицы. Отметим, что ранее в Будапеште на месте захоронений ранее стояли многочисленные памятники в честь советских солдат (по некоторым данным, всего в стране их около 940). Эстонские власти демонтировали памятник

Воину-освободителю в Таллине на холме Тынисмяги, в Польше в сентябре 2015 года демонтировали памятник генералу Черняховскому. К сожалению, эта негативная тенденция набирает обороты и в других восточно-европейских странах.

Период после Второй мировой войны характеризуется участием советской армии и военных специалистов в сдерживании агрессивных устремлений блока НАТО и размещении групп советских войск в социалистических странах (Германия, Венгрия, Польша и др.), участием в боевых действиях и локальных конфликтах в Азии, Африке и на Ближнем Востоке, интернациональной военной помощи (КНР, КНДР, Вьетнаму, Анголе, Афганистану, Индонезии) и подавлении мятежей в Восточной Европе, созданием военных и военно-морских баз в дружественных странах (Вьетнам, Сирия и др.). В связи с этим, множество памятников советским воинам находится в КНР, КНДР, Социалистической Республике Вьетнам и др. странах. А в Индонезии на многих островах советские МИГи встали на постаменты и стали памятниками борьбы с колонизаторами.

После распада СССР большая доля российского и советского военно-исторического наследия оказалась за границей (Украина, Молдова, Прибалтика, республики Закавказья и Средней Азии). Теперь российским военно-историческим наследием за рубежом стал космодром Байконур (Казахстан), военные базы Ахалкалаки (Грузия) и Гюмри (Армения), Лиепайская (Латвия) и Таллиннская (Эстония) военно-морские базы.

Изучать и сохранять отечественное военно-историческое наследие — наша общая задача. Именно в опоре на это наследие созидалось российское суверенное государство.



Памятный крест на Русском Казачьем кладбище. Лемнос

Сведения об авторах

Гриценко Евгения Петровна, кандидат культурологии, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела ФГБУ культуры «Музей-усадьба Л. Н. Толстого “Ясная Поляна”».

Дурнобцев Валерий Иванович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

Житенёв Сергей Юрьевич, кандидат культурологии, заместитель директора Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева.

Зайцева Анна Александровна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева.

Литаврина Марина Геннадиевна, доктор искусствоведения, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и Российского университета театрального искусства (ГИТИС).

Люсый Александр Павлович, кандидат культурологии, старший научный сотрудник Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева.

Матвеева Зоя Дмитриевна, младший научный сотрудник Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева.

Мозговой Сергей Александрович, кандидат исторических наук, заведующий сектором Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева.

Монгуш Марина Васильевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева.

Огороков Александр Васильевич, доктор исторических наук, первый заместитель директора Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева.

Пархоменко Татьяна Александровна, доктор исторических наук, начальник отдела культурного взаимодействия государства, религии и общества Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева.

Путрик Юрий Степанович, доктор исторических наук, заведующий отделом социокультурных и туристских программ Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, профессор Международной Туристской академии.

Рябов Сергей Алексеевич, кандидат военных наук, ведущий научный сотрудник Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева.

Юренева Тамара Юрьевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева.

Содержание

Предисловие	3
<i>Рябов С. А.</i> Граница Российской империи и ее пограничье, ставшие территорией зарубежных стран: проблемы изучения и сохранения наследия старых российских границ	6
<i>Мозговой С. А., Окорочков А. В.</i> Морское наследие	21
<i>Житенёв С. Ю.</i> Русское религиозное наследие в Европе: исторические и культурологические аспекты.....	31
<i>Люсый А. П.</i> Петербург без Петербурга, Крым без Крыма: особенности локального текста в литературе русского зарубежья	43
<i>Путрик Ю. С.</i> Туристское использование российского зарубежного культурного наследия.....	63
<i>Монгуш М. В.</i> Международный мемориальный трест Рерихов в Индии: история создания, цели и задачи	73
<i>Юренёва Т. Ю.</i> Русское искусство в музеях Великобритании.....	84

Содержание

<i>Матвеева З. Д.</i> Коллекции русского искусства в музеях стран Балтии	101
<i>Гриценко Е. П.</i> Образовательная деятельность потомков А. Н. Толстого за рубежом.....	116
<i>Литаврина М. Г.</i> «Неизвестные наследники»: ученики Станиславского М. А. Успенская и В. А. Соколов – актеры-педагоги в Голливуде.....	133
<i>Зайцева А. А.</i> Россия в судьбе деятелей русской эмиграции первой волны (по материалам Русского культурно-исторического музея в Праге).....	149
<i>Пархоменко Т. А.</i> Некрополь зарубежной России	163
<i>Дурновцев В. И.</i> «Возникновение эмиграции подобно сотворению мира».....	183
<i>Мозговой С. А.</i> Российское военно-историческое наследие за рубежом.....	224
Сведения об авторах.....	236

Научное издание

РОССИЙСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЗА РУБЕЖОМ:
АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ И СОХРАНЕНИЯ,
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
И ДОСТУПНОСТИ

Сборник статей

Редактор-составитель – Т. А. Пархоменко
Литературный редактор – Н. В. Назарова

Статьи представлены в авторской редакции

Утверждено к печати Редакционно-издательским советом
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д.С. Лихачева
Подписано в печать 14.12.2015

Российский научно-исследовательский
институт культурного и природного наследия
имени Д.С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
e-mail: heritage@mtu-net.ru, cdn-nasledie@mail.ru

Отпечатано в типографии
ООО «Принт сервис групп»,
тел./факс: (499) 785 05 18, e-mail: 3565264@mail.ru
г. Москва, Борисовская ул., д. 14, стр. 6

Формат 84x108/32. Гарнитура Lazurski
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15.
Заказ № 237